

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. В. КУКЛИНА

ЭТНОГЕОГРАФИЯ
СКИФИИ

ПО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1985

В книге на основе анализа античных источников (в первую очередь Геродота) и с привлечением археологических материалов сделана попытка разрешить ряд спорных проблем современной скифологии. Затронуты вопросы скифского этногенеза и ранней истории скифских племен, путей и времени их продвижения и появления в Северном Причерноморье, локализации ряда географических представлений, связанных со скифами.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов и филологов.

Отвeтственный редактор

А. А. НЕЙХАРДТ

Рецензенты:

Я. В. ДОМАНСКИЙ, Э. Д. ФРОЛОВ, И. А. ШИШОВА

0505010000-526

— 35-85-1
042 (02)-85

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема происхождения скифов не менее сложна и запутанна, чем, скажем, проблема происхождения славян. Основные споры касаются вопросов о том, с какой археологической культурой могут быть связаны скифы и киммерийцы, откуда следует выводить их культуру, в какое время появились скифы на территории Северного Причерноморья, какая река на пути скифов носила название Аракс, чем объяснить отмеченный всеми археологами факт, что появление скифов в Северном Причерноморье невозможно проследить археологически, и почему на территории северочерноморских степей количество как бедных, так и богатых скифских погребений VI—V вв. до н. э. сравнительно невелико.

Археологическая скифская культура как таковая прослеживается в Северном Причерноморье лишь начиная с VI в. до н. э., и в то же время многие исследователи относят появление здесь скифов уже к началу I тыс., а то и ко II тыс. до н. э., считая, что окончательно скифская культура оформилась во время их походов в Переднюю Азию, а некоторые склонны даже считать скифов аборигенами в Северном Причерноморье.

По существу еще ни один из узловых вопросов скифоведения не получил окончательного разрешения.

В современной скифологии наблюдается явная тенденция приурочивать имя скифов только к кочевым племенам Северного Причерноморья в пределах от Днестра до Дона, причем даже из этого представления о Скифии исключаются районы Среднего Поднепровья и Прикубанья, т. е. именно те районы, где наиболее характерно проявилась ранняя скифская культура: ведь археологический материал VI—V вв. до н. э. происходит как раз отсюда, тогда как степные курганы относятся в основном к IV—II вв. до н. э.

Л. А. Ельницкий в своей последней книге остроумно заметил, что археологи стремятся истолковать геродотов-

ское размещение племен так, чтобы исследуемая ими территория оказалась как раз в центре реконструируемой ими геродотовой Скифии. Так, например, М. И. Артамонов, производивший раскопки скифских памятников преимущественно на Нижнем Днепре, там же и локализует земледельческие скифские племена; в то же время киевские археологи размещают их на Среднем Днепре, а Б. Н. Граков, работавший на Нижнем Днепре, территорией основных скифских племен считал пространство между Днепром и Доном, а также степной Крым и совсем исключал Среднее Поднепровье.¹

Однако в настоящее время после раскопок среднеазиатских и южносибирских курганов археологами открыта на Енисее, в Восточном Казахстане, в западных предгорьях Алтая, в Приаралье и Туве скифская культура более раннего времени, чем в Северном Причерноморье. В первую очередь здесь следует назвать царский курган Аржан в Туве VIII в. до н. э., раскопанный М. П. Грязновым и дающий удивительные параллели к описанному Геродотом обряду погребения скифского царя.² Поэтому сейчас уже не может быть и речи о том, что скифская культура развивалась единственно в Причерноморье, а остальные памятники говорят только о пределах, степени и размерах ее влияния.

Это заставляет по-новому подойти к проблемам скифского этногенеза, внимательнее взглянуться в античные источники, в вопросы локализации и отождествления целого ряда географических представлений, связанных со скифами, с тем чтобы ответить на вопрос, дает ли античная письменная традиция опору для такого расширительного понимания ареала скифской культуры на всем пространстве евразийских степей.

Разногласия среди современных скифологов в значительной степени зависят от противоречивости самих источников. Немало противоречий содержит и IV книга «Истории» Геродота — один из основных наших источников по истории скифов. Перечисление всех этих противоречий заняло бы слишком много места, поэтому придется ограничиться лишь выборкой наиболее ярких примеров.

Уже в самом начале IV книги (гл. 2), сообщая об ос-

¹ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 68 сл.

² Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.

леплении скифами рабов «из-за молока», Геродот приводит в недоумение своих читателей: сообщение его настолько противоречиво, что, как отмечали комментаторы, с трудом поддается логическому осмыслению.³ Некоторые исследователи вообще отказывались принимать его всерьез, считая, что либо Геродот неправильно понял своих осведомителей, либо из его рассказа выпали какие-то логические звенья.⁴

Явно противоречат одно другому приведенные Геродотом предания о происхождении скифов. Несомненная путаница существует и в геродотовских сведениях о р. **Аракс**.⁵ Вообще идентификация многих рек Скифии (таких, например, как Паптикап, Герр, **Гипакирис**, Лик, Оар, Сиргис и др.) из-за противоречивости геродотовских описаний чрезвычайно затруднена, и попытки найти эти реки в Северном Причерноморье зачастую безрезультатны.

В значительной мере противоречат друг другу и следующие факты: с одной стороны, Геродот (IV, 71, 4) сообщает, что скифы вообще не употребляют меди, а с другой (IV, 81, 3 и 6) — подробно описывает медный сосуд скифов, сделанный из наконечников стрел и вмещающий 600 амфор; толщину его медных стенок Геродот определяет в шесть пальцев.

Взаимно исключают друг друга и сообщения Геродота (IV, 5—7) о почитании скифами золотой секиры и о поклонении железному акинаку (IV, 62), тем более что в очерке скифской религии у Геродота (IV, 59 сл.) вообще нет упоминания о почитании скифами священного золота.

Определенное противоречие существует и в известии Геродота (IV, 105, 1) о переселении невров в страну будинов, поскольку он поселяет невров у истоков Тираса и **Гипаниса** (IV, 17, 2), а будинов — за Танаисом (IV, 21). Вряд ли речь могла идти о столь отдаленном переселении, тем более что во всех остальных случаях Геродот называет андрофагов и меланхленов восточными соседями невров (IV, 100, 119, 125). Исследователи, считавшие сообщение о переселении невров к будинам достоверным, вынуждены были либо помещать будинов на западе, по

³ Подробнее см.: Мищенко Ф. Слепые рабы у скифов. — *ФО*, 1900, т. XVIII, с. 111 сл.

⁴ Neumann K. *Die Hellenen im Skythenlande*. Berlin, 1855, S. 279; Жебелев С. А. Скифский рассказ Геродота. — СП, с. 330.

⁵ См. об этом ниже, в гл. V.

соседству с неврами, а не за Доном, к северу от савроматов, как это следует из текста Геродота (IV, 21), либо делить будинов на две народности — западную и восточную, либо, наконец, размещать будинов на огромной территории, охватывающей области к западу от Днепра и простирающейся па восток вплоть до Уральских гор и р. Урала.

Больше всего неясностей, противоречий и чисто фантастических сведений содержится, как это отмечало большинство комментаторов, в рассказе Геродота о походе Дария против скифов (IV, 118—142) — главном стержне всего его скифского экскурса. Так, в нем несомненно нарушены законы пространства и времени: невероятно, чтобы Дарий мог за 60 дней пройти от Дуная до областей к востоку от Дона, а затем вернуться кружным путем опять к Дунаю; это представляется тем более невероятным, что в тексте отсутствуют упоминания о переправах через полноводные скифские реки (за исключением Истра и Танаиса). Неправдоподобно, что войско Дария насчитывало 700 тыс. человек и что оно могло прокормиться в специально опустошенной и обезвоженной скифами стране. Лишено смысла также приказание Дарпия разрушить мост через Истр, тем более что он собирался вернуться в Персию тем же путем, и т. д.⁶

Необходимо отметить и обычную для Геродота неточность в определении расстояний. Так, например, в IV, 18 он сообщает, что скифы-земледельцы живут по Борисфену на расстоянии одиннадцати дней плавания, а в IV, 53 — десяти дней; причем это несоответствие нельзя объяснить тем, что в одном случае имеется в виду плавание вверх, а в другом случае — вниз по реке, так как при этом разница в один день выглядит слишком ничтожной.

Имеется в труде Геродота и целый ряд хронологических несообразностей,⁷ в частности и в его Скифском рас-

⁶ Подробнее о противоречиях в рассказе Геродота о походе Дария см.: Мищенко Ф. Г. Геродот. История в девяти книгах: Пер. с древнегреческого. М., 1884—1886, т. 1—2, Указатель, с. 192; Gutschmidt A. von. Die Skythen. — In: Kleine Schriften. Leipzig, 1892, S. 435 folg.; Macan R. Herodotus. London, 1895. t. II, p. 33 follow.; How W. W., Wells J. A commentary on Herodotus. Oxford, 1928 (далее: How, Wells), app. XII, 1, p. 429 (The Scythian expedition); Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 367—369.

⁷ Подробнее см.: Струве В. В. Хронология VI в. до н. э.

сказе (об этом подробнее далее). Более того, даже и этимологию некоторых слов, которые Геродот передает и переводит на греческий как «скифские», не всегда можно объяснить из иранского. Например, по мнению В. Миллера,⁸ не поддается такому объяснению слово «Экзампей». Некоторые исследователи допускают, что впереди слова имеет привативный смысл, так что первую половину слова Ἐξαρπαιός можно понимать как «невредимый», «неповрежденный»; вторая же его часть возводится к иранскому слову со значением «путь, тропа».⁹ Однако М. Фасмер считает все предложенные этимологии неудовлетворительными с лингвистической точки зрения.¹⁰

Немалые разногласия среди археологов вызывает то обстоятельство, что Геродот ограничил Скифию с востока р. Танаисом (Доном): «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля», — пишет Геродот (IV, 21). Однако археологические материалы позволяют выявить скифскую культуру в Прикубапе, на Кавказе и в Средней Азии. К тому же Геродот сам себе противоречит, причисляя к скифам среднеазиатских саков (VII, 64). Геродот не считал скифами ни исседонов, ни массагетов,¹¹ тогда как современные исследователи, опираясь на археологические, лингвистические и топонимические материалы и на свидетельства других античных источников (в частности, на сведения Гекатея — предшественника Геродота), отмечают родство культуры этих азиатских племен со

в труде Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья. — В кн.: Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 86 сл.

⁸ Миллер В. Осетинские этюды. М., 1887, т. III, с. 132.

⁹ См.: Müllenhoff K. 1) Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. — MBWA, 1866, S. 554; 2) Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1893, Bd III, S. 105.

¹⁰ Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde / Hrsg. von H. Brauer. Berlin, 1971, Bd I, S. 116.

¹¹ Относительно исседонов (I, 201; IV, 13, 16, 25—27, 32) это можно вывести лишь косвенно, относительно же массагетов — более определенно: так, Геродот пишет, что «массагеты похожи на скифов одеждой, какую они носят, и образом жизни» (I, 215, 4); ср.: I, 216, 1: «То, что, по словам эллинов, принято у скифов, делают в действительности не скифы, а массагеты». Отмечая (I, 201), что «по мнению некоторых, массагеты — скифское племя», Геродот, очевидно, сам не разделяет этой точки зрения и, возможно, полемизирует здесь с Гекатеем; см.: Jacoby F. 1) Herodotos. — RE, 1913, Suppl. II, col. 426; 2) Hekataios. — RE, 1912, t. VII, col. 2682; Пьянков И. В. Массагеты Геродота. — ВДИ, 1975. № 2, с. 53.

скифами и считают возможным говорить об их скифском (иранском) происхождении.¹²

Точно так же описание похорон скифского царя, оставленное Геродотом (IV, 71), вызвало серьезные споры между исследователями, так как на территории, отведенной Геродотом скифам, не было найдено соответствующего по обряду и времени скифского погребения,¹³ тогда как картину, близкую к рассказу Геродота, дали погребальные сооружения в курганах Прикубанья,¹⁴ Алтая¹⁵ и Тувы.¹⁶

Некоторых других противоречий и неясностей еще придется коснуться при дальнейшем изложении темы.

По-видимому, не случайно в древности установился взгляд на Геродота как на сочинителя басен и занимательных рассказов. Геродоту уже во второй части своего труда пришлось оправдываться перед своими слушателями и специально оговаривать правдивость иных своих известий (см. VI, 43; ср. III, 80).¹⁷

¹² См., напр.: Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 111 follow.; Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. — В кн.: Струве В. В. Этюды..., с. 60; Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952, с. 16 сл.; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 277 сл.; Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи. — СА, 1966, № 2, с. 173 сл.; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 88 сл.; Вишневская О. А. Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — МИА, 1971, № 177, с. 207 сл.; Köthe H. Die Herkunft der kimmerischen Reiter. — Klio, 1963, Bd 41, S. 22 folg.; Дандамаев М. А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда. — КСИНА, 1963, вып. 61, с. 180; Пьянков И. В. 1) Саки (содержание понятия). — Изв. АН ТаджССР, Отд-ние общественных наук, 1963, № 3 (53), с. 17; 2) Массагеты Геродота, с. 67; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 100 сл., 127 сл.

¹³ За исключением единственного погребения, открытого в урочище Дорт-Оба (под Симферополем) Н. И. Веселовским (см.: ОАК, 1892, с. 6 сл.; ср.: Кашпар А. С. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные в 1892 г. проф. Н. И. Веселовским. — ИТУАК, 1892, № 16, с. 115 сл.; см. также: Спидын А. А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи. — ИТУАК, 1918, № 54, с. 172 сл.).

¹⁴ См.: Смирнова П. Скифы, с. 75 сл.; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 57 сл.

¹⁵ Руденко С. РЛ Горноалтайские находки и скифы, с. 224 сл.

¹⁶ Грязнов М. П. Аржан...

¹⁷ См.: Мищенко Ф. Г. Не в меру строгий суд над Геродотом. — В кн.: Геродот. История в девяти книгах, т. 2, с. IV сл. Ср.: Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947, с. 151 сл.

Фукидид зачислил Геродота в разряд «прозаических историков», логографов, преследующих не историческую истину, а минутное удовольствие слушателей или развлечение читателей; в некоторых местах своей истории Фукидид полемизировал, как считает Ф. Мищенко,¹⁸ именно с Геродотом (I, 20, 97, 126; II, 8, 97; VI, 4).

Ктесий в своей «Истории Персии» поставил, в частности, перед собой цель изобличить лживость Геродота в соответствующих разделах его труда. Сочинителем сказок считали Геродота также Аристотель, Фемистий, Гермоген, Геллий и др.¹⁹

Страбон объединил в одно направление Геродота, Ктесия, Геллапика и авторов описания Индии, которые «придумывают невероятное, чтобы удовлетворить склонность к чудесному и доставить удовольствие слушателям» (I, 2, 35), и заметил, что «легче поверить, пожалуй, Гесиоду и Гомеру с их сказаниями о героях или трагическим поэтам, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим подобным писателям» (XI, 6, 3).²⁰

В числе тех, кто придавал мало веры геродотовским известиям, Ф. Мищенко называет также имена Манефона, Гарпократиона, Феопомпа, Цицерона, Лукиана, Иосифа Флавия. Следует добавить еще имена Плутарха (речь «Об употреблении в пищу мяса», II, 3: «Скифы, согдианы и меланхлены, геродотовым рассказам о которых не верят»), Элиана («О животных», II, 53: «Если я говорю несогласно с Геродотом, то пусть он не прогневается на меня: сообщающий это утверждает, что он передает достоверный рассказ, а не слух, ни на чем не основанный»), Оригена («Против Цельса», VI, 39: «... не лжет ли в этом Цельс вместе с Геродотом»). Плутарх написал даже особое сочинение «О злокозненности Геродота», в котором доказывал, что Геродот сознательно извращал факты.²¹

Такое отношение к Геродоту стойко держалось в науке на протяжении веков и дожило до XIX столетия, когда успехи начавшихся археологических изысканий совершили определенный переворот в отношении к Геродоту: бле-

¹⁸ Мищенко Ф. Не в меру строгий суд..., с. IV.

¹⁹ См.: Лурье С. Я. Геродот, с. 153.

²⁰ Ср.: Strab., XII, 3, 21: «... называя скифов, что живут над Борисфеном, „алазонами“ и „каллипидами“ и другими именами (которые нам наболтали Гелланик, Геродот и Евдокс)». Ср. также: XI, 14, 13 (отмечается недостоверность геродотовского сообщения о р. Аракс).

²¹ См. об этом: Лурье С. Я. Геродот, с. 154 сл.

стяще был подтвержден целый ряд его данных. Однако, с другой стороны, ориенталисты и эллинисты отметили и несомненные ошибки и неточности Геродота, выявленные также с помощью документальных источников (имеются в виду не только археологические материалы, но и восточные документы, иероглифические надписи и т. п.).

Мнения исследователей о Геродоте как историке резко разошлись. На одном полюсе можно назвать, например, имя английского комментатора Дж. Раулипсона,²² считавшего Геродота самым добросовестным и надежным свидетелем, которого только нужно верно понять, чтобы с помощью его сведений обогащать науку; на другом полюсе — имя А. Сейса,²³ также английского исследователя, подвергнувшего критике добросовестность Геродота и категорически отрицавшего его достоверность как историка. Мнения «золотой середины», пожалуй, можно выразить словами немецкого исследователя Г. Штейна,²⁴ чье критическое издание текста Геродота составило, несомненно, эпоху в изучении труда «отца истории»: «Геродот столь же мало удовлетворяет требованиям строгой и достоверной истории, как и любой из его предшественников и современников, в смысле осмотрительного собирания и оценки наличного исторического материала, выбора предметов и событий на основании одинаковых, соответствующих задаче принципов, отделения в предании существенного и главного от второстепенного и случайного, точного установления времени и хронологической последовательности и даже в смысле достаточно глубокого понимания предметов и личностей, внутренней связи и побудительных причин».²⁵

Современные исследователи по существу стоят на тех же позициях, считая, что сведения Геродота необходимо подвергать исторической критике, потому что его собст-

²² The History of Herodotus / Ed. G. Rawlinson (далее: Rawlinson). — London, 1858, t. 1. 690 p.; 1858, t. 2. 616 p.; 1859, t. 3. 563 p.

²³ Sayce A. H. The ancient Empires of the East. Herodotos, 1—3, with notes, introductions and appendices. London, 1883. 492 p. А. Сейс настолько далеко зашел в своей критике Геродота, что это побудило Ф. Г. Мищенко выступить в защиту античного историка со статьей «Не в меру строгий суд над Геродотом», приложенной к его переводу «Истории».

²⁴ Herodotos / Erklart von H. Stein. 5. Auflage. Berlin, 1883, Bd 1, H. 1. 236 S.; 1902, Bd 1, H. 2. 205 S.; 1892, Bd 2. 172 S.; 1894, Bd 3. 231 S., 1889, Bd 4. 221 S.; 1893, Bd 5. 265 S. (далее: Stein).

²⁵ Мищенко Ф. Г. Не в меру строгий суд..., с. VIII.

венные критические приемы (как и принципы античной историографии вообще) идут вразрез с требованиями современной науки и кажутся сейчас наивными.²⁶ Однако это не мешает современникам видеть в труде Геродота добросовестный источник, содержащий множество чрезвычайно интересных и важных географических, исторических и этнографических фактов.

Однако, когда заходит речь о Геродоте как источнике по истории юга пашей страны и его населения, то критические приемы и осторожность в обращении с его известиями как-то отступают на задний план; зачастую скифологи в своих исследованиях нагромождают одно предположение на другое в силу слепого доверия к известиям Геродота, противоречивость которых они пытаются примирить, обойти или объяснить, не подвергая их строгому анализу. Следствием этого является обилие самых разных, подчас взаимоисключающих гипотез, не свободных в то же время и от внутренних несообразностей.

Несомненной заслугой Геродота считается то, что он расчленил собирательное географическое представление своих соотечественников о скифах, ограничил Скифию довольно точными географическими рамками, отделил скифов от множества пограничных нескифских народов, которые другими древними авторами обозначались как скифы, хотя иные из них даже и не находились под их властью.

Тем не менее сам Геродот далеко не всегда последователен в употреблении понятия «скифы»: он обозначает им то одних царских скифов, то все племена, объединенные под их владычеством.²⁷ Целый ряд исследователей не без основания считал, что Геродот под скифами как таковыми (или «собственно скифами» — IV, 81) имел в виду только скифов царских, которые «единственные из всех свободны» (IV, 110) и «считают прочих скифов своими рабами» (IV, 20).²⁸

²⁶ Ср.: Лурье С. Я. Геродот, с. 142 сл.

²⁷ Мишонко Ф. Г. 1) К вопросу об этнографии и географии Геродотовой Скифии. — Изв. Киевск. ун-та, 1883, № 9, с. 504 сл.; 2) К вопросу о царских скифах. — Киевская старина, 1884, № 5, с. 63 сл.; 3) Этнография России у Геродота. — ЖМНП, 1896, май, отд. V, с. 80 сл.; Mair G. Das Land der Skythen bei Herodot. Saaz, 1884, Bd 1, S. 17, Anm. 61, 63.

²⁸ Hansen A. Osteuropa nach Herodot. Dorpat, 1844, S. 167; Neumann K. Die Hellenen..., S. 224; Stein, ad IV, 81; Мишонко Ф. Г. 1) К вопросу об этнографии..., с. 507 сл.; 2) Этно-

Естественно предположить, что покоренное население, на которое царские скифы смотрели как на своих рабов, этнически должно было отличаться от завоевателей. В связи с этим и Скифию Геродота большинство исследователей XIX в. рассматривало как **многоязычный** политический союз под властью скифов царских. К. Риттер, Б. Нибур, А. Ганзен, К. Нейманы, Г. Киперт и другие видели в земледельческом населении Скифии автохтонных обитателей, вынужденных платить дань завоевателям-скифам.²⁹ Это мнение разделял и Ф. Мищенко.³⁰ В XX в. к перечисленному ряду прибавились имена Э. Миннза, Г. Трайдлера, М. Эберта, М. И. Ростовцева, А. Д. Удальцова, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Д. П. Каллистова, М. Нинка, И. В. Фабрициус, П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова, А. И. Тереножкина, И. М. Дьяконова, Ж. Зборжила, И. Потратца, Г. Коте и др.³¹ Из советских

графия России у Геродота, с. 80 сл.; Masan R. Herodotus, p. 2; How, Wells, ad IV, 17; Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921, S. 84; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 22; П. Шафарик (см.: Славянские древности, М., 1948, т. 1, кн. 2, с. 7 сл.), деля собственно скифов на номадов и царских, все-таки именно последних называет «коренными, или настоящими скифами». Ср.: Minns E. Skythians and Greeks, p. 35. П. Д. Либеров (см.: Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. — МИА, 1962, № 113, с. 76) подлинными скифами считал только кочевые племена (царских и номадов).

²⁹ Ritter G. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten von Herodotus. Berlin, 1820, S. 317; Niebuhr B. Kleine historische und philologische Schriften. Bonn, 1828, Bd 1, S. 360; Шафарик П. Славянские древности, т. 1, кн. 2, с. 9; Neumann K. Die Hellenen..., S. 107; Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878, S. 341; Hansen A. Ost-Europa..., S. 65 folg.; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 130.

³⁰ Мищенко Ф. К вопросу о царских скифах, с. 58 сл.

³¹ Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 35; Treidler H. Die Skythen und ihre Nachbarvölker. — Anth., 1915, Bd 13, S. 280 folg.; Ebert M. Südrussland im Altertum, S. 63—64; Ростовцев М. И. 1) Эллины и иранство на юге России. Пр., 1918, с. 38 сл.; Rostowzew M. 2) Skythien und Bosphorus. Berlin, 1931, S. 275; Удальцов А. Д. Начальный период восточнославянского этногенеза. — ИЖ, 1943, № 11/12, с. 67 сл.; Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1944, с. 239 сл.; Рыбаков Б. А. 1) Ранняя культура восточных славян. — ИЖ, 1943, № 11/12, с. 73—79; 2) Происхождение славян. — ВИ, 1947, № 7, с. 95; Nink M. Die Entdeckung von Eugora durch die Griechen. Basel, 1945, S. 128; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 119 сл.; Фабрициус I. В. До питання про топографізацію племен Скіфії. — Археологія, 1951, т. 5,

скифологов только Б. Н. Граков подверг критике представление исследователей о собирательном смысле понятия «скифы». Он утверждал, что Геродот подразумевал под скифами племена этнически родственные и в то же время объединенные политически.³² Это положение было им развито в ряде работ³³ и подробно обосновано в статье «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время», написанной совместно с А. И. Мелюковой.³⁴

Мнение Б. Н. Гракова об этническом единстве скифского союза племен нашло поддержку ряда исследователей,³⁵ но вызвало и серьезные возражения,³⁶ так что большинство советских исследователей придерживается все же прежних взглядов на Скифию как на политический союз разноэтнических племен.³⁷

с. 50 сл.; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 45 сл.; Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии. — Учен. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 1949, № 85, вып. 13, с. 166; 2) Этнический состав населения Скифии. — В кн.: Доклады VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 175 сл.; Тереножкин А. И. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. — Там же, с. 145—146; Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956, с. 244 сл.; Zbořil J. Herodotova Skythie a sousede. — Slovenská archeológia, 1959, t. VII, N 2, s. 417—420; Potratz J. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, S. 10 folg.; Kohte H. 1) Pseudoskythen. — Klio, 1967. Bd 48, S. 61 folg.; 2) Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte. — Veröff. Inst. Orientforschung, 1968, Bd 69, S. 97 folg.; 3) Der Skythenbegriff bei Herodot. — Klio, 1969, Bd 51, S. 38 folg.

³² Граков Б. М. Стфи. Київ, 1947, с. 16 сл.

³³ Граков Б. Н. 1) Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, вып. 34, с. 11; 2) Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 17 сл.

³⁴ ВССА, с. 39 сл.

³⁵ См., напр.: Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 162; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. — Тр. ГИМ, 1959, вып. 36, с. 94 сл.

³⁶ См.: Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии. — ВССА, с. 16 сл.; Іллінська В. А. Андрюфаги, меланхленп, будини або стфи. — Археологія, 1970, т. 23, с. 29 сл.

³⁷ См. об этом: Петренко В. Г. Задачи и тематика конференции. — МИА, 1971, № 177, с. 5 сл.; Тереножкин А. И. Скифская культура. — Там же, с. 15 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов, М., 1975, с. 117 сл., 127; Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. — НАА, 1980, № 5, с. 103 сл.

С проблемой одноэтничности или разноэтничности скифского союза племен тесно связано и решение вопроса о территории Скифии.³⁸ Одни исследователи считают таковой лишь степную часть Северного Причерноморья (Б. Н. Граков, И. В. Яценко, Б. А. Шрамко и др.),³⁹ другие распространяют ее и на лесостепные районы (А. А. Спицын, М. И. Ростовцев, А. П. Смирнов, В. Д. Блаватский, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, А. М. Хазанов и др.)⁴⁰ М. И. Артамонов включал, кроме степных районов, еще Побужье и Поднепровье и исключал Среднее Поднепровье,⁴¹ а И. В. Фабрициус ограничила Скифию территорией нынешней Украинской ССР без ее западных областей.⁴²

Разногласия существуют и в решении проблем скифского этногенеза, поскольку Геродот изложил противоречивые предания об их происхождении: два из них (IV, 5—7 и IV, 8—10) дают возможность считать скифов автохтонами в степях Северного Причерноморья, а третье (IV, 11) выводит скифов из Азии — версия, которую сам Геродот считает наиболее заслуживающей доверия.⁴³

Большинство комментаторов и исследователей прини-

³⁸ Подробную библиографию см.: Іллінська В. А. Андрофаги, меланхлени..., с. 24 сл.; см. также: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. — ВССА, с. 49 сл.; Блаватский В. Д. О северной окраине Скифии Геродота. — МИА, 1969, № 169, с. 30 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 116 (библиография нуждается в некоторых поправках: неверны ссылки на М. А. Артамонова и А. М. Лескова).

³⁹ Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 17 сл.; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 39 сл.; Яценко И. В. Скифия..., с. 13 сл.; Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-естественных особенностей степной и лесостепной Скифии. — МИА, 1971, № 177, с. 92 сл.

⁴⁰ Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. — ИАК, 1918, № 65, с. 87 сл.; Ростовцев М. И. Эллинизм и царство..., с. 34 сл.; Блаватский В. Д. О северной окраине..., с. 30 сл.; Тереножкин А. И. 1) Об общественном строе скифов. — СА, 1966, № 2, с. 33 сл.; 2) Скифская культура, с. 15 сл.; Іллінська В. А. Андрофаги, меланхлени..., с. 32 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 116 сл., 229 сл.

⁴¹ Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии, с. 129 сл.; 2) Венеды, негры и будины в славянском этногенезе. — Вестн. ЛГУ, 1946, № 2, с. 70; 3) Этнический состав..., с. 169 сл.

⁴² Фабрициус И. В. До питання про топографізацію..., с. 51 сл.

⁴³ К. Абихт и Г. Штейн назвали ее исторической гипотезой.

мают как самое достоверное именно это сообщение Геродота и в соответствии с ним выводят скифов с востока, расходясь во мнениях лишь по вопросу о том, откуда и когда они появились в Северном Причерноморье. Г. Байер считал, что скифы появились из-за Волги,⁴⁴ К. Нейман — из Оренбургских степей,⁴⁵ К. Кречмер — из-за Урала (нижний Тобол и Исеть).⁴⁶ П. Шафарик и Ф. Мищенко только царским скифам приписывали азиатское происхождение, считая земледельческое население, покоренное скифами, автохтонным.⁴⁷ Г. Трайдлер, М. Эберт, М. И. Ростовцев, М. Нинк, А. А. Иессен, А. И. Тереножкин, И. Потратц, А. П. Смирнов, Г. Коте и другие выводят скифов из глубин Азии, связывая с их азиатским происхождением такие характерные явления культуры скифов: кочевников, как так называемая скифская триада, особенности одежды, общественной структуры, религии и языка;⁴⁸ при этом Г. Коте называет родину скифов Сицилией, а М. Нинк — степями между Амуром и Сырдарьей, А. П. Смирнов — «киргизские» степи к северу от Сырдарьи до Урала, И. Потратц — аральские степи.

Часть советских скифологов связывает происхождение скифских племен со срубной культурой и с движением племен этой культуры из Поволжья в причерноморские степи,⁴⁹ однако вопрос о времени этого продвижения

⁴⁴ Bayer Th. De origine et priscis sedibus Scytharum. — Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli, 1728, t. 1, p. 393 sq.

⁴⁵ Neumann K. Die Hellenen..., S. 111 folg.

⁴⁶ Kretschmer K. Scythae. — RE, 1923, t. II A, col. 926—931.

⁴⁷ Шафарик П. Славянские древности, т. 1, кн. 2, с. 22 сл.; Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о появлении сарматов и скифов в Европе. — ФО, 1899, т. 17, с. 36 сл.

⁴⁸ Treidler H. Die Skythen und ihre Nachbarvölker, S. 281; Ebert M. Südrussland im Altertum, S. 75 folg.; Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство..., с. 32 сл.; Nink M. Die Entdeckung von Europa durch die Griechen, S. 128; Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 56 сл.; Тереножкин А. И. 1) Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 205; 2) Скифская культура, с. 20 сл.; Potratz J. Die Skythen in Südrussland, S. 10 folg.; Смирнов А. П. Скифы, с. 21 сл.; Kothé H. 1) Die königlichen Skythen, S. 102; 2) Der Skythenbegriff. ..., S. 20.

⁴⁹ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 37 сл.; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 39 сл.; Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье, с. 157 сл.; Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — МИА, 1971, № 177, с. 75 сл.

шается по-разному: М. И. Артамонов, например, относил появление всех скифских племен к началу проникновения срубной культуры, т. е. ко второй половине II тыс. до н. э., О. А. Кривцова-Гракова датирует этот процесс XIII—XII вв. до н. э., а Б. Н. Граков сначала связывал появление скифов с последней волной миграции срубных племен из Поволжья (конец VIII—начало VII в. до н. э.), а впоследствии отнес этот процесс ко II тыс. до н. э. (см. подробнее ниже).⁵⁰

Известны также попытки генетически связать скифов с племенами катакомбной культуры,⁵¹ а срубную культуру приписать киммерийцам.⁵² И. В. Фабрициус рассматривает кочевых скифов как автохтонов в Северном Причерноморье, начало культуры которых кроется в раннем веке меди и бронзы.⁵³

Таким образом, почти все проблемы современной скифологии остаются спорными и ни одна из них не получила еще однозначного решения. Насколько глубоки разногласия, наглядно могут продемонстрировать попытки некоторых современных исследователей восстановить начальную историю скифов.

⁵⁰ Обоснованную и убедительную критику гипотезы о связи скифов со срубной культурой см.: Клейн Л. С. Происхождение скифов царских по археологическим данным. — СА, 1963, № 4, с. 27 сл.; Смирнов А. П. Скифы, с. 38 сл.; Тереножкин А. И. 1) Скифская культура, с. 20 сл.; 2) К истории изучения предскифского периода. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 7 сл.

⁵¹ Клейн Л. С. Происхождение скифов царских..., с. 27 сл.
⁵² Тереножкин А. И. К истории изучения..., с. 7 сл.
(и библиография вопроса).

⁵³ Фабрициус И. В. До питання про топографізацію..., с. 54 сл. Критику ее точки зрения см. в рецензия А. И. Тереножкина (ВДИ, 1952, № 2, с. 152 сл.).

Глава 1

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ В ИЗЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Б. Н. Граков в своей книге «Сшфи» следующим образом восстанавливает исторические события в Северном Причерноморье. По его мнению, всю степную территорию ранее скифов занимали ираноязычные киммерийцы, давно уже осевшие здесь и тесно перемешавшиеся с аборигенами-земледельцами, которые переняли их язык и, следовательно, как считает Б. Н. Граков, составили этническое целое с кочевниками-киммерийцами.¹ (В действительности одно вовсе не вытекает из другого: даже если покоренное население перенимает язык победителей, а в данном случае это не более как предположение, то это отнюдь еще не обуславливает создания этнической общности²). На этом основании Б. Н. Граков сделал вывод, что скифы завоевали уже родственное им население. Не замечая противоречия, Б. Н. Граков заставил в конце VII в. до н. э. перейти Аракс (Волгу) и вытеснить киммерийцев из северочерноморских степей тех же самых скифов, которые, по его мнению, начали проникать в Северное Причерноморье с VIII в. до н. э.³ и до конца VII в. до н. э. не только были соседями киммерийцев в Причерноморье, но и выступали с ними бок о бок в Передней Азии. Совместное пребывание скифов и киммерийцев в Северном Причерноморье подтверждается, по мнению Б. Н. Гракова, тем, что первые якобы упоминаются в «Илиаде», а вторые — в «Одиссее». Необоснованность этих доводов отметил еще М. И. Артамонов.⁴

¹ Граков Б. М. Сшфи. Київ, 1947, с. 13 сл.

² В качестве примера можно сослаться на Римскую империю, которая навязала латинский язык подвластным народам, в том числе испанцам и галлам, что, однако, не сопровождалось созданием этнической общности.

³ Б. Н. Граков подчеркнул, что это были кочевые скифы (Сшфи, с. 13).

⁴ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 38.

Из своего построения Б. Н. Граков сделал вывод об этническом единстве всех скифских племен — земледельческих и кочевых.

Не устранил Б. Н. Граков противоречий и в своей последней работе.⁵ В основных чертах картина исторических событий осталась прежней, с той только разницей, что начало проникновения скифов в Северное Причерноморье отнесено ко II тыс. до н. э. Киммерийцам Б. Н. Граков приписал катакомбную культуру, которая впоследствии была вытеснена срубной, сложившейся за Волгой во второй половине II—начале I тыс. до н. э.; племена срубной культуры Б. Н. Граков считал несомненными предками скифов. Тремя страницами раньше процесс внедрения скифов в область земледельческого населения Северного Причерноморья Б. Н. Граков ограничил всего лишь двумя столетиями и при этом отметил, что земледельческие племена были наиболее смешанными и включали много элементов прежнего населения.

Тем не менее Б. Н. Граков считал, что «уже в пору киммерийского общества возникли основные черты будущего скифского общественно-хозяйственного уклада и даже территориального распределения скифских земледельческих и кочевых племен», т. е. характеризовал оба народа (и киммерийцев, и скифов) как однокультурные. Именно из-за единообразия культуры киммерийцев и скифов (кочевых и земледельческих) передвижение кочевых скифов из-за Аракса (Волги) в конце VII в. прошло, как пишет Б. Н. Граков, почти незаметно археологически. Это не помешало Б. Н. Гракову несколькими строчками раньше утверждать, что «совершенно иначе выглядит культура степей с конца VII в. до н. э.»; с этого времени, по мнению Б. Н. Гракова, вся степь занята однородной, лишь немногим отличающейся в отдельных областях культурой, которая по праву времени (?) и места не может быть названа иначе, чем скифской.

Близкую Б. Н. Гракову позицию заняла И. В. Яценко.⁶ По ее мнению, скифы пришли в Северное Причерноморье в начале I тыс. до н. э.; вопрос об их прародине исследовательница оставляет открытым; по культуре пришельцы были родственны киммерийцам, которые освоили эту тер-

⁵ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 18—26.

⁶ Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. — Тр. ГИМ, 1959, вып. 36, с. 17—23.

риторию еще в конце II тыс. до н. э. и уже слились с местным населением. Принадлежность катакомбной культуры киммерийцам И. В. Яценко отрицает и, по-видимому, придерживается взглядов В. А. Городцова и А. И. Тереножкина на киммерийцев как носителей поздне-срубной культуры. Приход скифов И. В. Яценко рассматривает как вторую волну продвижения в причерноморские степи племен срубной культуры Поволжья, хотя в то же время отмечает, что «в скифской культуре выявляется незначительное количество традиций срубной культуры Поволжья».

Иначе восстанавливал начальную историю скифов М. И. Артамонов. Он отмечал отсутствие в археологических памятниках данных о вторжении в Северное Причерноморье в VIII или VII вв. до н. э. какого-либо нового народа с особой культурой, что могло бы подтвердить сведения о появлении скифов именно в это время. Поэтому М. И. Артамонов считал, что в основе события, о котором сообщает Геродот, может лежать только смена принадлежавшей киммерийцам катакомбной культуры срубной, которую М. И. Артамонов связывал со скифами, причем это событие, по мнению М. И. Артамонова, следует датировать последними столетиями II тыс. до н. э.⁷ Носителей срубной культуры М. И. Артамонов не считал историческими скифами Геродота, а скорее одним из важнейших этнических компонентов скифского населения Поднепровья. Поскольку срубная культура сложилась в Поволжье, то считать, что этот новый этнический элемент явился из Азии, можно, по мнению названного исследователя, только в том случае, если встать на точку зрения древних, что Азия начиналась сразу за Танаисом (Донном).⁸

М. И. Артамонов утверждал, что Геродот принял за приход скифов из Азии их возвращение из переднеазпат-

⁷ Артамонов М. И. 1) Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3, с. 77; 2) К вопросу о происхождении скифов, с. 44 сл.; 3) Этнический состав населения Скифии. — В кн.: Доклады VI науч. конф. Ин-та археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 175 сл.; 4) Роль климатических изменений VIII—VII вв. в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. — В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971, с. 48 сл.

⁸ Артамонов Б. И. К вопросу о происхождении скифов, с. 45.

ских походов.⁹ Ту же точку зрения во всех деталях М. И. Артамонов отстаивал и в своей последней работе.¹⁰

Позиция М. И. Артамонова представляется весьма уязвимой и отнюдь не свободной от противоречий. Прежде всего, сам автор отметил, что скифская культура как таковая возникла только в VI в. до н. э., а ее наиболее характерные элементы, такие, как вооружение, конское снаряжение и звериный стиль, очень мало связаны с формами доскифской культуры. При этом конское снаряжение М. И. Артамонов выводил из Сибири и Средней Азии, а вооружение и звериный стиль — из Передпой Азии.¹¹ Тем самым он фактически поставил под сомнение свою теорию о генетической связи скифов со срубной культурой.

Не менее уязвимо его предположение об изменении климата и наступлении засухи в степях Восточной Европы как причине переселения сначала киммерийцев, а позднее и скифов в Переднюю Азию (на том единственном основании, что «других причин нет»)¹² Прежде всего, он не попытался доказать свою гипотезу, хотя очевидно, что в специальной литературе можно было бы найти сведения о действительном состоянии степей Северного Причерноморья, и в частности территории между Азовским и Каспийским морями, в конце VIII—начале VII столетия до н. э. Разумеется, нет смысла и опровергать то, что не доказано. К тому же засуха у М. И. Артамонова начинается и кончается там и тогда, где и когда это удобно для его построения: она началась в Азово-Каспийском междуморье, где, согласно М. И. Артамонову, жили киммерийцы, поэтому они и без давления скифов покинули Северное Причерноморье; потом (примерно через 50 лет) почувствовали засушливость климата и скифы и тоже попали в Переднюю Азию,¹³ а северочерноморские степи,

⁹ Артамонов М. И. 1) Этнический состав населения Скифии, с. 190; 2) Роль климатических изменений..., с. 55.

¹⁰ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 13.

¹¹ Там же, с. 39 сл.

¹² Артамонов М. И. 1) Роль климатических изменений..., с. 45 сл.; 2) Киммерийцы и скифы, с. 24 сл.

¹³ Артамонов М. И. Роль климатических изменений..., с. 52. М. И. Артамонов не сомневался, что это было именно переселение, а не эпизодические походы. По его мнению, «киммерийцы знали, что в Малой Азии они найдут ранее переселившихся туда соплеменников, а скифы выбрали себе новое место поселения по соседству с родственными с ними ираноязычными мидянами» (Киммерийцы и скифы, с. 24; разрядка моя, — И. К.).

с одной стороны, «обезлюдели полностью»,¹⁴ а с другой — «часть прежнего населения осталась в тех местах, где можно было пережить длительную засуху».¹⁵ Вернулись киммерийцы вместе со скифами, но, поскольку засуха еще продолжалась, они поселились не на прежней своей территории, а среди меотов.¹⁶

Л. С. Клейн в статье «Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос»,¹⁷ вышедшей в свет уже после смерти его учителя М. И. Артамонова, признал себя автором гипотезы, согласно которой Геродот принял возвращение скифов из переднеазиатского похода за легенду об их первоначальном вторжении в Северное Причерноморье. М. И. Артамонов, приняв эту гипотезу и пустив ее в научный оборот, совершил, по мнению Л. С. Клейна, логическую непоследовательность, не отбросив в то же время теории об азиатском происхождении скифов. Сам Л. С. Клейн склонен считать скифов автохтонами в Северном Причерноморье.¹⁸

Смысл названной статьи заключается в том, чтобы доказать, во-первых, что третье геродотовское предание о миграции скифов в Северное Причерноморье из Азии представляет собой обрывки скифского героического эпоса и его нельзя считать генеалогической легендой, и, во-вторых, что имели место не один, а два скифских похода в Переднюю Азию: одним предводительствовал Партатуа, а другим — его сын Мадий.

Не может быть никакого сомнения в том, что третье предание не является генеалогическим, и это даже не требует доказательств, так как в отличие от двух первых преданий в нем нет сведений ни о том, как произошли скифы, ни об их первопродке, ни об их прародителях. Зато в нем говорится, откуда и когда появились скифы в Северном Причерноморье (другое дело, что современные исследователи не могут вскрыть точный смысл слов

¹⁴ Артамонов М. И. Роль климатических изменений..., с. 52.

¹⁵ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 27. Такими местами М. И. Артамонов считал особенно увлажненные долины больших рек, хотя здесь же отмечал, что наиболее удобные их участки были из-за подъема воды в реках затоплены (в засуху!).

¹⁶ Артамонов М. И. 1) Роль климатических изменений..., с. 58 сл.; 2) Киммерийцы и скифы, с. 62.

¹⁷ ВДИ, 1975, № 4, с. 14 сл.

¹⁸ Там же, с. 26. Ср.: Дискуссионные проблемы отечественной скифологии (НАА, 1980, № 6, с. 72 сл.), где Л. С. Клейн уточнил свою позицию. См. критику И. В. Яценко и Д. С. Раевского: там же, с. 99 сл.

Геродота). Во всяком случае было бы преувеличением вслед за автором статьи утверждать, что в предании «ничего не сказано о том, откуда происходят скифы».¹⁹

Правомерность сопоставления этого предания с героическим эпосом осетин и сопоставление личных имен (Бартагуа — Батрадз п пр.) могут оценить только филологи, лингвисты и специалисты по нартскому эпосу. Что же касается передачи греческого имени Προτοθύης как русского «Прототю́я», то она абсолютно неприемлема с точки зрения законов транскрипции. Совершенно непонятно, почему Л. С. Клейн считает, что это «грамматически более точная русская передача» (с. 17).

Во всяком случае, если и возможно извлечь из осетинского эпоса намеки на борьбу скифов с киммерийцами (в Передней Азии?), то уж о количестве скифских походов никаких сведений там нет. Предположения, что походов было несколько, высказывали, например, Б. Н. Граков и В. Б. Виноградов (поход Прототия и два похода Мадия).²⁰ Л. С. Клейн считает, что походов было два, п именно возвращение из первого похода было принято Геродотом за первоначальное появление скифов в Северном Причерноморье.²¹ Построение его, однако, страдает некоторыми логическими неувязками: скифы, как известно, находились в Передней Азии почти столетие; основные события скифской истории этого времени можно проследить по письменным и археологическим источникам;²² из того факта, что скифы выпали из поля зрения на некоторое время, еще нельзя сделать вывод, что они возвратились в Северное Причерноморье (тем более — всего один раз в течение длительного пребывания в Передней Азии, как это выходит по Л. С. Клейну). Тут мо-

¹⁹ Клейн Л. С. Легенда Геродота..., с. 26. Далее ссылки на страницы даются в тексте.

²⁰ Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре. — МИА, 1954, № 36, с. 13; Виноградов В. Б. 1) О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). — Тр. ЧИНТИ, 1964, г. IX, с. 24 сл.; 2) Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 11 сл.

²¹ М. И. Артамонов, который до сих пор считался автором этой гипотезы, утверждал, что речь идет об окончательном возвращении скифов из Передней Азии после заключения мира Лиши с Мидией в 585 г. до н. э. Пребывание скифов в Передней Азии М. И. Артамонов мыслил непрерывным (см., напр.: Киммерийцы и скифы, с. 28 сл.).

²² См., напр.: Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. с. 242 сл.

гут быть объяснения двоякого рода: или наши источники неполны, или произошла путаница киммерийцев со скифами, как это часто имело место в восточных источниках (не всегда ясно, к примеру, какой из этих народов фигурирует под названием умман-манда).²³ Скорее же всего, следует принимать во внимание обе эти причины. Тем более невероятно, что скифы Протогия покинули Переднюю Азию, будучи не побежденными, а победителями, и в то самое время, когда Протогий, по-видимому, получил в жены дочь царя Ассирии.

Не имеет твердых оснований и предположение Л. С. Клейна о связи имени Мадия «с местом и обстоятельствами его рождения» (с. 17). По его мнению, это имя — «иранская огласовка этнонима мидян» (там же). Однако с какой же стати сын скифского царя, изменившего своим союзникам мидийцам и выступившего против них на стороне их врагов ассирийцев, получил бы имя, связанное с названием враждебного государства (особенно, если его матерью была дочь Асархаддона)?

Л. С. Клейн утверждает, что после заключения Ассирией мира со скифами последние в течение всего более чем 40-летнего царствования Ашшурбанипала не упоминаются в ассирийских и других древневосточных источниках; отсюда он делает вывод, что «скифы из этой области ушли так далеко, что оказались недосыгаемы для взора и интересов ассирийских полководцев и дипломатов» (с. 47), т. е. ушли в Северное Причерноморье, откуда через полвека снова повел скифов в Переднюю Азию. Мадий (с. 18). Совершенно очевидно, что вывод свой Л. С. Клейн построил на весьма зыбком основании, вернее было бы даже сказать — без всякого основания, тем более что Мадий появился в Передней Азии отнюдь не «через полвека», а приблизительно на сорок лет раньше, чем это представляется автору статьи.

Если следовать тексту Геродота (I, 103—106; IV, 1 и 11—12), то выходит, что скифы под предводительством Мадия, сына Протогия, вытеснили киммерийцев из Северного Причерноморья и сами появились в Мидии (после того как, преследуя киммерийцев, сбились с дороги) в то время, когда Киаксар осаждал Ниневию, т. е. в конце VII в. до и. э. Однако восточные тексты и Страбон позволяют существенным образом прокорректировать эти события. Скифы, как известно, появились в Передней Азии в 70-е

²³ Там же, с. 60, 73, 238, 246 сл., 285.

годы VII в. до н. э. — в это время упоминается сначала вождь скифов Ишпакай, а затем «царь страны скифов» Партатуа (Прототий); Мадий со своим войском появился в Передней Азии в 50-е годы VII в. до н. э.²⁴ и принял участие на стороне Ассирии в борьбе с киммерийцами и трерами в Малой Азии, как об этом сообщает Страбон (I, 3, 21).

Л. С. Клейн восстанавливает события несколько по-иному (см. его таблицу на с. 18): киммерийцы появились в Передней Азии в конце VIII в. до н. э., скифы — в 70-е годы VII в. до н. э.; Прототий сначала принял участие в борьбе с Асархаддоном, а затем, заключив с ним союз и получив, вероятно, в качестве залога в жены его дочь, увел свое войско обратно в Северное Причерноморье, переправившись при этом через закавказский Аракс; в Приазовье скифы застали киммерийцев, захватили их страну и оставили там своих жен, а киммерийцев погнали в Переднюю Азию (уже под предводительством Мадия).

При этом, однако, возникает целый ряд вопросов. Во-первых, откуда появились киммерийцы в Передней Азии в конце VIII в. до н. э.? Во-вторых, если они (или их часть) осели в Приазовье, то почему их не потревожили скифы, отправившиеся в свой первый поход? В-третьих, если до этого скифы брали своих жен с собой, а не оставляли их на родине, то для чего на сей раз им понадобилось оставить их в стране киммерийцев? В своем стремлении не приписывать скифам «неправдоподобную сверхпредусмотрительность, а истории — телеологизм» (с. 19), Л. С. Клейн сам слишком вольно обошелся с историей. Не логичнее ли было бы все же вслед за Б. Б. Пиотровским, И. М. Дьяконовым, И. Г. Алиевым и др.²⁵ предположить существование скифского царства в Закавказье как опорной базы скифских походов, тем более что об этом есть недвусмысленные свидетельства письменных

²⁴ Там же, с. 283 сл.; Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960, с. 222 сл.; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 30 сл.; Хазанова А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 220 сл.

²⁵ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949, с. 124 сл.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 247 сл.; Алиев И. Г. История Мидии, с. 230, примеч. 5; Белявский В. А. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии. — В кн.: Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, с. 124, примеч. 91; Хазанова А. М. Социальная история скифов, с. 218 сл.; библиография на с. 219.

источников? Гораздо более правдоподобным выглядит также предположение И. М. Дьяконова, что греки познакомились со скифами именно в Малой Азии, в 50-е годы VII в. до н. э., когда Мадий вел там борьбу с киммерийцами; тогда-то и возникла, по мнению И. М. Дьяконова, легенда о преследовании киммерийцев скифами и с этого времени «варвары севера» (умман-манда), которых греки в течение VIII и начала VII в. называли «киммерийцами», стали у них называться «скифами».²⁶

Более внимательный и аналитический подход к данным источников и археологии позволил таким исследователям, как А. П. Смирнов и А. И. Тереножкин, занять довольно рациональную позицию при восстановлении начального периода скифской истории.

А. П. Смирнов, стремясь извлечь из источников и археологического материала хоть какие-то крупницы истины, тем не менее отдавал себе отчет, что все основные вопросы истории скифов продолжают оставаться дискуссионными.²⁷ По его мнению, появление скифов на мировой арене связано с многими процессами, происходившими в конце II—начале I тыс. до н. э. в развитии племен степной и лесостепной полосы СССР (с. 13). Скифы появились в Северном Причерноморье в VII или в конце VIII в. до н. э., затем через Кавказ двинулись в Переднюю Азию и вернулись оттуда в начале VI в. до н. э. (с. 16 сл.). Исследователь не без оснований отверг возможность автохтонного происхождения скифов в степях Северного Причерноморья (с. 20 сл.). Он считал, что скифы были пришельцами из Средней Азии, где они жили в окружении таких скифоидных племен, как население Алтая, саки и массагеты (с. 47); скифская культура, по его мнению, не имеет прототипов в Северном Причерноморье, наоборот, он весьма доказательно проследил связь скифов со Средней Азией (звериный стиль, типы стрел, ножей, кинжалов, кельтов, бронзовых котлов и удил, типы захоронений — с. 43 сл.).

В Причерноморье А. П. Смирнов одними из предшественников скифов считал носителей *катакомбной* культуры, которых он отождествлял с киммерийцами, считая доказанной длительность их пребывания в северочерноморских степях (с. 28 сл.), а другими предшественниками

²⁶ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 285 сл.

²⁷ Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 12. Далее ссылки на страницы даются в тексте.

скифов считал носителей срубной культуры. Мнения о тождестве срубной культуры со скифской исследователь — и в этом нельзя с ним не согласиться — не разделял из-за значительного хронологического разрыва (с. 39 сл.); он отмечал, что в настоящее время срубную культуру трудно сопоставить с какими-либо племенами, известными по сообщениям античных авторов (с. 41). При такой постановке вопроса вызывает удивление лишь отождествление непосредственных предшественников скифов — киммерийцев — с носителями катакомбной культуры: ведь при этом получается еще больший хронологический разрыв.

А. И. Тереножкин в последних работах пытался устранить данное противоречие, вернувшись к точке зрения тех исследователей, которые отождествили киммерийцев с носителями срубной культуры на ее позднем этапе. Эта точка зрения, несомненно, устраняет целый ряд противоречий, хотя и она, по-видимому, не совсем точно раскрывает суть вопроса (об этом см. ниже).

Взгляды А. И. Тереножкина на начальную историю скифов претерпели некоторое изменение, хотя вообще надо отметить, что он не занимался специально этими проблемами, а уделял основное внимание хронологии и этнической истории предскифского периода в Правобережном Приднепровье. В статье «Памятники предскифского периода на Украине»²⁸ А. И. Тереножкин приписывал киммерийцам, занимавшим, по его мнению, запад северочерноморских степей (территорию между Днестром и Днепром, а также Керченский полуостров и весь Крым), фракийское происхождение, а скифов отождествлял с носителями срубной культуры, сложившейся в Поволжье.

Однако накопленный археологический материал, свидетельствующий о значительном количестве сибирских элементов в доскифских культурах юга Восточной Европы, заставил А. И. Тереножкина позднее «с настороженностью подойти к получившему широкое признание взгляду о происхождении скифов на основе срубной культуры»;²⁹ исследователь пришел к выводу, что родину скифов нужно искать в глубинах Азии,³⁰ и эту свою точку

²⁸ *КСИИМК*, 1952, вып. 47, с. 4 сл.

²⁹ Тереножкин А. И. *Предскифский* период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 201 сл.

³⁰ Тереножкин А. И. Скифская культура. — *МИА*, 1971, № 177, с. 20 сл.

зрения он доказательно развил в последующих работах. Непонятно только, почему А. И. Тереножкин называет отвергнутую им гипотезу о происхождении скифов от племен срубной культуры «автохтонной»,³² ведь он и сам придерживался мнения о миграции племен срубной культуры из Поволжья в Причерноморье в середине II тыс. до н. э.³³

В последнее время исследовательская деятельность А. И. Тереножкина была сосредоточена на изучении киммерийской культуры. Этой проблеме посвящены ряд его статей³⁴ и монография «Киммерийцы».³⁵ В предшествующих монографии статьях и докладах он вслед за В. А. Городцовым, О. А. Кривцовой-Граковой и Е. И. Крупновым³⁶ связал с киммерийцами позднейший, предскифский этап срубной культуры. Изучению этого этапа, собственно, и посвящена монография. Однако А. И. Тереножкин неоднократно подчеркивает, что киммерийцев он теперь уже связывает в целом со всей срубной культурой, а не только с ее позднейшим этапом, т. е. он считает, что историю киммерийцев можно проследить на протяжении целого тысячелетия — с XVI по VII в. до н. э. (с. 19, 20, 186, 211 сл.).

Прежняя позиция А. И. Тереножкина все же представляется более последовательной. Он сам подчеркивает, что черноморское время, с которого, по мнению автора, начинается позднейший, предскифский период, ознаменовалось в степях Северного Причерноморья «полным или

³¹ См. ниже.

³² Тереножкин А. И. Скифская культура, с. 21.

³³ Тереножкин А. И. К истории изучения предскифского периода. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 11.

³⁴ Тереножкин А. И. 1) Киммерийцы: Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; 2) Киммерийцы и Кавказ. — В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1971, с. 34 сл.; 3) Скифская культура, с. 21 сл.; 4) К истории изучения предскифского периода, с. 7 сл.

³⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. Далее ссылки на страницы даются в тексте.

³⁶ Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. — Тр. секции РАНИОН, М., 1928, т. 2, с. 26 сл.; Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Тр. ГИМ, 1948, вып. 17, с. 153 сл.; Крупнов Е. И. 1) Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим материалам). — МИА, 1958, № 68, с. 190 сл.; 2) Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 115 сл.

почти полным исчезновением всего того комплекса бронз и других характерных вещей, которые являлись ведущими для белозерской ступени» (с. 207). А. И. Тереножкин отмечает смену колчанных наборов, которая произошла как раз на рубеже белозерского и черногоровского этапов: появились наконечники стрел такого типа, который не имел местных прототипов. Точно так же не имели местных прототипов и распространившиеся в это время бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и псалиями с тремя отверстиями, а также бронзовые кинжалы карасукского типа (см. 136 сл.). То же отмечается и для бронзовых литых котлов предкифского времени (с. 164).

Для самого исследователя представляется несомненным, что по сравнению с белозерской ступенью срубной культуры, которая мало чем отличается от предшествующей ей сабастиновской (с. 191) и характеризуется прежде всего оседлостью и сочетанием земледелия со скотоводством, черногоровско-новочеркасская ступень имеет качественное отличие: это эпоха, в которую на первый план выступает конный воин (с. 200, 214), эпоха господства кочевого скотоводства, когда выработались новые виды вооружения и конского снаряжения. А. И. Тереножкин отмечает, что все новые элементы, о которых идет речь, принесены с востока, из глубин Сибири, Казахстана или Центральной Азии: именно там (в частности, в материалах кургана Аржан, исследованного М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-Оолом) А. И. Тереножкин видит исходные формы как бронзовых черногоровских наконечников стрел, так и всех новых элементов конского снаряжения черногоровского типа (с. 136, 139, 160, 164, 195, 207). Эти перемены, по мнению автора, можно связать с новой этнокультурной волной (с. 139), однако сам он все же считает, что они вызваны ходом местного культурного развития, главным образом успехами железодельного производства (с. 139, 199). Тем не менее все отмеченные в монографии и перечисленные выше факты позволяют прийти к более обоснованному и приемлемому предположению о новой этнической волне с востока, оставившей в Северном Причерноморье памятники типа Черногоровки и Новочеркасского клада.

Как представляется, характеристика срубной культуры, описание ее памятников, ее связей с Сибирью и Центральной Азией, путей ее распространения в Север-

ном Причерноморье, ареала ее влияний и ее хронология даны исследователем с исчерпывающей полнотой. Нельзя не согласиться и с выводом автора о генетической независимости скифской культуры от срубной. Возражения вызывает лишь обозначение памятников срубной культуры как киммерийских, причем не только в силу невозможности найти такому заключению опору в источниках (см. гл. II). Приписывая срубную культуру киммерийцам, А. И. Тереножкин вступает, сам того не замечая, в противоречие с собственным выводом: так, он отмечает, что «киммерийская культура позднейшего периода нигде не проникала через линию Главного Кавказского хребта» (с. 203). Исследователь видит в этом свидетельство того, что сами киммерийцы не проникали в страны Закавказья: «Пути через Кавказ оставались одинаково закрытыми для племен, живших в степях юга европейской части СССР как в течение всего позднего бронзового века, так и в начале железного века» (там же). Этот вывод находит бесспорное подтверждение в археологических материалах и тем самым делает невозможным отождествление срубников с киммерийцами, известными по документальным данным с конца VIII в. до н. э. (а возможно, даже и раньше³⁷) именно к югу от Главного Кавказского хребта. Таким образом, этническая атрибуция племен срубной культуры по-прежнему остается задачей исследователей.

Оставляя в стороне спорные вопросы хронологии памятников типа Черногоровки—Новочеркасского клада,³⁷ коснемся проблем их этнической интерпретации. А. И. Тереножкин, как было отмечено выше, относит эти памятники к позднему предскифскому периоду срубной культуры и считает их создателями киммерийцев. Другой исследователь этих памятников, А. М. Лесков, делит их не только территориально и хронологически, но и по их этнической принадлежности: культуру черногоровско-камышевахского этапа, предшествующего по времени новочеркасскому, А. М. Лесков связывает с киммерийцами,

³⁷ Киммерийцы упомянуты в иероглифической надписи из Каркемиша середины VIII в. до н. э., однако И. М. Дьяконов считает это упоминание сомнительным (см.: История Мидии, с. 235 и примеч. 5, где приведена литература об этой надписи).

³⁸ Об этом см. подробнее: Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 210 сл.; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 22 сл.

а культуру периода Новочеркасского клада считает раннескифской.³⁹

Следует отметить, что взгляды А. М. Лескова на предскифский период в степях Северного Причерноморья претерпели существенные изменения. Он примыкал к тем исследователям, которые генетически связывали скифскую культуру со срубной (М. И. Артамонов, Б. Н. Граков), считая, что памятники типа Черногоровки и Новочеркасского клада представляют собой хронологическое и культурное единство с позднейшими памятниками срубной культуры.⁴⁰ Это единство, по мнению А. М. Лескова, проявилось в погребальном обряде, керамике, общности орудий труда, типологическом родстве некоторых предметов вооружения и конского убора. А. М. Лесков отмечал единую этнокультурную принадлежность этих памятников и утверждал, что они относятся к одной и той же археологической культуре и отражают лишь разные хронологические этапы ее развития.⁴¹ Создателями культуры типа Черногоровки—Новочеркасского клада А. М. Лесков вслед за А. А. Иессеном считал в одинаковой мере и киммерийцев, и скифов,⁴² по-видимому, придерживаясь мнения о близком родстве этих племен.

Позднее, уточнив хронологию черногоровско-камышевахских и новочеркасских памятников, А. М. Лесков пришел к выводу, что они одновременны (первые — несколько более ранние) и сосредоточены на разных территориях (вторые — в Предкавказье и на нижнем Дону).⁴³

Срубную культуру Северного Причерноморья А. М. Лесков в настоящее время связывает с киммерийцами, деля историю киммерийских походов в Малую Азию на три этапа: первый — с XI в. до н. э., второй — с конца IX в. до н. э., третий — с конца VIII в. до н. э.⁴⁴ Памятники черногоровско-камышевахского типа, как считает А. М. Лесков, принадлежат носителям той же срубной культуры, что и белозерские, просто это разные

³⁹ Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975, с. 37 сл.

⁴⁰ Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — МИА, 1971, № 177, с. 75 сл.

⁴¹ Там же, с. 89.

⁴² Там же, с. 90, 91.

⁴³ Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины, с. 37 сл.

⁴⁴ Там же, с. 27 сл.

этапы развития **позднесрубной** культуры.⁴⁵ Отмечая «некий восточный импульс» (захоронения в подбоях) и находки бронзовой узды в нескольких богатых комплексах **черногоровско-камышевахского** типа, которые не имеют прототипов в белозерских памятниках, но распространены на огромных территориях от Центральной Европы до Кавказа, А. М. Лесков тем не менее отказывается считать эти факты критерием для определения этнокультурной принадлежности тех комплексов, откуда они происходят, считая их важными лишь для решения вопросов хронологии.⁴⁶ Основания такого подхода к делу остаются неясными.

Этот позднейший этап срубной культуры в Северном Причерноморье А. М. Лесков называет **позднекиммерийским**. Немногим более поздние памятники Новочеркасского клада он связывает со скифами и считает их собственно раннескифскими. Несомненными создателями этих памятников, по его мнению, были степные племена, формирование культуры которых происходило на поздне-срубной основе племен Поволжья.⁴⁷ Эту срубную основу А. М. Лесков прослеживает в погребальном (хотя и изменившемся) обряде, керамике, некоторых деталях конского убора и некоторых видах оружия, отмечая в то же время отсутствие сходства в типах новочеркасских и **раннескифских** наконечников стрел и отсутствие в памятниках новочеркасского типа изделий, выполненных в зверином стиле. Последнему А. М. Лесков не придает решающего значения: «Ведь еще до появления самых ранних вещей, выполненных в скифском „зверином“ стиле, — пишет он, — скифы как носители определенного этноса и культуры вышли на арену мировой истории, став известными, в частности, Аристею из **Прокопнеса**, жившему, по словам Геродота (IV, 15), за 240 лет до него, т. е. в начале VIII в. до п. э.».⁴⁸

Следует отметить, что подобное утверждение никак не может объяснить отсутствие звериного стиля в **новочеркасских** памятниках Северного Причерноморья. Прежде всего, если правильно отсчитать 240 лет от времени Геродота (взяв за основу время создания им IV

⁴⁵ Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975, с. 62 сл.

⁴⁶ Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины, с. 33.

⁴⁷ Там же, с. 37 сл.

⁴⁸ Там же, с. 43.

книги его «Истории», где он ссылается на Аристея, т. е. приблизительно 440 г. до н. э.⁴⁹), то получится отнюдь не начало VIII в. до н. э., а примерно 680 г. до н. э., т. е. начало VII столетия до н. э.⁵⁰

Правда, некоторые рукописи Геродота дают другое число лет — не 240, а 340, и тогда получается, что Аристей жил в начале VIII в. до н. э. Однако столь ранняя дата опровергается, по мнению целого ряда исследователей, содержанием тех фрагментов, которые сохранились от его поэмы.⁵¹ Известно, в частности, что, вернувшись из своего путешествия к исседонам, о котором подробно рассказывает Геродот (IV, 13—16), Аристей застал свой родной город Проконнес, расположенный на одноименном острове у северо-западной оконечности Малоазийского полуострова, в развалинах вследствие киммерийского нашествия. По восточным источникам, рейды киммерийцев на западе Малой Азии датируются первой половиной VII в. до н. э. Отмеченный факт делает убедительным мнение тех исследователей, которые считают временем жизни Аристея VII в. до н. э. Это как раз то время, когда киммерийцы действительно уже были известны ассирийским хронографам в Передней и Малой Азии, где раскопками (например, в Гордионе) засвидетельствованы и более ранние образцы звериного стиля, чем в Северном Причерноморье. Там же, в Передней и Малой Азии, в 70-е годы появились на арене истории и скифы, став известными не только восточным народам, но и ионийским грекам, в том числе Аристею из Проконнеса (подробнее см. гл. III).

⁴⁹ См. об этом подробнее: Мачпнський Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных свидетельств. — АСГЭ, 1971, вып. 13, 37 сл.

⁵⁰ Следует отметить, что Геродот (IV, 15) вовсе не утверждает, что Аристей жил за 240 лет до него. Он говорит буквально следующее: «Я же знаю то, что случилось у метапонтян в Италии на 240 год после вторичного исчезновения Аристея, как я нашел, сопоставляя то, что говорят в Проконнесе и в Метапонте». Комментаторы Геродота, например Г. Штейн и Г. Раулинсон, отмечают, что число 240 ничего не дает, так как у Геродота нет точек опоры для хронологических отсчетов. Поправку в тексте, которая дала некоторую опору для хронологии жизни Аристея, предложил Э. Швицер: за 240 лет до прибытия Геродота в Южную Италию, во всяком случае в Метапонт (см.: Schwyzer E. Herodotea. *Philol. Wochenschrift*, 1922, col. 528). Однако это все же не выходит за пределы предположения.

⁵¹ Собр. фрагментов см.: Bolton J. D. P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxford, 1962, p. 207 follow,

Таким образом, ссылка на Аристия ни хронологически, ни территориально не решает проблемы отсутствия звериного стиля в памятниках типа Новочеркасского клада в Северном Причерноморье. В то же время звериный стиль, как это было установлено еще А. А. Иессеном, является одним из главных признаков собственно скифской культуры, и для того чтобы не придавать значения типологическому несовпадению наконечников стрел и отсутствию изделий в зверином стиле, необходимы достаточно убедительные и веские основания, которых А. М. Лесков не привел.

Если подытожить выводы А. М. Лескова, то выявляется, что, по его мнению, как позднекиммерийская, так и раннескифская культура формируется на территории обширного срубного ареала: позднекиммерийская — в Причерноморье, а раннескифская — в Волго-Донском междуречье и в Предкавказье. При этом, кроме уже отмеченных выше неясностей отнюдь не частного характера, намечаются еще по крайней мере четыре крупных логических противоречия.

1. Прежде всего, как уже было отмечено выше при анализе точки зрения А. И. Тереножкина, античные письменные источники не дают оснований для фиксации киммерийцев и скифов в VIII—VII вв. до н. э. в Северном Причерноморье, поскольку все они единодушно и согласно с восточными текстами свидетельствуют о киммерийцах и скифах в Передней и Малой Азии (см. подробнее в гл. II). Поэтому утверждение А. М. Лескова о том, что письменные источники служат надежной опорой для тех исследователей, которые связывают древнейших скифов Причерноморья (до переднеазиатских походов, т. е. до начала VII в. до н. э.) с памятниками новочеркасского типа, выглядит голословным, тем более что сам исследователь отмечает более позднее по сравнению с данными ассирийских хронографов время распространения раннескифских археологических комплексов в Северном Причерноморье.⁵² По существу единственным логическим основанием для такого вывода служит утверждение автора, что в причерноморских степях просто нет других памятников первой половины VII в. до н. э., ко-

⁵² Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины, с. 44.

ного населения облегла создание новой этнической общности, окончательное образование которой А. М. Хазанов вслед за Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой относит к началу VII в. до н. о. Первое Скифское объединение, таким образом, представляется А. М. Хазанову одноэтничным.⁵⁹ После походов в Переднюю Азию (где было создано первое Скифское царство) скифы вновь завоевали Северное Причерноморье (в VI в. до н. э.), включив в свой состав и племена лесостепи, что привело к созданию разноэтничного племенного объединения (второе Скифское царство) с даннической зависимостью покоренного земледельческого населения от завоевателей.⁶⁰

А. И. Тереножкин в одной из своих последних статей⁶¹ высказал довольно справедливую мысль, что аргументы Б. Н. Гракова в защиту преемственности срубной и скифской культур могут в настоящее время иметь лишь чисто историографический интерес. Это утверждение показалось преждевременным Д. С. Раевскому, который в своей книге «Очерки идеологии скифо-сакских племен» выступил с критикой позиции А. И. Тереножкина и поддержал гипотезу Б. Н. Гракова о происхождении скифов.⁶² Следует, однако, отметить, что Д. С. Раевский не совсем верно изложил взгляды Б. Н. Гракова и в результате его собственная позиция в этом вопросе оказалась ближе к отвергнутым автором взглядам А. И. Тереножкина.

Но сначала несколько слов о самой книге. Она посвящена реконструкции скифских мифологических и религиозных представлений — «скифских» в широком смысле этого слова, т. е. бытующих у скифских (сакских) народов как Северного Причерноморья, так и Средней Азии. Д. С. Раевский тщательно и осторожно проделал

⁵⁹ См.: там же, с. 215. А. М. Хазанов отмечает, что разноэтничность населения Северного Причерноморья и в киммерийское время представляется ему маловероятной.

⁶⁰ Там же, с. 116 сл., 229 сл. Обстоятельную рецензию на книгу А. М. Хазанова см.: Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов. — ВДИ, 1980, № 4, с. 128 сл.

⁶¹ Тереножкин А. И. К истории изучения предскифского периода, с. 12. Ср.: Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. — НАА, 1980, № 5, с. 120. Его точку зрения поддержала В. А. Ильинская (см.: там же, с. 121).

⁶² М., 1977, с. 139 сл. Далее ссылки на страницы даются в тексте.

многосторонний анализ как античных источников о скифах (в первую очередь двух геродотовских преданий об «автохтонном» их происхождении, а также известий Геродота о скифском пантеоне), так и изобразительной традиции археологических комплексов. Он рассмотрел также свидетельства других античных авторов, эпиграфики и ономастики, широко использовал индоиранские аналогии.

Комплексное изучение и внимательное сопоставление всех источников позволило автору прийти к обоснованному выводу о параллельном сосуществовании в причерноморской Скифии двух самостоятельных мифологических традиций о происхождении скифов.

Не менее убедителен вывод о *соотнесенности* двух вариантов генеалогического предания с историей формирования скифского этноса в Северном Причерноморье: по 3-й геродотовской версии, скифы были пришельцами и завоевателями в этой стране, подчинившими своей власти местное население. Во времена Геродота оба основных компонента слились, как отмечает Д. С. Раевский, в едином этносе и все племена равно воспринимались как скифы (с. 136). Покоренное население Д. С. Раевский называет киммерийцами, поскольку «никакие другие народы ни отец истории, ни какой-либо античный автор здесь в доскифское время не помещают» (с. 137).

Отсюда исследователь делает логичный вывод, что одна из мифологических традиций должна была принадлежать передвинувшимся с востока скифам царским, а другая — тому населению, которое скифы застали в Северном Причерноморье и которое выступало по отношению к завоевателям в качестве аборигенного, т. е., по мнению автора, киммерийцам.

Но поскольку обе традиции при всей самостоятельности обнаруживают все же значительную близость структуры и основных элементов содержания, то само собой напрашивается заключение об этнокультурном родстве обоих компонентов, вошедших в состав скифского народа (с. 139).

Отсюда и то восстановление скифской истории «по **Гракову**», которое предлагает Д. С. Раевский как наиболее логичное и согласующееся со всеми источниками: и киммерийцы, и скифы формировались на основе срубной культуры, причем киммерийцы связаны с первой волной проникновения срубников из Поволжья, а скифы —

с последней (с. 140).⁶³ Главной опорой такого вывода является положение Б. Н. Гракова об этническом и культурном единстве скифского и доскифского населения причерноморских степей.

Действительно, Б. Н. Граков выдвигал и обосновывал такое положение. Однако он не приписывал киммерийцам срубную культуру. В первой своей книге о скифах Б. Н. Граков не связывал ни киммерийцев, ни скифов с какой-либо определенной археологической культурой. Относительно киммерийцев сказано лишь, что их материальная культура известна мало и к ней относятся памятники первых веков I тыс. до н. э., т. е. эпохи перехода от бронзы к железу.⁶⁴ Во второй своей книге исследователь более определенно говорит о культуре киммерийцев как о катакомбной,⁶⁵ а носителей срубной культуры называет непосредственными предками скифов, занимавшими северочерноморские степи одновременно с киммерийцами с конца II тыс. до н. э. Кочевые скифы как представители последней волны срубников упрочились в степях Северного Причерноморья с IX в. до н. э., и только с конца VII в. до н. э., как пишет Б. Н. Граков, можно говорить о собственно скифской культуре, которая, правда, при всей своей новизне сохраняет, по мнению исследователя, ряд черт доскифского быта.⁶⁶

Так же определенно выражены взгляды Б. Н. Гракова на этническую принадлежность срубной культуры в его посмертно вышедшей книге «Ранний железный век»: киммерийцы составляли одну из групп населения катакомбной культуры, но в дальнейшем восприняли принесенную скифами с востока срубную культуру. Поздне-срубная культура, которую только условно можно назвать «киммерийской» или «предскифской», совпадает с одновременным бытованием в Северном Причерноморье и киммерийцев, и скифов.'

Таким образом, приписывая срубную культуру киммерийцам, Д. С. Раевский оказывается ближе к критикуемому им. А. И. Тереножкину, а еще точнее, взгляды его всего теснее смыкаются со взглядами А. М. Лескова (см.

⁶³ Ср.: Яценко И. В., Раевский Д. С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы. — НАА, 1980, № 5, с. 110 сл.

⁶⁴ Скифы, с. 18.

⁶⁵ Скифы, с. 25, ср. с. 23.

⁶⁶ Там же, с. 25—26.

⁶⁷ М., 1977, с. 151—154.

выше). Очевидно, нет надобности повторять те же самые аргументы, которые были приведены выше против того, чтобы связывать срубную культуру с киммерийцами или скифами, а также против мнения о киммерийцах как о предшественниках скифов в Северном Причерноморье, — аргументы, которые ставят под сомнение и гипотезу Д. С. Раевского.

Однако вывод о принадлежности двух параллельных мифологических традиций двум родственным этническим компонентам, входящим в состав скифского этноса, по-видимому, заслуживает внимания. Особенно важным и интересным представляются отмеченные Д. С. Раевским сходения в мифологии и социально-политической сфере между европейскими и среднеазиатскими скифами (с. 123 сл.). Существование в Средней Азии обеих мифологических традиций и систем социальной терминологии наводит на мысль о несомненном генетическом родстве европейских и среднеазиатских скифов. Д. С. Раевский делает вывод об этнокультурном родстве скифов и саков с большими оговорками и осторожностью. Сформулировать четко мысль об их генетическом родстве ему помешала по существу лишь нечеткость употребления терминов «скифы» и «саки» у современных исследователей. Следует отметить, что в античных источниках неоднократно подчеркивалась идентичность этих двух терминов: те, кого греки называли скифами, у персов назывались саками (см. подробнее с. 107 сл.). Значит, приняв один из этих терминов в качестве обобщающего, мы равным образом могли бы говорить о сакских народах Северного Причерноморья, Поволжья, Южного Урала, Средней Азии, Казахстана, Алтая, Тувы и т. д. или о скифских народах на этих же территориях. При этом конкретными народами скифской (сакской) культуры можно было бы назвать царских скифов, киммерийцев, савроматов (сарматов), исседонов, массагетов и т. п. Нельзя не согласиться с Л. А. Ельницким, отметившим, что в стремлении иранцев и греков схватить одним именем («саков-скифов») племена, для которых археология улавливает ряд локальных особенностей, проявилось, несомненно, представление об их значительном культурном (а во многих случаях и этническом) единстве.⁶⁸

⁶⁸ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 241.

Изучение северочерноморского и среднеазиатского мифологического материала скифского времени наводит на мысль, что и те легенды у Геродота, которые принято считать «автохтонными», по существу отражают миграционный аспект. Об этом недвусмысленно свидетельствует и соотносительность двух первых геродотовских преданий с третьим, как убедительно показал Д. С. Раевский.

Отразившаяся на страницах журнала «Народы Азии и Африки»⁶⁹ дискуссия по проблемам отечественной скифологии показала, что гипотеза о происхождении скифов на основе срубной культуры имеет еще многих приверженцев. Однако и гипотеза их азиатского происхождения находит все более аргументированную поддержку. Ее сторонники отмечают, что после исследований, проведенных М. П. Грязновым на Алтае и в Туве, А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским на Памире, после исследований М. А. Итиной и С. П. Толстовым курганов Тагискена, О. А. Вишневской — курганов Уйгарака в низовьях Сырдарьи, после открытий, сделанных археологами в Центральном Казахстане (М. К. Кадырбаев), в Семиречье (К. А. Акишев, Г. А. Кушаев), в Чиликтинской долине (С. С. Черников), наконец, после археологического изучения культуры савроматов (сарматов) от Дона до Поволжья и Зауралья (К. Ф. Смирнов и др.), культур скифского времени в Минусинской котловине, Ордосе и Монголии стало невозможно рассматривать Северное Причерноморье как единственный центр формирования и развития скифской культуры. Как отмечает Л. А. Ельницкий,⁷⁰ археология (в частности, размещение так называемых царских курганов) внесла в настоящее время существенные коррективы в представление о географии Скифии классического периода (VII—III вв. до н. э.).

По мнению А. А. Иессена, определяющим признаком культуры является звериный стиль. Время его возникновения относили обычно к концу VII—началу VI в. до н. э. Но если эта дата верна для Северного Причерноморья, где звериный стиль появляется уже осложненным переднеазиатскими влияниями, то в свете последних достижений археологии ее следует удревнить для Малой Азии, Северного Ирана, Прикаспия и Южной Сибири.⁷¹

⁶⁹ Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 5, с. 102 сл.; № 6, с. 67 сл.

⁷⁰ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 199 сл.

⁷¹ Там же, с. 240.

М. П. Грязнов отмечает в материалах кургана Аржан (VIII—VII вв. до н. э.)⁷² уже сложившуюся скифскую «триаду» (стрелы, кинжалы, чекан, удила, изображения оленя, кабана, «пантеры», горного барана) и называет сходные памятники VIII—VII вв. на Алтае, в Восточном и Центральном Казахстане, в Приаралье, на Памире, в Семиречье и в Монголии.⁷³ Э. А. Новгородова напоминает о карасукской традиции в центре Азии, о высокохудожественных бронзах со звериными навершиями из степей Монголии, Ордоса, Южной Сибири, об украшениях, найденных в погребении карасукского времени в Западной Монголии, выполненных в предскифской манере, о ранних оленных камнях с выбитыми на них ножами, чеканами и кинжалами карасукского типа из Западной Монголии.⁷⁴ По ее мнению, в Монголии можно, по-видимому, проследить древнейшие элементы звериного стиля, уходящие корнями вплоть до раннего бронзового века. Аналогичные факты отметил и А. И. Тереножкин.⁷⁵

Сторонники азиатского происхождения скифов по-разному определяют их прародину. Так, А. И. Тереножкин считает, что смена предскифской культуры на юге европейской части СССР скифской культурой происходит механически, что, следовательно, скифы были пришельцами с востока, принесшими с собой скифскую культуру в уже готовом, сложившемся виде из глубин Азии⁷⁶ (такого же мнения придерживается В. А. Ильинская);⁷⁷ Э. А. Новгородова, как уже отмечалось, называет Монголию, Ордос, Южную Сибирь, а Н. Л. Членова считает областью формирования прототипов большинства компонентов предскифских культур (которые она называет киммерийско-карасукской общностью⁷⁸) Северную Месопота-

⁷² Исследователь считает возможным предположительно датировать курган даже IX—VII вв. (Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980, с. 61). Л. А. Ельницкий прямо говорит о расцвете кочевнической культуры с IX в. до н. э. (Скифия евразийских степей, с. 12).

⁷³ Грязнов М. П. Аржан..., с. 58, 61.

⁷⁴ Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 5, с. 128.

⁷⁵ Там же, с. 119.

⁷⁶ Там же, с. 120—121.

⁷⁷ Там же, с. 123.

⁷⁸ Членова Н. Л. 1) О культурной и этнической общности карасукской и других культур Евразии. — Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук, М., 1970, т. 5, с. 782 сл.; 2) Хронология памятников карасукской эпохи. — МИА, 1972, № 182,

нию,⁷⁹ в качестве же промежуточной территории формирования звериного стиля, конского убора и оружия — Среднюю Азию и Северный Кавказ.⁸⁰

Другие исследователи отказываются от поисков единой области формирования всего комплекса скифской культуры, и в частности скифской «триады». Так, М. П. Грязнов пришел к выводу, что культуры скифского облика создавались не в каких-то центрах, а по всей области их распространения при широком культурном межплеменном обмене.⁸¹ По мнению М. П. Грязнова, это явилось следствием единого процесса формирования и развития ранних кочевников Великого пояса степей — от Дуная до Китая (VIII—VII вв. до н. э., возможно, даже IX—VII вв.).⁸² Как отмечает исследователь, скифо-сибирские культуры «могут теперь повсеместно изучаться в их единстве и одновременно в своеобразии отдельных вариантов».⁸³ Такую же позицию занял А. И. Мартынов,⁸⁴ подчеркнувший первоочередность изучения общих про-

с. 131 сл.; 3) Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности. — В кн.: Искусство и археология Ирана: Всес. конф. 1969 г. Доклады. М., 1971, с. 323—339.

⁷⁹ Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 5, с. 87.

⁸⁰ Там же, с. 88. Прямое проникновение ближневосточного звериного стиля, оружия и конского убора в Причерноморье через Закавказье и Главный Кавказский хребет исследовательница считает невероятным, «поскольку на этих территориях отсутствуют памятники киммерийского типа, а раннескифские вещи не составляют целостных комплексов, будучи вкраплены в комплексы местных культур». Следует возразить, что и само пребывание киммерийцев и скифов в Передней и Малой Азии и в Закавказье имело характер кочевых набегов (ср. высказывание И. М. Дьяконова — там же, с. 93), поэтому и не могло быть речи о «целостных комплексах». Однако это не помешало скифам после поражения роити в Северное Причерноморье через Кавказ. Ср. также справедливую критику этого положения И. В. Яценко и Д. С. Раевским в подведении итогов дискуссии (там же, с. 100).

⁸¹ Грязнов М. П. 1) К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. — КСИА, 1978, № 154, с. 9 сл.; 2) О едином процессе развития скифо-сибирских культур. — Тез. докл. Всес. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979, 6. К сожалению, М. П. Грязнову не было предоставлено слово дискуссии на страницах журнала «Народы Азии и Африки», где именно его имя связывается с последними достижениями эгиптологического скифологии не в узкоцентристском его смысле.

⁸² Грязнов М. П. Аржан..., с. 56 сл.

⁸³ Там же, с. 61.

⁸⁴ Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 6, с. 76.

блем, касающихся всего кочевого мира степей Евразии, поскольку кочевники, появившиеся на северных границах древневосточных цивилизаций, стали в I тыс. до н. э. существенной новой силой. Этот обширный мир древних народов и племен степного пояса Евразии середины и второй половины I тыс. до н. э. А. И. Мартынов предлагает характеризовать как скифо-сибирское культурно-историческое единство.⁸⁵

О том, что кочевой мир евразийских степей привлекает сейчас пристальное внимание ученых как своеобразное и сложное историческое явление, свидетельствует археологическая конференция, проведенная в 1979 г. в Кемерове. На конференции было сделано более пятидесяти докладов, посвященных как общим, так и локальным проблемам истории кочевого мира скифской эпохи.

Само по себе символично, что дискуссия по вопросам скифологии проведена журналом, изучающим народы Азии. Однако в проблемной вступительной статье, написанной И. В. Яценко и Д. С. Раевским (как и в заключении), чувствуется все же северочерноморский скифоцентризм. От бесспорных материалов кургана Аржан авторы попросту отмахиваются, утверждая, что они имеют значение лишь для восточных областей; они считают серьезными доводами против азиатской гипотезы возражения лингвистов и антропологов, хотя на эти возражения был дан достаточно убедительный ответ в выступлениях Е. Е. Кузьминой, Э. А. Новгородовой, В. П. Алексеева.⁸⁶ К тому же лингвисты, как и археологи, предлагают разные и подчас взаимоисключающие гипотезы, а довод антропологов о несомненном и значительном сходстве причерноморских скифов по антропологическим признакам со срубным населением эпохи бронзы отнюдь не исключает их азиатского происхождения: значительное морфологическое сходство причерноморских скифов со многими синхронными популяциями Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, как отмечает В. П. Алексеев, могло, скорее всего, явиться следствием брачных контактов, охватывавших последовательно всю степную часть

⁸⁵ Там же, с. 75. Нельзя не согласиться с И. В. Яценко и Д. С. Раевским, когда они в заключении отмечают, что такое определение «некорректно смешивает ... древнюю этническую и современную географическую номенклатуру» (там же, с. 96).

⁸⁶ Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 5, с. 129; № 6, с. 78—82.

Евразии. Таким же образом ставят вопрос о местной подоснове скифской культуры Э. А. Грантовский⁸⁷ и Н. Л. Членова.⁸⁸

Формулируя на современном этапе первоочередные задачи скифоведения, можно повторить вслед за В. А. Ильинской: «Требуется конкретно установить, какие именно черты могут быть отнесены за счет непосредственного развития местных предскифских форм Северного Причерноморья, какие свойственны более широкому культурному ареалу, какие по своему происхождению связаны с проникновением из глубинных районов Азии, а какие восприняты в результате скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию».⁸⁹

Одной из работ, в которых сделана попытка осветить некоторые из названных аспектов, является уже упоминавшаяся книга Л. А. Ельшицкого, само информативное название которой говорит о ее содержании и круге проблем: «Скифия евразийских степей». Прежде всего Л. А. Ельницкий совершенно справедливо отмечает, что открытые в недавнее время в Приаралье, Казахстане, Туве и на Алтае замечательные памятники культуры ранних кочевников, демонстрирующие скифскую культуру в ее азиатских вариантах, сильно подрывают установившуюся в археологии тенденцию к приурочению имени скифов лишь к Северному Причерноморью.⁹⁰ Такое представление основано на предвзятом и одностороннем истолковании древних географических и этнографических данных, не соответствующих их реальной локализации (с. 243). Собственно говоря, вопрос о закаспийской (среднеазиатской) и центральноазиатской Скифии древних авторов вообще не поднимается, хотя он и документируется теперь весьма обширным археологическим материалом (с. 69). По мнению автора, все эти факты заставляют исследователя вновь и вновь настойчиво обращаться к интерпретации античной письменной традиции, распространявшей имя скифов на все только что названные территории (с. 243). Этой задаче, собственно, и посвящена книга.

⁸⁷ Там же, № 6, с. 72.

⁸⁸ Там же, с. 85.

⁸⁹ Там же, № 5, с. 123.

⁹⁰ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 67, 242 сл. Далее ссылки на страницы даются в тексте.

Собрав и проанализировав обширный материал письменных источников, эпиграфики, ономастики, топонимики и данных археологических раскопок, автор приходит к обоснованному выводу, что ареал распространения скифской культуры — все пространство евразийских степей от Китая до Венгрии, но распространена она неоднородно; наиболее насыщены памятниками скифской культуры территории у границ Северного Китая, Минусинской котловины, Алтая, Тувы, Семиречья, Приуралья, Нижней Волги и Дона, Прикубанья и Приднепровья (с. 15). Сейчас, как считает Л. А. Ельницкий, уже необходимо говорить не только о равной интенсивности развития этой культуры на всем пространстве южных степей Восточной Европы и Сибири, но и об одновременности этого развития (с. 67). Расцвет кочевой культуры Л. А. Ельницкий определяет IX—VII вв. до н. э. (с. 12). Культурная общность, установившаяся на всем пространстве евразийских степей в результате раннекочевнической активности, охватывала собой и тяготевшую к ним — в хозяйственном и политическом отношении — широкую оседлую периферию (с. 5 сл.).

Л. А. Ельницкий подчеркивает значительную роль местных культур в формировании скифской культуры (с. 18 сл., 65). Исходную территорию скифских племен исследователь видит в закаспийских местностях, Средней Азии и территории далее к востоку, вплоть до Саян (Тува). По его мнению, перемещение в западном направлении племенных наименований и гидронимов свидетельствует о соответственном смещении и передвижении на запад племен скифского круга (с. 27, 46 сл., 52, 66 сл., 140 сл., 147). Возможно, некоторые отождествления, предложенные автором, могут показаться спорными, однако общую тенденцию его книги — подвести источниковедческую базу под расширенное археологическое понимание Скифии — нельзя не одобрить.

Несомненной заслугой автора является доказательство родства киммерийцев со скифами (с. 3, 26, 35, 240 сл.). Тех и других он рассматривает в качестве восточно-иранских племен, передвигавшихся с востока на запад — из Прикаспия в Малую Азию (с. 27, 43 сл.). Сходного мнения придерживается И. М. Дьяконов, считающий, что никаких киммерийцев как особого этноса никогда не существовало и что термин «киммерийцы» вообще не являлся этническим названием, а означал «подвижный кон-

ный отряд» ираноязычного кочевого населения евразийских степей.⁹¹ Этим-то, по мнению М. А. Дьяконова, и объясняется тот отмеченный многими исследователями факт, что культуру скифов и киммерийцев невозможно отличить археологически.⁹²

В книге Л. А. Ельницкого затронуты еще многие проблемы истории скифов, в частности вопрос о политическом и социальном строе скифских племен, но их обсуждение уже выходит за рамки данной работы.⁹³

Суммируя все вышеизложенное и оставляя в стороне самые крайние точки зрения, можно попытаться выделить нечто общее в решении вопроса о происхождении скифов, которое предлагает современная скифология.

У большинства исследователей не вызывает сомнений тот факт, что скифы были пришлым элементом в Северном Причерноморье и появились они там раньше, чем в Передней Азии, что до появления скифов в Передней Азии, куда они попали через Кавказ, они завоевали Северное Причерноморье (целиком или частично). Не вызывает сомнений у скифологов также и тот факт, что киммерийцы были предшественниками скифов в Северном Причерноморье (занимая соответственно либо всю его территорию, либо его юго-восточную часть). Согласие царит и в том, что скифы, вернувшись в начале VI в. из переднеазиатских походов, как бы вторично завоевали Северное Причерноморье.

Перечисление более или менее бесспорных вопросов генезиса скифов, видимо, можно на этом и закончить. Что касается разногласий среди исследователей, то их, несомненно, гораздо больше. Спорят прежде всего о том, ; какой археологической культурой могут быть генетически связаны скифы: являются ли они носителями какакомбной культуры, потомками носителей или прямыми гасителями поволжской срубной культуры или их культуру надо выводить из Средней, Передней или Центральной Азии? Носителями какой культуры в Северном Причерноморье являлись киммерийцы? В какое время по-

⁹¹ Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»). — В кн.: Этнические проблемы истории центральной Азии в древности. М., 1981, с. 90 сл.; ср.: Дискуссионные проблемы... — НАА, 1980, № 6, с. 92 сл.

⁹² См. ниже, с. 65.

⁹³ Точка зрения Л. А. Ельницкого также не нашла отражения в дискуссии на страницах журнала «Народы Азии и Африки».

явились скифы на этой территории? Ведь если их связывать со срубной культурой, то появление скифов надо отнести к середине II тыс. до н. э. Как примирить раннее появление скифов в Северном Причерноморье и совсем иную дату распространения там скифской археологической культуры, которая известна по существу лишь с VI в. до н. э., т. е. со времени возвращения скифов из переднеазиатских походов? Спорным является и вопрос о том, какой Аракс перешли скифы, появившиеся в Причерноморье, — Волгу, Амударью, Сырдарью, Дон или современный кавказский Аракс? Разумеется, перечень спорных вопросов этим не исчерпывается и его можно было бы значительно расширить (см. Введение). Пытаться примирить все эти противоречия — дело неблагодарное и, по всей видимости, совершенно недостижимое. Больше пользы, как представляется, может принести попытка выделить из античных источников достоверные известия о скифах.

Нельзя не согласиться с призывом Э. А. Грантовского тщательно и всесторонне исследовать источники, установить их реальное содержание, углубить и расширить выводы из них.⁹⁴ Это тем более важно, что в настоящее время отечественное скифоведение развивается преимущественно как отрасль археологии, а данные письменных источников, и в частности античных авторов, лишь привлекаются для иллюстрации тех или иных выводов, зачастую без всякой критики, иногда неполностью; подчас одни и те же цитаты призваны подтверждать прямо противоположные мнения и гипотезы; многие сообщения вообще отбрасываются как ложные, неясные, затемняющие суть дела или вносящие ненужную путаницу. Несомненно, что именно от внимательного и осторожного анализа источников в большой мере зависит и историческая интерпретация данных археологии.

Глава II

РАННИЕ ИЗВЕСТИЯ О СКИФАХ И КИММЕРИЙЦАХ

В современной скифологии утвердилось мнение о давности обитания киммерийцев и скифов в Северном Причерноморье. В качестве доказательства пребывания скифов на северном побережье Черного моря уже в IX—VIII вв. до н. э. обычно привлекаются сведения Гомера и Гесиода.¹ Опираясь на эти же самые источники, А. И. Тереножкин в своей последней монографии о киммерийцах сделал вывод, что в отмеченное время грекам в качестве обитателей Северного Причерноморья были известны только киммерийцы, тогда как скифов они узнали «лишь много веков спустя, никак не ранее VII в. до н. э.»² При этом автора ничуть не смущает ни то обстоятельство, что Гесиод в качестве доителей кобылиц назвал не киммерийцев, а скифов (это А. И. Тереножкин просто отменил как ошибку), ни то, что между временем создания гомеровских поэм, даже если относить их к IX—VIII вв. (а в настоящее время считается более обоснованной датировка их VIII—VII вв., о чем см. ниже), и временем Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.) никак не могло пройти «много веков». Не отмечает А. И. Тереножкин и того факта, что упоминание в «Илиаде» доителей кобылиц уже в древности вызывало споры о том, какое племя скрывалось под этим эпитетом (см. ниже), и в настоящее время исследователи все еще продолжают спорить — киммерийцев или скифов имел в виду поэт.

Имеют ли, однако, такие выводы действительную опору в источниках? По-видимому, назрела необходимость сделать более внимательный и подробный анализ ранних известий о скифах и киммерийцах, коль скоро они при всей их спорности служат основанием столь противоречивых утверждений.

¹ См., напр.: Граков Б. Н. 1) Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 10 сл.; 2) Скифы. М., 1971, с. 6 сл.

² Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 8.

Следует прежде всего остановиться на упоминании в «Илиаде» Гомера (XIII, 1 сл.) «доителей кобылиц, млекоедов». Как выше отмечалось, это упоминание вызвало споры уже у самих античных писателей. Так, Страбон (VII, 3, 2 сл.) вслед за Посидонием и в споре с Аполлодором и Эратосфеном доказывал, что Гомер имел в виду европейских скифов и сарматов. По мнению Страбона, текст Гомера позволяет утверждать, что Зевс, отвернувшись от Трои, смотрел на север — на земли живущих по обе стороны Истра фракийцев и европейских мисийцев, к северу от которых и обитали гомеровские доители кобылиц — скифы и сарматы.

Однако если внимательно присмотреться к контексту, ход страбоновского рассуждения можно поставить под сомнение: «Зевс, приблизив троянцев и Гектора к кораблям (ахейцев), оставил их перед кораблями непрерывно нести труды и беды, а сам обратил вспять (*πάλιν τρεπεύ* — буквально: повернул назад) светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных доителей кобылиц, млекоедов, бедных и справедливейших людей, а к Трое он совсем уже не обращал светлых очей», т. е. Зевс, оставив троянцев и Гектора у кораблей, сам, отвернувшись от побережья Эгейского моря, посмотрел назад, в глубь Малой Азии, последовательно на земли фракийцев, мисийцев и доителей кобылиц.

Правомерность такого толкования подтверждается географическим контекстом: Трояда, как известно, входила в состав древней Мисии, расположенной на северо-западе Малой Азии;³ мисийцы, как предполагают, находились в тесном родстве с фракийцами, а последние в древности (по крайней мере с конца II тысячелетия до н. э.) населяли не только северо-восток Балканского полуострова, но и северо-западную Малую Азию.⁴ Геродот в своем труде неоднократно упоминает об азиатских фракийцах.⁵

³ См.: Dussaud R. *La Lydie et ses voisins*. Paris, 1930. 111 p.

⁴ Lenk V. *Thrace*. — RE, 1937, t. VIA, col. 415; Данов Хр. Древна Тракия. София, 1968, с. 174 сл.

⁵ Геродот пишет (I, 28) о покорении азиатских фракийцев Крезом (первая половина VI в. до н. э.) наряду с племенами, расположенными к западу от р. Галис, о вхождении азиатских фракийцев в III податной округ державы Ахеменидов (III, 90) вместе с жителями правого (южного) берега Геллеспонта — фри-

Однако нельзя не отметить, что оба этих толкования в равной мере основаны на мифологии: получается, что мы вслед за Страбоном пытаемся встать на точку зрения Зевса, которому как всемогущему богу совсем было не обязательно находиться под Троей, — он мог наблюдать за всем происходящим прямо с безоблачного Олимпа. Поэтому следует встать на более реалистический путь интерпретации гомеровских стихов.

Небезынтересна в данном случае аргументация Эратосфена и Аполлодора, которую приводит Страбон (VII, 3, 6 сл.). Оба этих автора отрицали знакомство Гомера с отдаленными странами и утверждали, что поэт не упоминал о скифах. По их мнению, Гомер узнал о пафлагонцах, живущих внутри материка, от тех, кто добирался до них сухим путем, а морского побережья Пафлагонии не знал, и это, как считает Аполлодор, вполне естественно, так как в те времена Понт был недоступен для плавания из-за бурь и дикости окружающих племен, в особенности скифских, приносивших чужестранцев в жертву, питавшихся человеческим мясом и изготавливавших чаши из черепов. Таким образом, Эратосфен и Аполлодор исключают из кругозора Гомера даже южное побережье Понта.

Тем более необходимо подчеркнуть, что географический горизонт Гомера не только не включал северного берега Черного моря,⁶ но что вообще сведения Гомера о Черном море были довольно ограниченными: о Колхиде и Фасисе, так же как и об Истре, поэт не имел никакого представления.⁷ Первоначальная ионийская Аргонавтика (а странствования аргонавтов, как предполагают, отчасти послужили Гомеру образцом для изображения стран-

гийцами, пафлагонцами, мариандинами и сирийцами (т. е. кашпадокийцами), и вооружении азиатских фракийцев в составе войск Ксеркса (VII, 75).

⁶ Ср.: Strab., I, 2, 10: «... в гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя „Понт“, подобно тому как Гомера называли просто „Поэтом“».

⁷ Томсон Дж. История древней географии. М., 1953, с. 44 сл., 48; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, с. 37 сл.; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 13; Дитмар А. Б. Рубежи оикюмены. М., 1973, карта на с. 14 (представления Гомера о земле — реконструкция Р. Карпентера).

СТВИЙ Одиссея)⁸ также не знала Колхиды на Кавказе, а оперировала географическим и мифологическим материалом, почерпнутым из области освоения северо-западных берегов Малой Азии, Фракии и Пропонтиды.⁹ По мнению ряда исследователей, название «Колхида», предаде чем быть впоследствии локализованным в юго-восточном углу Черного моря, последовательно прилагалось к различным областям на Геллеспонте, Пропонтиде и южном берегу Черного моря.¹⁰ Л. А. Ельницкий считает возможным перетолкование названий Халкида в Колхиду по связи с племенным наименованием колхов и словом *χαλκός* (медь); он отмечает параллельное перетолкование названий Халкедон в Калхедон на северном берегу Малой Азии, на пути аргонавтов в Черное море.¹¹

Датировки гомеровских поэм в настоящее время уточнены и значительно омоложены; речь идет уже не о IX—VIII вв., а о VIII—VII вв. до н. э. («Илиада» — от середины VIII в. до 700 г. до н. э., «Одиссея» — примерно на полвека позже).¹² Именно в это время в поле зрения ионийцев в Малой Азии попали киммерийцы,¹³ тогда как скифы в 70-е годы VII в. до н. э. находились еще где-то у границ Манны и Ассирии. По-видимому, мнение Эратосфена и Аппеллодора, что Гомер не знал скифов, соответствовало действительности. Следовательно, скорее можно

⁸ См.: Meulik K. *Odyssee und Argonautica*, Berlin, 1921, 121 S.; Robert C. *Die griechischen Heldensage*. — In: Preller L. *Griechische Mythologie*, Berlin, 1921, Bd III, Th. 1, S. 809.

⁹ Kubitschek W. *Zur Geographie der Argonautensage*. — *Reinisches Museum*, 1933, Bd 82, S. 389 folg.

¹⁰ См.: Seeliger. *Argonautensage*. — *Roscher-Lexikon*, 1884—1890, t. 1, col. 532.

¹¹ Ельницкий Л. А. *Знания древних...*, с. 12 сл.

¹² См. подробнее: Kirk G. S. *The Songs of Homer*. Cambridge, 1962, p. 282; Lesky A. *Homeros*. — *RE*, 1968, Suppl. XI, col. 687 sq.; Гордозиани Р. В. *Проблемы гомеровского эпоса*. Тбилиси, 1978, с. 213 сл.

¹³ Киммерийцы во времена Гомера совершали набеги на Фригию, Пафлагонию, Эолиду, Ионию (см. подробное: Дьяконов И. М. *История Мидии*. М., 1956, с. 234 сл.). Исторически засвидетельствовано взятие киммерийцами Сард в 654 г. (см. об этом: Струве В. В. *Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья*. — В кн.: Струве В. В. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л., 1968, с. 90 сл.). Около ста лет они владели г. Антандром на мисийском берегу Эгейского моря в северо-западной Малой Азии, и этот город даже называется Киммеридой (*Steph. Byz.*; s. v. *Ἰμμεριδός*). О киммерийской оккупации Вифинии сообщал Арриан (см.: *Eustath.*, ad *Dion. Perieg.*, 322).

думать, что под «доителями кобылиц» скрывались киммерийцы, и это подтверждается тем обстоятельством, что в «Одиссее» (XI, 12 сл.) они уже названы по имени.¹⁴

Недвусмысленные подтверждения данному выводу можно найти и у самого Страбона: «Что Гомер знал их (киммерийцев, — *И. К.*), доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев незадолго до его или к его времени» (I, 2, 9); «... во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев до Эолиды и Ионии» (III, 2, 12); «Киммерийцы... часто делали набеги на правую сторону Понта (т. е. южное побережье Черного моря, — *И. К.*) и смежные с нею области, вторгаясь то в Пафлагонию, то даже во Фригию» (I, 3, 21).¹⁵ Заслуживает внимания также сообщение Павла Оросия (*Adv. paganos*, I, 21, 1—2), что опустошительное вторжение киммерийцев и амазонок в Азию произошло в 30 г. от основания Рима, т. е. в 723 г. до н. э.

То, что под эпитетом «доители кобылиц» могли скрываться киммерийцы, подтверждается гимном Каллимаха (III в. до н. э. — *Ad Artem.*, III, 252—253), где упоминается Лигдамис, напавший на Эфес с «равным песку» войском доителей кобылиц киммерийцев. Ссылаясь на Каллимаха, склонны считать гомеровских доителей кобылиц киммерийцами В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин,¹⁶ связывая их, однако, с Северным Причерноморьем, а не с Малой Азией, хотя Каллимах ясно указывает, что Лигдамис с киммерийским войском напал на Эфес.

Что именно в Малой Азии греки впервые пришли в соприкосновение с киммерийцами, подтверждается еще и тем обстоятельством, что передвижения там киммерийцев совпали по времени с основанием первых милетских колоний на южном берегу Черного моря,¹⁷ т. е. греки узнали киммерийцев еще до начала колонизации север-

¹⁴ В отличие от Л. А. Ельницкого (см.: Киммерийцы и киммерийская культура. — *ВДИ*, 1949, № 3, с. 20 сл.), отрицающего историческое значение упоминания Гомера о киммерийцах и усматривающего здесь мифологический сюжет, связанный с культом мертвых и подземным миром, Ю. С. Крушкол считает, что упоминание о киммерийцах в «Одиссее» — отражение реальной действительности (см.: К вопросу о киммерийцах. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 91). Такого же мнения и А. П. Смирнов (см.: Скифы. М., 1966, с. 26).

¹⁵ Ср. также: XI, 2, 5; XIII, 4, 8; XIV, 1, 40.

¹⁶ Археолопя *Української РСР*. Киев, 1971, т. 2, с. 10.

¹⁷ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956, с. 36 сл.

ного побережья Черного моря, которая началась значительно позже.

Таким образом, первое упоминание киммерийцев в греческой литературе связывает их с Малой Азией. В Передней и Малой Азии их впервые упоминают и восточные источники.

Эпитет «доители кобылиц», однако, прилагался и к скифам, как об этом свидетельствует Гесиод (fr. 55 Rzach = Strabo, VII, 3, 7): *Αἰθιοπάς τε Λίγυς τε ἰδὲ Σκύθας ἱππημολγούς* (разночтения: *τε Λιγυσι δέ* — Marckscheffel; *Λίγυάς τε* LSI — Nacke). Считалось, что *Λίγυς* — это первое известие о лигурах,¹⁸ однако столь раннее о них упоминание (VII в. до н. э.) все же вызывает некоторое удивление. Возможно, что более приемлемы исправления *Λίβυες τ' ἤδ' ἑ* (Heynius ad Homer. Iliad., XIII, 6, p. 369); или: *τε Λίβυς τ'* (Osann in *Diar. Antiq.*, 1841, p. 198);¹⁹ или: *Λίβυάς τ'* (Th. Robinson. Hesiod. Oxonii, 1737, p. 198), так как сопоставление эфиопов и ливийцев вполне правомерно. Однако независимо от исправления это самое первое из дошедших до нас в греческих источниках упоминание скифов никоим образом не может быть использовано для доказательства давности пребывания скифов в Северном Причерноморье. Разберем все возможные варианты.

В первом случае лигуры на севере оказываются противопоставленными эфиопам на юге; тогда становится вероятным, что скифы должны противопоставляться индийцам: подобную схему расположения населенного мира давал, следуя ионийским представлениям, Эфор,²⁰ у которого область, обращенную к восточному ветру и близкую к солнечному восходу, занимают индийцы, обращенную к южному ветру и полудню — эфиопы; к западному ветру и закату — кельты, к северному ветру и северу — скифы. Если учесть, что кельты (лигуры) занимают северо-запад и расположены над эфиопами, то скифы оказываются на северо-востоке, над индийцами,²¹ т. е. в Сред-

¹⁸ Wciss J. *Ligures*. — RE, 1927, t. XIII, col. 533.

¹⁹ См.: Hesiod. *Carmina* / Ed. I. Flach. Lipsiae, 1878, p. 334, fr. CXG (64).

²⁰ Müller X. *Fragmenta historicorum graecorum*. Parisiis. 1848, t. 1, p. 234—277. Ф. Якоби (Jacoby F. *Hekataios*. — RE, 1912, t. VII, col. 2708) возводит эту геометрическую схему к Гекатею. То же у Ельницкого (Знания древних..., с. 56).

²¹ Подобные представления ионийцы могли заимствовать у персов. В древнеперсидской надписи (D_{ph}, 5—8 = ДН, 4—6), определяющей крайние пределы персидской державы, упоминаются на

ней Азии, откуда (из-за Аракса) их и выводит Геродот (IV, 11, 1), утверждая, что переданная им версия наиболее достоверна и имеет хождение как у греков, так и у варваров. Возможно, что именно так надо локализовать и скифов Гесиода.

Другой вариант представляется более простым для толкования. Ионийские географы, как свидетельствует Геродот (IV, 36), изображали землю круглой, как бы очерченной циркулем, а материки — Европа и Азия — представлялись им противоположащими и равными друг другу, причем Африка (Ливия) и Азия в их представлении не были отделены друг от друга. На карте Анаксимандра, например, материки были представлены как острова, разделенные водным пространством, а Ливия являлась неотъемлемой частью Азии, занимавшей южную половину земного круга.²² В этом случае вполне было бы понятно и упоминание скифов рядом с эфиопами и ливийцами, причем скифы мыслились именно в Азии. Как раз во времена Гесиода появившиеся в Передней Азии скифы совершили грабительский поход через Сирию до границ Египта (Hdt., I, 105), а эолиец Гесиод (отец его был уроженцем малоазийского города Кимы), хотя и находился вне родины, но тем не менее поддерживал тесные связи со своими малоазийскими соотечественниками и не мог не быть в курсе исторических событий, там происходящих.²³

Наконец, можно предложить и третье толкование гесиодовских $\Delta\iota\gamma\upsilon\varsigma$ — $\Delta\iota\gamma\upsilon\epsilon\varsigma$, если сопоставить их с азиат-

юге-западе — Нубия, на северо-западе — Лидия, на юго-востоке — Синд (на нижнем Инде) и на северо-востоке — «саки, которые за Согдом» (т. е. в широком смысле слова — одно из скифских племен, которые персы называли сакскими — Hdt., VII, 64). См.: Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на месагетов. — ВДИ, 1964, № 3, с. 123. Ср.: Dion. Halicarn., Rom. antiquit., VII, 70: «... долгий ряд веков до настоящего времени не мог достигнуть, чтобы или кельты, или ливийцы, или скифы, или индийцы, или вообще какой-нибудь варварский народ перестал исполнять или что-нибудь изменил в культе богам». Вообще соседство Скифии и Индии неоднократно отмечается в античной литературе.

²² См.: Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 53. Насколько известно, Гекатой первым выделил Ливию в качестве третьего материка (см.: Hdt., IV, 42; Pindar., Isthm. II, 41 sq.).

²³ Согласно последним изысканиям, в произведениях Гесиода ощущается сильное воздействие религиозных и мифологических представлений Ближнего Востока (см.: Тренчени-Вальдапфельд И. Гомер и Гесиод. М., 1956, с. 28 сл.).

скими лигиями Геродота, сведения которого, правда, довольно противоречивы. Так, он упоминает лигиев (лигуров?), живущих над Массилией (V, 9, 3),²⁴ и лигиев азиатских (VII, 72, 1—2), которых он называет в составе податных округов и в войске Ксеркса наряду с азиатскими эфиопами; последние, по его мнению (VII, 71), отличаются от ливийских эфиопов и ливийцев.²⁵ Эти азиатские эфиопы включены Геродотом (III, 94, 1) в семнадцатый податной округ Персии вместе с париканиями (жителями Маннейского царства, соседями мидийцев),²⁶ причем в шестнадцатый округ входили парфяне, хорасмии, согды и арии, а в восемнадцатый — матиены, каспиры, алародии, т. е. несомненно азиатские народы. Таким образом, как лигии, так и эфиопы Геродота находят свое место среди азиатских народов.²⁷ Точная локализация этих эфиопов вряд ли возможна,²⁸ однако для нашей темы важно, что эфиопы и лигии упоминаются рядом и включены в состав азиатских племен.

Можно предполагать, что Геродот, сообщая о лигиях и азиатских эфиопах, использовал более раннюю ионийскую традицию, возможно Гекатея (считается, что списки сатрапий Геродот взял у Гекатея);²⁹ можно предположить также, что для малоазийских греков было обычным сопоставление азиатских эфиопов, лигиев и азиатских же скифов — доителей кобылиц, как это мы видим у Гесиода.

Таким образом, это самое первое из дошедших до нас в греческих источниках упоминание скифов никоим образом не может быть использовано для доказательства давности пребывания скифов в Северном Причерноморье. У нас нет никаких оснований искать упомянутых Гесио-

²⁴ Лигии упоминаются Геродотом также в VII, 165, но там их невозможно локализовать хотя бы с приблизительной точностью.

²⁵ Ср.: Strab., I, 4, 24 sq.

²⁶ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 338, примеч. 4.

²⁷ Ср.: Hdt., VII, 9, 2: Мардоний говорит Ксерксу, что персы поработили саков, индийцев, эфиопов, ассирийцев и другие могущественные племена. Видимо, здесь тоже имеются в виду азиатские эфиопы.

²⁸ Ф. Г. Мищенко (Указатель к переводу Геродота) отводил азиатским эфиопам области по р. Инду, Гедрозию и Карманию, И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 360) — территорию современного Мекрана (в Иране) и Белуджистана (в Пакистане).

²⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 248, 338 (примеч. 4); Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского. — БДИ, 1972, № 2, с. 12 сл.

дом скифов в Северном Причерноморье,³⁰ а следовательно, нет оснований и согласиться с теми исследователями, которые, опираясь на данные источники, делают вывод о давнем заселении скифами северочерноморских степей, а тем более — с выводом Б. Н. Гракова, что со времен Гомера и Гесиода скифы и киммерийцы локализируются в Северном Причерноморье «с полной ясностью».³¹ Вывод этот не критически восприняли многие советские скифологи,³² хотя раздавались и отдельные высказывания против этого тезиса.³³

Точно так же нет оснований отождествлять население причерноморских степей этого периода с киммерийцами, как это делает А. И. Тереножкин: анализ ранних известий об этих племенах позволяет сделать вывод, что греки впервые познакомились с ними в Малой Азии; вывод этот подтверждается не только общей исторической картиной освоения греками берегов Черного моря, но и документальными данными восточных источников, фиксирующих киммерийцев и скифов с конца VIII по начало VI в. до н. э. в Передней и Малой Азии.

Необходимо отметить, что спор об исторических киммерийцах в Северном Причерноморье начался уже давно, большинство исследователей пребывание киммерийцев здесь считало исторически засвидетельствованным фактом, но высказывались и иные мнения. Так, И. Куно, К. Мюлленгоф, В. Б. Хеннинг³⁴ утверждали, что киммерийцы никакого отношения к Северному Причерноморью

³⁰ Существует мнение, что Северное Причерноморье во времена Гесиода еще не было известно грекам. См. реконструкцию карты земли по Гесиоду (Р. Карпентера) в кн.: Дитмар А. Б. Рубежи ойкумены, с. 14.

³¹ Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре, с. 11.

³² Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 162; Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ. — ВССА, с. 189; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. — Тр. ГИМ, 1959, вып. 36, с. 17; Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ. — Тр. ЧИНИИ, 1964, т. IX, с. 29 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 207 и др.

³³ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 38.

³⁴ Cuno J. Die Skythen. Berlin, 1871, S. 249 folg. (Куно локализовал киммерийцев на южном берегу Понта, между Фермодонтом и Фасисом); Müllenhoff K. Deutsche Alterthumskunde. Berlin, 1893, Bd III, S. 19 folg.; Henning W. B. Die Geographie des Homerischen Epos. — Neue Wege zur Antike, 1932, H. 10, S. 77 folg.

не имели и что эта связь — просто историческая фикция. По существу сходного мнения придерживаются Л. А. Ельницкий³⁵ и И. М. Дьяконов.³⁶

Некоторые исследователи высказывались также и против тезиса о раннем пребывании скифов в Северном Причерноморье (не подкрепляя, правда, своих выводов анализом письменной традиции). Так, по мнению И. М. Дьяконова, греки, познакомившиеся со скифами в Малой Азии, назвали впоследствии скифами всех кочевников, которых они застали в Северном Причерноморье при более позднем, чем колонизация южного берега Понта, освоении его северных берегов.³⁷ И действительно, это недвусмысленно подтверждается словами Геродота (IV, 6, 2): «Все вместе они называются скелотами по имени царя; скифами же их назвали греки». На основании этого и ряда других фактов немецкий исследователь Г. Коте также сделал вывод, что население северопричерноморских степей эпохи бронзы (скелоты) и в языковом, и в этнокультурном отношении отличалось от скифов царских, вторгшихся в Северное Причерноморье в эпоху железа (в VI в. до н. э.).³⁸ Греки и скелотов также обозначали как скифов, может быть, по политическому признаку господства скифов царских, но не по этническому признаку.³⁹ Сам Г. Коте называет это население «псевдоскифами».

Кроме относящихся к Азии упоминаний Гомера и Каллимаха о киммерийцах и Гесиода о скифах, немаловажно привлечь также свидетельства Каллина Эфесского (первая половина VI в. до н. э.) и Алкея из Митилены на Лесбосе (VII—VI вв. до н. э.).⁴⁰ Каллин упоминает о нашествии войска грозных киммерийцев (см.: Strab.,

³⁵ Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 18 сл.; 2) Знания древних..., с. 98 сл.; 3) Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 24 сл.

³⁶ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 228 сл.

³⁷ Там же, с. 244.

³⁸ Kothé H. 1) Pseudoskythen, — Klio, 1967, Bd 48, S. 61 folg.; 2) Die königlichen Skythen und ihre blinder) Knechte. — Veröff. Inst. Orientforschung, 1968, N 69, S. 97 folg.; 3) Der Skythenbegriff bei Herodot. — Klio, 1969, Bd 51, S. 20 folg.

³⁹ Kothé H. 1) Pseudoskythen, S. 71 folg.; 2) Der Skythenbegriff..., S. 74 folg.

⁴⁰ Упоминание Сафо о скифском дереве (Θάσπος), которым красят в желтый цвет шерсть и волосы, не может служить ориентиром для локализации скифов.

XIV, 1, 40), подразумевая взятие Сард, т. е. речь опять-таки идет о событиях в Малой Азии (о взятии Сард киммерийцами пишет и Каллисфен; см.: Strab., XIII, 4, 8).

Сложнее обстоит дело с интерпретацией упоминания Алкея об Ахилле, «владыке Скифской земли». ⁴¹ Речь идет о так называемом Белом острове (совр. Змеиный остров), расположенном в Эвксинском море напротив устья Истра (Дуная); ⁴² с Ахилловым Бегом (п-ов Тендра) культ Ахилла был связан позднее. ⁴³ По-видимому, свидетельство Алкея относится к той части территории Скифии, которая получила у греков название старой, или древней Скифии (Hdt., IV, 99, 2) и которая располагалась к югу от Дуная: «От Истра (начинается) уже та самая древняя Скифия, которая простирается на юг и в направлении южного ветра (*πρὸς μεσαμβρίῳ τε καὶ νότον ἄνεμον*) до города, называемого Каркинитидой». ⁴⁴ К этой именно придунайской области (Л. А. Ельницкий считает возможным отождествить ее с Малой Скифией Страбона ⁴⁵), по всей видимости, и относится упоминание Алкея об Ахилле. Для обозначения западной, придунайской территории как древней Скифии возможны два объяснения: во-первых, проникновение скифов из Малой Азии в Северное Причерноморье могло происходить двумя путями — через Кавказ и через Фракию; во-вторых, греки, уже знакомые со скифами в Малой Азии и осевшие на западном побережье Черного моря раньше, чем на северном, могли назвать именно эту территорию старой, или древней Скифией, даже если ее варварское население не было собственно скифским (подобно тому как греки называли скифами скелотов). Как бы то ни было, свидетельство Алкея также не может быть исполь-

⁴¹ Веггк Th. Poetae Lyrici Graeci. Lipsiae, 1882, t. III, Alc., fr. 49.

⁴² Ср.: Pind, Nem., VI, 47—50.

⁴³ Подробнее см.: Толстой И. И. 1) Миф о браке Ахилла на Белом острове. СПб., 1908, с. 3 сл.; 2) Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 23 сл., 55 сл.; 3) Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове. — ИТОИАЭ, 1927, № 1, с. 157 сл.

⁴⁴ Эта Каркинитида, следовательно, не может быть тождественна той, которую Геродот назвал в IV, 55. Подробнее см.: Куклина И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах. — ВДИ, 1982, № 2, с. 168 сл.

⁴⁵ Ельницкий Л. А. 1) Знания древних..., с. 84; 2) Скифия евразийских степей, с. 169.

зовано для доказательства давнего обитания скифов в северочерноморских степях.

Не могут быть привлечены для этой цели и известия Гекатея (VI—V вв. до н. э.), предшественника Геродота. Его «Землеописание» дошло до нас лишь в незначительных отрывках, которые, по мнению исследователей, позволяют судить лишь о том, что скифскими в представлении Гекатея являются прежде всего Кавказ в широком смысле слова, Предкавказье (Киммерийский Боспор), территория у Дуная и, наконец, закаспийские территории.⁴⁶ О степени знакомства Гекатея с северочерноморской территорией судить можно только предположительно.⁴⁷

По существу оказывается, что единственной опорой для утверждения о киммерийцах как предшественниках скифов в Северном Причерноморье является свидетельство Геродота (I, 103—104; IV, 11—12), что в древности страна, которую теперь населяют скифы, принадлежала киммерийцам и что скифы вытеснили киммерийцев из Северного Причерноморья в Азию. В подтверждение своего мнения Геродот приводит киммерийскую топонимику на Боспоре. Нельзя, однако, не отметить, что сведения Геродота о скифах довольно противоречивы. С одной стороны, он приводит легенды, свидетельствующие об их автохтонности, с другой — сам отдает предпочтение тому преданию, согласно которому, скифы, первоначально обитавшие в Азии, потесненные массагетами, перешли р. Аракс и затем появились в Северном Причерноморье. В подтверждение этого «одинаково принятого и у греков, и у варваров» предания (IV, 12, 3) Геродот приводит аналогичный рассказ Аристея Проконнесского (IV, 13), с той лишь разницей, что вместо вытеснивших скифов массагетов названы их соседи исседоны. Изложив мнение Аристея, Геродот резюмирует: «Таким образом, и он не согласен со скифами относительно этой страны», т. е., поскольку Геродот сам противопоставляет третье предание как наиболее достоверное двум первым («автохтонным») вариантам легенды, то ясно, что и мнение Аристея изложено Геродотом в противовес легендам об автохтонности скифов в Северном Причерноморье.

⁴⁶ Кроме уже цитированных выше работ Ф. Якоби и С. А. Жебелева, см. также: Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 54 сл.; Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского, с. Зсл.

⁴⁷ См. подробнее в гл. IV.

Сама противоречивость этих сведений уже должна настораживать. Относительно же киммерийской топонимики на Боспоре следует также соблюдать известную осторожность. Все эти «киммерийские» названия, несомненно, греческого происхождения. Л. А. Ельницкий высказал предположение, что они возникли в результате работы греческой мифико-географической мысли, тогда как реальных киммерийцев на берегах Боспора не существовало.⁴⁸ Однако таким образом невозможно объяснить, почему именно в этом районе сосредоточилась киммерийская топонимика, ведь перенос названий из Малой Азии теоретически мог быть возможен в любое другое место на побережье Черного моря. По мнению И. М. Дьяконова,⁴⁹ которое, как представляется, является наиболее реальным и убедительным, — Киммерийский Боспор был назван так скорее всего просто как «северный» в отличие от Фракийского Боспора (Босфора). «По крайней мере у местного населения, с которым греки столкнулись к моменту начала колонизации в Крыму, этот пролив назывался не Киммерийским проливом, а „Рыбным путем“ (*Pantikapa),⁵⁰ что видно из названия построенного здесь города Пантикапей (ныне Керчь), скифская этимология имени которого ясна, но должна быть отнесена только к проливу, а не к самому городу, по крайней мере первоначально», — пишет И. М. Дьяконов.

Открытие греками Керченского пролива произошло, вне всякого сомнения, не раньше того времени, когда они уже познакомились с киммерийцами в Малой Азии (название Киммерийского Боспора впервые встречается у Гекатея — *F. Gr. Hist., fr. 197*). Остальные названия, кстати сказать, более позднего происхождения (от середины VI в. до н. э. и позже), были даны греками уже по имени пролива.

Остается рассмотреть еще одно свидетельство Геродота (IV, 11, 2 сл.) — о могиле киммерийских царей, которые, не желая бежать от скифов вместе со своим

⁴⁸ Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 20 сл.; 2) Скифия евразийских степей, с. 35.

⁴⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 230 сл.

⁵⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. Скифский язык. М., 1949, с. 237. Общеиранское *panti* — «путь» (ср. русское «путь» из старославянского *ponti*); кара в иранских языках скифо-среднеазиатской группы означает «рыба» (примечание И. М. Дьяконова).

народом, вступили друг с другом в сражение и погибли, а народ похоронил их у р. Тираса (Днестра); могила их, как пишет Городот, сохранилась до его времени. Эта новелла как будто недвусмысленно локализует киммерийцев в Северном Причерноморье, хотя ее легендарный характер, отмеченный целым рядом исследователей, побуждал не придавать фактического значения ее содержанию.⁵¹

Тем не менее большинство, опираясь па это свидетельство, распространяло территорию киммерийцев на все пространство от Днестра до Керченского пролива, считая, что часть киммерийцев под натиском наступавших с востока скифов ушла на запад, за Днестр и дальше, в Западную Европу, а другая часть (видимо, большая) двинулась в Азию через Кавказ. При этом выходило, что перепуганные киммерийцы, оставив страну скифам без борьбы, двинулись в Азию против гораздо более могущественных противников, причем «отступали» они навстречу вторгающимся скифам. Одно противоречие, таким образом, нанизывается на другое. К тому же невозможность выделить памятники киммерийцев и археологически проследить границы их обитания способствовала возникновению самых неожиданных гипотез: например, что в основе описываемого события может лежать только смена катакомбной культуры срубной в последние десятилетия II тыс. до н. э. (М. И. Артамонов).

Поскольку представляется невозможным ни примирить существующие противоречия, ни подтвердить бесспорным археологическим материалом пребывание киммерийцев на Днестре, следует, видимо, искать иное объяснение этому эпизоду. Интересно отметить, что обычай ритуального состязания двух групп одного народа или племени имеет глубокие корни и широкое распространение в Средней Азии. Вот что, например, сказано в «Истории династии Тан» относительно празднования Нового года в Фергане: «В начале каждого года царь и вожди разделяются на две партии. Обе партии избирают каждая одного человека, который одевается в доспехи и

⁵¹ Жебелев С. А. Народы северного Причерноморья в античную эпоху. — СПб, с. 255 сл.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 239; Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 18; 2) Знания древних..., с. 99 сл. Ср.: Смирнов А. П. Скифы, с. 27 сл., 31 сл.

сражается (с другим), его толпа помогает ему кирпичами и камнями. Когда один из них убит, останавливаются, и по этому определяют, будет ли год хороший или плохой».⁵²

С. П. Толстов видит здесь отражение чрезвычайно широко распространенного обычая первобытных народов: ритуального состязания двух фратрий — одного из наиболее долго сохраняющихся элементов комплекса дуальной организации. С. П. Толстов показывает широкое распространение этого обычая в Средней Азии, как у кочевого, так и у земледельческого населения. Этот обычай, по мнению С. П. Толстова, нашел отражение и в зороастрийской религии, и даже в планировке древних городов Средней Азии. Зороастрийский дуализм, как считает С. П. Толстов, является развитием первобытной дуальной мифологии, восходящей своими корнями к дуализму фратрий.⁵³

Как представляется, у нас есть все основания привлечь указанные параллели для объяснения ритуальной борьбы киммерийских вождей.

Необходимо подчеркнуть, что, когда Геродот пишет о могиле киммерийских царей, которая «видна еще и до сих пор» (IV, 11, 4), это вовсе еще не означает, что он сам ее видел. Возможно, ему о ней просто рассказывали как о существующей.

По-видимому, вполне правомерно обратиться к свидетельству, которое дает возможность утверждать, что «Тирас» — собственное имя родоначальника одного из азиатских народов: Книга Бытия, X, 1—3. В ней дается родословная сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета. Среди сыновей Иафета названы: Гомер (киммерийцы), Магог (скифы или мидийцы), Мадай (мидийцы), Иаван (ионийцы), Табал (тибарены), Мешех (мосхи) и Тирас. Последнее соответствует, возможно, имени одного из морских народов, напавших на Египет при Мернепте I, — туруша, и тирсенам классических авторов.

Не пытаясь установить точное этническое соответ-

⁵² См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 282 сл.

⁵³ Там же, с. 288 сл. Ср.: Толстов С. П. Черты общественного строя восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. — В кн.: История СССР. М.; Л., 1939, ч. 1—2, с. 186—187. О зороастрийском социальном дуализме на почве дуализма природы см.: Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — Arch. orient., Praha, 1956, t. 35, N 1, o. 34.

стве, отметим только, что географические рамки этой «Таблицы народов» охватывают ишь известные во время создания Библии племена и не выходят за пределы Малой и Передней Азии. Черное море еще не было известно библейским авторам,⁵⁴ а тем более пространство к северу от него. По-видимому, не случайно и упоминание рядом (в Азии) имен Гомер и Тирас.

Э. Диль⁵⁵ считает, что корень Туга — малоазийского происхождения (он, в частности, отмечает, что название боспорской Тиритакки связано с Малой Азией). Скорее всего, не совсем случайной является и путаница, допущенная Аммианом Марцеллином (XXII, 8, 40—41), называющим рядом с Ахилловым Бегом «город Тир, финикийскую колонию, орошаемую рекой Тирасом». Общеизвестно, что Тира была милетской колонией, получившей свое название от реки, однако фонетическое сходство названия Тире с именем финикийского средиземноморского города Тира не только объясняет, почему Марцеллином ошибочно упомянуты финикийцы в устье реки, впадающей в Черное море, но и свидетельствует в пользу правомерности привлечения библейских параллелей для объяснения этого названия.

Следовательно, можно думать, что упоминание Геродотом киммерийской могилы на Тирасе отнюдь не является доказательством действительного пребывания киммерийцев на Днестре.

Таким образом, проделанный выше анализ античных источников показывает, что ранние известия о скифах и киммерийцах не дают оснований судить о давности их обитания в северочерноморских степях. По всей вероятности, археологическая дата распространения скифской культуры в Северном Причерноморье отражает время их действительного там появления. Точно так же не имеет опоры в источниках взгляд на киммерийцев как на предшественников скифов в Северном Причерноморье, поскольку, как об этом свидетельствуют и античные авторы, и восточные тексты, те и другие фиксируются в VIII—VII вв. до н. э. в Малой и Передней Азии. Хронологический разрыв примерно в полвека, отмечаемый между на-

⁵⁴ См.: Редер Д. Г. Комментарии к восточным текстам. — ВДИ, 1947, № 1, с. 265.

⁵⁵ Diehl E. Zur Topographie des Bosporanischen Reiches. — In: VII Intern. Kongress für Archaeologie, Berlin, 1939, S. 347.

шествием киммерийцев и скифов, слишком незначителен, чтобы делать из этого далеко идущие выводы. Следует отметить, что имеются достаточные основания считать **КИММЕРИЙЦЕВ** племенем, родственным скифам.

Во-первых, столкнувшись с киммерийцами в Передней Азии, восточные народы плохо отличали их от немного позднее появившихся там скифов (саков) и часто путали их.⁵⁶

Во-вторых, и в греческих источниках не всегда различаются эти племенные наименования.⁵⁷

В-третьих, как это было отмечено Л. А. Ельницким,⁵⁸ довольно бедная греческая изобразительная традиция представляет киммерийцев как скифов. В качестве примеров Л. А. Ельницкий приводит изображение **Ἰνδρως Κιμμερίος** в виде скифского лучника на известной вазе Франсуа и изображения на клазоменских саркофагах, где варварские воины представлены как конные скифы, в соответствующих костюмах и со скифским вооружением, — изображение, навеянное, скорее всего, как справедливо

⁵⁶ См.: Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 17; 2) Скифия евразийских степей, с. 3, 26, 35, 240 сл.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 237 сл., 251; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977 с. 142 сл. По-видимому, не случайно ассирийский гимн в честь богини **Иштар** награждает киммерийского вождя Тугдамме (греч. Лигдамис) титулом «царь **Saka и Gutium**» (см.: Беляевский В. А. Война Вавилонии за независимость и гегемония скифов в Передней Азии. — В кн.: Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, с. 124, примеч. 91), а вавилонские переводы называют саков **gimir**, т. е. киммерийцами (см.: Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1988, с. 243, примеч. 35); **Пиотровский** Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 237; Дандамаев М. А. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. з. о саках. — ВДИ, 1977, № 1, с. 30 сл.

⁵⁷ Напр., Страбон (I, 3, 21) называет Мадия то скифским, то киммерийским вождем. Древние схолии к «Одиссее» Гомера (к XI, 14) называют киммерийцев **скифами-кочевниками**; ср. Евстафий (к «Одиссее», XI, 14): «В истории же они (киммерийцы, — **И. К.**) являются народом скифским, кочевым и северным». **Арриан**, как свидетельствует Евстафий (там же), тоже писал о том, что скифское племя киммерийцев дошло походом до **Вифинии** (ср.: Schol. ad Callim., Hymn., III, 253; Schol. ad Apoll., Argon. II, 168; Hesych. s. v. **Κιμμερίοι**).

⁵⁸ Ельницкий Л. А. Киммерийцы и киммерийская культура, с. 22. Ср.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 233 сл., 248 сл.

предполагает исследователь, воспоминанием о пребывании киммерийцев на ионийском побережье Малой Азии.

В-четвертых, немаловажно библейское свидетельство (Книга Бытия, X, 2, 3), называющее Ашкуза (т. е. скифов) сыном Гомера (т. е. киммерийцев).

В-пятых, ираноязычность обоих племен может считаться в настоящее время доказанной, и целый ряд исследователей указывает на сходство скифов и киммерийцев по образу жизни и языку.⁵⁹

Наконец, как это неоднократно отмечалось в литературе, до сих пор нет возможности археологически отделить культуру киммерийцев от культуры скифов.⁶⁰ Часть исследователей полагает, что при современном состоянии науки на основании данных археологии с киммерийцами нельзя с достоверностью связать ни одну из культур поздней бронзы.⁶¹ По-видимому, реальнее говорить о род-

⁵⁹ Н о м м е л P. Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients. München, 1904, S. 110; Прашек J. Geschichte der Meder und Perser. Gotha, 1906, Bd 1, S. 110, Anm. 1; Миннс Б. Н. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 115; Нарматта J. Le problème Cimmerian. — Archaeol. Ertesito, Ser. 3, 1946/48, N 7/9, p. 131; Гиршманн R. Iran. Harmondsworth, 1954, p. 96; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 54 сл.; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 169 folg.; Ельницкий Л. А. 1) Знания древних..., с. 98 сл.; 2) Скифия евразийских степей, с. 35 сл., 57 сл.; Ротратц J. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, S. 88; Абаов В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 125; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 213; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 142 сл. Надо отметить, что уже И. Куно (Cuno J. Die Skythen, S. 259 folg.), не придерживавшийся точки зрения об ираноязычии скифов, доказывал тождество киммерийцев и скифов. По его мнению, народ, называющий себя киммерийцами, У соседей мог называться скифами. О точке зрения И. М. Дьяконова см. выше.

⁶⁰ См.: Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 14 сл.; 2) Скифия евразийских степей, с. 3 сл., 26 сл.; Йессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, № 18, с. 59; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 228 сл., 238 сл.

⁶¹ Йессен А. А. 1) К вопросу о памятниках..., с. 110; 2) Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА, с. 130; Нарматта J. Le problème cimmerian, p. 84 suiv. (здесь же критический анализ существующих точек зрения); Sulimirsqi T. The Cimmerian problem. — Bul. Inst. Archaeol. Univ. London, 1959, N 2, p. 62; Kothe H. Die Herkunft der kimmerischen Reiter. — Klio, 1963, Bd 41, S. 7 et al. Ср.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 241, примеч. 2.

СТВЕННЫХ племенах эпохи ранних кочевников — слишком невелик хронологический разрыв между ними и слишком много у них точек соприкосновения.

Попытка А. И. Тереножкина отождествить киммерийцев с племенами срубной культуры и проследить их историю в Северном Причерноморье с XVI по VII вв. до н. э., как показывает внимательный анализ, не находит подтверждений в источниках. Практически это означает, что следует искать иное этническое определение предшественникам скифов в Северном Причерноморье.

Глава III

«АРИМАСПЕЙЯ»

АРИСТЕЯ ПРОКОННЕССКОГО

Разбор ранних известий о скифах и киммерийцах будет не полным, если не коснуться поэмы об аримаспах Аристея Проконнесского — поэмы о путешествии автора к исседонам, аримаспам, грифам и гипербореям. Она дошла до нас, правда, лишь в незначительных фрагментах. Эти фрагменты были собраны Г. Кинкелем,¹ а затем — в большем количестве — Дж. Болтоном, посвятившим Аристею фундаментальное исследование.² Несмотря на то что античные авторы, в том числе Геродот, передают мистические подробности об Аристее, все-таки можно согласиться с предположением Дж. Болтона, что Аристей был реальной личностью, совершившей реальное путешествие до исседонов.³ И уж во всяком случае сам факт существования «Аримаспейи» являлся несомненным в античности⁴ и остается таковым в наши дни.

Исследователи датируют поэму в основном VII в. до н. э.⁵ К этому же времени относит Аристея и Геродот,

¹ KinkeI G. *Epicorum Graecorum Fragmenta*. Leipzig, 1877, Bd 1, p. 243-247.

² Bolton J. D. P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxford, 1962. 258 p.

³ *Ibid.*, p. 104 follow.

⁴ Совершенно определенно об этом свидетельствуют Геродот (IV, 13 сл.) и Страбон (I, 2, 10: об одноглазых аримаспах «впервые сообщил Аристей Проконнесский в так называемой „Аримаспейей“»). О составлении этой поэмы упоминает и Татиан (Сар. XL). Павсаний (I, 24, 6) при описании Парфенона и грифов на шлеме Афины ссылается на Аристея как на автора, описавшего грифов — хранителей золота (см. также V, 7, 7). Другие источники: Плиний (HN, VII, 10), Псевдо-Лонгин (De sublim., X, 4), Цец (Chil., VII, 686 sq.), Свиды (v. Aristeas), Феопомп (Athen., XIII, p. 605 c).

⁵ Э. Бере (Belite E. Aristeas. — RE, 1896, t. II, col. 876 sq.), К. Мейли (Meuli K. Skythika. — Hermes, 1935, Bd 70, S. 154) и Э. Роде (Rohde E. Kleine Schriften. Tübingen, 1907, Bd 1, S. 136, Anm. 2) называли VI в. до н. э. Следует отметить, что эти авторы основываются на источниках, путающих Аристея

отделяющий его от своего времени 240 годами (IV, 15; см. выше, с. 31 сл.). Дж. Болтон считает, что поэма была написана между 670 г. до и. э. и концом VII в. до н. э.⁶ По-видимому, следует ориентироваться на верхнюю дату: как сообщает Аристей, вернувшись из своего путешествия, он застал свой родной Проконнес в развалинах после киммерийского нашествия. Киммерийцы появились в Малой Азии еще в конце VIII в. до н. э.⁷ Их набеги на Фригию, Пафлагонию, Мисию, Лидию, Эолиду и Ионию происходили, как свидетельствует Страбон (I, 2, 9; 3, 21; III, 2, 12), «во времена Гомера»; датируются они первой половиной VII в. до н. э. Несомненно, в это же время подвергся нападению и Проконнес. Если учесть, что поэма была написана почти сразу после возвращения Аристея (см.: Hdt., IV, 14), то ее скорее можно датировать первой половиной VII в. до н. э.

Дж. Болтон при подборке фрагментов из «Аримаспейи»⁸ руководствовался упоминаниями исседонов, ари-маспов, грифов и гипербореев, считая эти названия несомненными заимствованиями из Аристеевой поэмы. Такой принцип отбора, по-видимому, не совсем правомерен: имеется, например, недвусмысленное указание в схолиях к Эсхилу (ad Prom., 793), что Гесиод первым сообщил чудесные сказания о грифах. Нельзя сбрасывать со счета и свидетельство Геродота (IV, 32), что о гиперборейях есть упоминания у Гесиода и у Гомера в «Эпигонах».⁹ И. В. Пьянков, написавший на книгу Дж. Болтона об-

с мифическим гипербореем Абарисом. Ф. Г. Мищенко (Известия Геродота о внескифских землях России. — ЖМНП, 1896, дек., отд. V, с. 103), Д. Моравчик (Moravcsik Gy. Abaris, Priester von Apollon — Kögösi-Gsoma-Archivum, 1936, Bd 1, H. 2, p. 110 folg.), В. Томашек (Tomasek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden, 1. — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Königl. Akademie der Wissenschaften, Wien, 1888, Bd 116, S. 731) и Е. Д. Филлипс (Phillips E. D. The Legend of Aristeas. — Artibus Asiae, 1955, t 18, p. 163) относили поэму к VII в. до н. э.; Л. А. Ельницкий (Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 37) называл рубеж VII и VI вв. до н. э.

⁶ Bolton J. Aristeas of Proconnesus, p. 1 follow.

⁷ См.: Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956, с. 234 сл.

⁸ В его книге (с. 207 сл.) собрано 28 фрагментов — больше, чем у Кинкеля.

⁹ Об «Эпигонах» Гомера почти ничего неизвестно, да и сам Геродот сомневается в его авторстве («если действительно Гомер составил эту поэму»). Сохранилось несколько фрагментов Гесиода, где гиперборейи только упоминаются (fr. 60—62, 122, 127 Rzach).

стоятельную рецензию,¹⁰ справедливо отмечает, что нельзя каждое свидетельство античного автора об **исседонах** возводить к «Аримаспее», в частности упоминание Алкманом (VII в. до н. э.) исседонов вполне может быть и независимым от **Аристея**.¹¹

Здесь нет необходимости вдаваться в подробный анализ всей восходящей к «Аримаспее» традиции. Достаточно проследить основное содержание поэмы в том виде, как его восстанавливают по фрагментам и отрывкам,¹² и попытаться выяснить географические рамки описываемых событий.

Аристей рассказал в своей поэме, как он «по вдохновению Аполлона» совершил путешествие к **исседонам**¹³ и с их слов описал живущих выше них одноглазых **аримаспов**¹⁴ и стерегущих золото грифов, а также обитающих за ними гипербореев. Ссылаясь на Аристея, Геродот (IV, 13, 2) сообщает, что все эти народы, за исключением гипербореев, постоянно воюют с соседями, причем **аримаспы** вытеснили **исседонов**, **исседоны** — **скифов**, **скифы** же — **киммерийцев**, живших у южного моря (ἐπὶ τῇ νοτιῇ Θαλάσσει). **Гипербореев**, как правило, локализуют возле Северного (Ледовитого) океана, а южное море без колебаний отождествляют с Черным морем, причем именно с его

¹⁰ ВДИ, 1962, № 4, с. 172 сл.

¹¹ Исходя из различного написания имени **исседонов**. И. В. Пьянков (там же, с. 175) делает вывод, что у античных авторов можно засвидетельствовать по крайней мере три самостоятельных, оригинальных сообщения об **исседонах**, каждому из которых соответствует и своя форма написания: Ἰσσηδοί у Аристея; Ἰσσηδόνες у Алкмана; Ἰσσηρόνες у Геродота (возможно, известные уже Гекатею Милетскому — F. Gr. Hist., fr. 193). Однако следует отметить, что Геродот, пересказывая Аристея и прямо на него ссылаясь (IV, 13), употребляет все же форму Ἰσσηρόνες, а Плиний (IV, 88; VI, 20 и 50), употребляя такую же форму, как у Алкмана (Essedones), отмечает, что об **аримаспах** и грифах «писали многие, но особенно знаменитые Геродот и Аристей Проконнеский» (VII, 10). Мела (И, 9 и 13), описывая точно по Геродоту нравы **исседонов**, называет их Essedones. По-видимому, вопрос этот требует еще дальнейшей разработки и углубления.

¹² См. об этом: Volton J. Aristeas of Procormesus, p. 39 follow.

¹³ Строку из поэмы о гордящихся длинными волосами **исседонах** привел Цец (Chil., VII, 686 sq.).

¹⁴ Тот же **Цец** сохранил строки Аристея об **аримаспах**: «Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. Каждый (из них) имеет один глаз на прекрасном челе; У них косматые волосы, и они самые могучие из всех мужей».

северным берегом.¹⁵ Это утверждение стало аксиомой в науке, хотя единственной опорой в аргументации служит бесспорный сам по себе факт, что северное побережье Черного моря можно назвать южным по отношению к Северному океану. Размещая киммерийцев Аристея в Северном Причерноморье, ученые пытаются проследить путь автора поэмы об аримаспах по направлению торговых путей, идущих до северочерноморскому побережью, в частности от Ольвии на северо-восток к Уралу и далее за Урал. Ориентиром для восстановления этого торгового пути служат сообщения Геродота о савроматах, будинах, тиссагетах, иирках, отделившихся скифах, аргишпеях и исседонах (IV, 21 сл.).

При такой постановке вопроса возникает, однако, целый ряд явных несообразностей и неразрешимых противоречий.

Прежде всего, представляется сомнительным, что греки могли назвать северное побережье Черного моря южным, даже и по отношению к Северному океану. Общеизвестно, что господствующее с VII в. до н. э. представление греков об окружающем мире (и здесь в первую очередь следует назвать передовую для того времени ионийскую науку) помещало землю, имеющую форму щита или диска, в центре мирового океана, окружающего ее со всех сторон, причем в центре вселенной находилось море греков (т. е. Средиземное), в его центре — Греция, а в центре Греции — Дельфы, пуп земли и середина мироздания (Aesch., Choeph., v. 1036; Eurip., Ion., v. 462; Xen., De vectig., I, 3 sq.; Pind., Pyth., IV, 74 (183); Strab., IX, 3, 6).¹⁶ Иногда место Греции занимала Иония.¹⁷ Море греков не

¹⁵ Кроме названных сочинений К. Мейли, В. Томашека, Е. Д. Филлипса, Л. А. Ельницкого и Дж. Болтона, см. также: Herrmann A. Issedoi. — RE, 1914, t. IX, col. 2244 sq.; Hennig R. Herodotos Handelsweg zu den sibirischen Issedonen. — Klio, 1935, Bd III, S. 242 folg.; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, с. 93 сл.; Kindermann K. Die älteste Kunde Sibiriens im klassischen Altertum. Berlin, 1966, S. 336 folg.

¹⁶ См.: Вунбурге Н. А history of ancient Geography. N. Y., 1959, p. 145; Дитмар А. Б. Рубежи ойкумены. М., 1973, с. 12 сл.

¹⁷ Напр., Геродот, критикующий вообще представления ионийцев о земле и океане (II, 21; 23; IV, 8; 36), отмечает в другом месте (I, 142), что с Ионией не могут сравниться ни страны, лежащие выше или ниже ее, ни те, что лежат на восток от нее или на запад: одни из них страдают от холода и сырости, другие — от жары и засухи.

имело даже собственного названия, а парицательно обозначалось как «внутреннее море», «море эллинов», «паше море», «море, по которому плавают эллины» и т. д. Естественно, что при ориентации в пространстве по странам света греки исходили именно из представления о среднем положении своей страны и своего моря. Согласно ему, на западе, за Геркулесовыми Столпами, располагается Западный, Атлантический океан; на востоке, за Индией, — Восточный, на крайнем севере — Северный, Ледовитый океан, а юг ойкумены омывается южным океаном или морем, причем, как пишет Геродот (I, 202), Атлантический океан с морем эллинов и южным морем составляет одно целое.

Как свидетельствует Страбон (I, 1, 13), «в пределах небольших пространств не составляет значительной разницы, расположена ли данная местность севернее или южнее; но если пространство — это целый круг обитаемого мира, то север простирается до самых крайних пределов Скифии или Кельтики, а юг — вплоть до крайних пределов Эфиопии, и это составляет огромную разницу. То же самое остается верным в отношении людей, живущих в Индии или в Иберии: одна из этих стран, как мы знаем, находится на дальнем востоке, другая — на дальнем западе, и они, как нам известно, являются в некотором смысле антиподами друг другу» (ср. I, 1, 8).

Одним из направлений начавшейся в VIII в. до н. э. греческой колонизации было северо-восточное и северное, к берегам Геллеспонта, Пропонтиды, Боспора Фракийского¹⁸ и к южному берегу Понта; при этом продвижении греки, несомненно, отдавали себе отчет в том, что Пропонтида расположена севернее Геллеспонта, а Боспор Фракийский — севернее Пропонтиды. Геродот, к примеру, отмечает, что Аттика расположена много южнее о. Лемнос (находится в северной части Эгейского моря, на подступах к Геллеспонту). Точно так же Геродот называет северным южное побережье Черного моря (I, 6; IV, 38)¹⁸

¹⁸ I, 6: речь идет о р. Галис, которая протекает с юга между сирийцами и пафлагонцами и впадает на севере в Евксинский Понт; IV, 38: один из полуостровов Азии, с северной стороны начинается от Фасиса и тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до Троянского Сигея. В обоих случаях южный берег Понта выступает, вполне естественно, как северный для греков.

и само Черное море (IV, 37).¹⁹ Ср.: Strab., II, 5, 22: «Вдоль Херсонеса лежит пролив шириной в 7 стадий около Сеста и Абидоса; через него Эгейское море и Геллеспонт вытекают на севере в другое море, которое называется Пропонтидой. Она же в свою очередь течет в другое море, прозванное Эвксинским Понтом». Следовательно, даже южное побережье Понта представлялось грекам северным берегом — и тем более это следует сказать о северочерноморском побережье.

Что же в таком случае имеется в виду под южным морем Геродота в IV, 13 (а следовательно, под южным морем Аристия, которого Геродот в данном месте пересказывает)? Геродот упоминает о южном море еще шесть раз и, за одним исключением, прямо называет или определенно подразумевает Эритрейское море. Следует при этом подчеркнуть, что название «Эритрейское море» у Геродота не является дифференцированным и прилагается в равной мере к Красному морю (Аравийскому заливу древних авторов),²⁰ к Персидскому заливу²¹ и к Индийскому океану (иногда в сочетании с Красным морем),²² т. е. оно охватывает весь южный водный бассейн — океан и его заливы. И этот же бассейн у Геродота фигурирует под нарицательным обозначением южного моря, иногда с уточнением, что это то самое море, которое называется Эритрейским.

II, 11. Речь идет об Аравийском заливе, который сначала (II, 11, 1) обозначен просто как длинный и узкий залив между Аравией и Египтом, углубляющийся в материк от Эритрейского моря, а далее (II, 11, 3) этот же залив уже называется своим собственным именем и о нем говорится, что он тянется от южного моря к Сирии, т. е. южное море отождествляется с Эритрейским.

II, 158, 4. Геродот пишет о кратчайшем расстоянии от северного (Средиземного) моря до южного — «того самого, которое называется Эритрейским» (ἐς τὴν νοτίην καὶ Ἐρυθρὴν

¹⁹ IV, 37: Азию населяют персы вплоть до южного моря, называемого Эритрейским (т. е. в данном случае до Персидского залива). Выше персов к северу живут мидийцы, над ними — саспиры, над саспирами — колхи, простирающиеся до северного моря, в которое впадает р. Фасис (т. е. до Черного моря).

²⁰ II, 8, 158, 159; IV, 39, 41, 42.

²¹ I, 180, 189; III, 30, 93; IV, 37, 40; VI, 20; VII, 80,

²² I, 1, 202; II, I, 102; VII, 89,

την αὐτὴν ταύτην καλεομένην). В данном случае имеется в виду Красное море в собственном смысле слова.²³

III, 17, 1. Камбис решил идти походом против эфиопов, живущих в Ливии, у южного моря. Ясно, таким образом, что и здесь Геродот подразумевает под южным морем Эритрейское (Индийский океан).

IV, 37. «Азию населяют персы вплоть до южного моря, называемого Эритрейским» (ἐπὶ τὴν νοτιὴν θάλασσαν τὴν Ἐρυθρὴν καλεομένην). В этой же главе Геродот обозначает море, в которое впадает р. Фасис (т. е. Черное), как северное. Здесь Эритрейское море — это Персидский залив.

IV, 42, 3. Речь идет о плавании финикийцев вокруг Африки: «Итак, финикийцы, отправившись из Эритрейского моря, поплыли по южному морю» (ὁρμηθέντες ὡς οἱ Φοίνικες ἐκ τῆς Ἐρυθρῆς θαλάσσης ἔπλεον τὴν νοτιὴν θάλασσαν). Следовательно, снявшись с якоря в Красном море, финикийцы вышли в Индийский океан.

Однако в словоупотреблении Геродота имеется одно

θαλάσσης τῆς βορρῆίης ἐπὶ τὴν νοτιὴν

когда речь шла о своем водном бассейне» (т. е., по выражению Страбона, «в пределах небольших пространств»), юг и север могли обозначаться по прилеганию к определенной части острова.

Возможно, по-видимому, и другое объяснение, снимающее кажущуюся противоречивость подобного словоупотребления. Дж. Майрз, восстанавливая осевую линию (т. е. линию запад—восток) той ионийской карты, которой, по его мнению, пользовался Геродот, пришел к выводу, что одна из таких осей, относительно которой всегда существовала симметрия север—юг, проходила через Хиос (на западе — через Андрос, Халкидику, Фивы, Дельфы,

²³ То, что Аравийский залив (Красное море) является частью Эритрейского, южного моря, особенно ясно выражено в следующей главе той же книги Геродота (II, 159, 1): по приказанию Царя Нехо были сооружены триремы частью на северном (т. е. Средиземном) море, частью «в Аравийском заливе на Эритрейском море».

Кефаллонию; на востоке — через Смирну и Сарды).²⁴ Важно, что эта экваториальная ось проходит именно через «пуп земли» (*ὀμφαλὸς γῆς*), ее срединную точку — Дельфы. В этом случае море к северу от Хиоса как раз и может быть названо северным, а к югу — южным. Ось Хиос — Дельфы Дж. Майрз приписывает Фалесу—Анаксимандру и отмечает, что реальная ось центрального и западного Средиземноморья очень близко проходит от Дельф.²⁵

Допустим, что все-таки возникает сомнение: если Геродот мог назвать южным море к югу от островов по сравнению с тем же самым, правда, морем, расположенным к северу от них, то, казалось бы, тем более он мог назвать южным северное побережье Черного моря по сравнению с Северным океаном. Однако следует заметить, что для такого сомнения текст Геродота не дает оснований, так как Геродот вообще не верит в существование моря к северу от Европы, так же как и в то, что океан обтекает кругом всю землю (II, 21; 23; IV, 8; 36). «Невзирая на все мои усилия, я не могу найти ни одного очевидца, который бы засвидетельствовал, что по ту сторону Европы есть еще море» (III, 115); ср IV, 45: «Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водою на востоке и на севере». Это означает, что отпадает противопоставление: северное побережье черного моря (юг) — Северный океан (север). Эритрейское море у Геродота всегда противопоставляется именно как южное другим водным бассейнам, будь то Средиземное море (II, I, 3; 32, 4; 158, 1—4; 159, 1; IV, 42, 2—4; ср. I, 1, 1; IV, 41), Черное (IV, 37) или Каспийское (IV, 40). Следовательно, есть все основания считать, что и в IV, 13, 2 под южным морем также подразумевается Эритрейское море.

Следует отметить, что представление об Эритрейском море как южной границе Азии (IV, 39, 1), по-видимому, могло быть заимствовано Геродотом у Гекатея, сообщение которого в свою очередь восходит к Скилаку.²⁶

²⁴ Myles J. An Attempt to Reconstruct the Maps used by Herodotus. — Geogr. J., 1896, N VIII, dec, p. 615 follow. (см. также схему на с. 614).

²⁵ Две другие восстанавливаемые Дж. Майрзом (там же) экваториальные осп проходили соответственно через Афины и через Милет.

²⁶ См. об этом подробнее: Пьянков И. В. Массагеты Геродота. — ВДИ, 1975, № 2, с. 60 сл.

Такое понимание южного моря как Эритрейского подтверждается тем обстоятельством, что название «Понт Аксинский» (а обозначение «Понт Евксинский» укоренилось, видимо, лишь с V в. до н. э.²⁷) передает местное иранское название Черного моря. Такой вывод сделал впервые М. Фасмер, сопоставив греческое название *Ἰννῶν*; *Ἰννῶν* с авестийским *oxšōino* (*vulgata* — *axšaēna*) — «синий», «темный», «черный».²⁸ Другие исследователи существенно подкрепили вывод М. Фасмера, установив, в частности, что в Азии цвета служили также и для определения направления: Красное море, лежащее на юге, противопоставлялось Черному как северному.²⁹

А. И. Доватур в своей статье об обозначении морей у Геродота высказал мнение об условности и относительности таких определений, как «северное» и «южное» море.³⁰ В известной мере они действительно являются относительными, как и показывает анализ словоупотребления у Геродота (VI, 31, 2). Однако эта относительность, как представляется, связана не с географическим положением того или иного моря по отношению к описываемой Геродотом стране, а зависит все-таки от исходной точки зрения греков на окружающий их мир и связана с их представлением о срединности своего местопребывания, о Греции (Ионии) как центре ойкумены. Следовательно, в этой относительности есть и своя абсолютность: Западный океан — всегда Атлантический, Северный — Ледовитый, Восточный — океан за Индией, Южный, даже если

²⁷ Эврипид и Эсхил упоминают и Понт Аксинский; см.: Jacobson H. *Συμβολή*. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1927, Bd 54, S. 254—286.

²⁸ Vasmer M. *Osteuropäische Ortsnamen*. — Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, 1921, t. I, ps. 3, p. 1 sq. Слово *ποντος* употребляли для обозначения моря начиная с Гомера (слово *πέλαγος* впервые стали употреблять жители Аттики; ср.: Фукидид, IV, 26, 7). Во всей греческой прозе слово *Πόντος* является твердым обозначением Евксинского Понта (ср.: Евстафий, ad Dionys., 146—147; ad Odys., I, 4). Милетские колонисты, основав свои колонии, добавили к слову *Πόντος* определение, заимствованное ими из местного разговорного (т. е. скифского) языка.

²⁹ Saussures L. de. *L'origine des noms de Mer Rouge, Mer Blanche et Mer Noire*. — Globe, 1924, t. 63, p. 23—36; Lommel H. Рец. на кн.: Vasmer M. *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Russland*. Leipzig, 1923. — Arch. für slavische Philologie, Berlin, 1926, Bd XL, S. 153—155; см. также: Jacobson H. *Συμβολή*.

³⁰ Доватур А. И. Обозначение морей у Геродота. ~ ВДИ, 1982, № 3, с. 110 сл.

это обозначение нарицательное, — современный Индийский океан с заливами. Черное и Каспийское моря — всегда северные (как по отношению к южному морю, так и по отношению к морю эллинов); Страбон и Аральское море называет Северным (см. с. 117 сл.). Свое же море (Средиземное) может выступать относительно и северным, и южным. К тому же Геродот неоднократно подчеркивает, что южное море — это то самое, которое называется Эритрейским (см. выше).

Если обратиться к Страбону как главному авторитету в античной географии, то оказывается, что и он сам, и Эратосфен, Деимах и Мегасфен, мнения которых он излагает, обозначают Индийский океан только нарицательно как южное море (*ἡ νοτιή θάλαττα*),³¹ причем собственное название Индийского океана в тексте «Географии» вообще не встречается.³²

Таким образом, как показывают анализ словоупотребления и соображения общегеографические, южное море не может быть отождествлено с северной частью Черного моря, и в IV, 13, 2, так же как и в остальных случаях, под южным следует подразумевать Эритрейское море. Тогда и киммерийцев Аристея следует искать где-то на Иранском нагорье.

К такому же толкованию подводят и соображения контекста. В самом деле, Геродот, приведя в начале IV книги два предания об автохтонном происхождении скифов (гл. 5—7 и 8—10), затем передает версию, которой, как он пишет, он сам более всего доверяет и которая одинаково распространена у варваров и эллинов (гл. 11—12). По словам Геродота, скифы-кочевники, обитавшие первоначально в Азии, были вытеснены массагетами за р. Аракс и вследствие этого заняли землю киммерийцев, в свою очередь потеснив их в Малую Азию.

Сразу вслед за этим (гл. 13) Геродот пересказывает содержание поэмы Аристея о его путешествии к исседо-

³¹ II, 1, 4; 1, 5; II, 5, 18; 5, 32; XV, 1, 11; 1, 12; 1, 13. Ср.: *Amm. Marc.*, XXXI, 2, 16: «Владения алапов простираются, как я узнал, до самой реки Ганга, пересекающей Индийские земли и впадающей в южное море» (*mareque inundantem australe*).

³² В двух случаях Страбон упоминает об Индийском море (XI, 8, 1; XI, II, 7), имея в виду водный бассейн, находящийся к востоку от Индии и от крайней оконечности Тавра — горного хребта, пересекающего Азию вплоть до Индии, т. е. Восточный океан. Представления о нем еще долгое время были довольно неопределенными.

нам и, перечисляя живущие выше (ὕπερ) исседонов (т. е. к северу от них) племена, со слов Аристея сообщает, что аримаспы вытеснили исседонов, те — скифов, а скифы — киммерийцев, живших у южного моря. «Таким образом, — заключает Геродот, — и Аристей не согласен со скифами в отношении этой страны» (IV, 13, 2). Поскольку сам Геродот противопоставил как наиболее достоверное свое третье предание двум первым, то ясно, что и аристеевская версия приведена им в противовес «автохтонным» скифским легендам. Следовательно, Аристей и Геродот передают один и тот же вариант легенды о происхождении скифов, с той только разницей, что, по Геродоту, скифов вытеснили массагеты, а по Аристею — исседоны. Разница эта не столь существенна, так как оба этих племени являются соседями и имеют одинаковые обычаи (см.: *Hdt.*, I, 201; 215—216; IV, 26).

Из этих двух рассказов можно заключить, во-первых, что движение племен происходило с севера на юг, во-вторых, что речь идет о среднеазиатских племенах (исседонах, массагетах, скифах и киммерийцах), в-третьих, что скифы были вытеснены на юг, за Аракс, и там заняли земли киммерийцев. Анализ представлений Геродота об Араксе (см. гл. V) недвусмысленно показывает, что в IV, 11, 1 под Араксом имеется в виду Амударья. Об этом же говорит и упоминание исседонов и массагетов — племен несомненно среднеазиатских, которых в отличие от скифов никогда не связывали с Северным Причерноморьем и Доном.

Переправившись через Амударью и продвинувшись к югу (реально — к юго-западу) скифы как раз и могли оказаться у северных границ киммерийской территории, занимавшей, по всей видимости, какую-то часть Иранского нагорья к северу от Персидского залива (Эритрейского моря).³³

В связи с анализом контекста необходимо остановиться на следующем противоречии у Геродота: выводя скифов с востока, он все же уверяет своего читателя, что страна, которую заняли скифы и которая принадлежала раньше киммерийцам, — это территория Северного Причерно-

³³ Датские археологи как раз на этой территории раскопали целую серию скифских курганов VIII—VII вв. до н. э.; материалы этих раскопок, по устному сообщению Н. Я. Мерперта, находятся в датских музеях, однако, к сожалению, пока нет возможности выяснить, опубликованы ли эти памятники.

морья у р. Тираса (Днестра) и у Киммерийского Боспора (IV, 11—12). В главе II, посвященной ранним сведениям о киммерийцах, отмечалось, что, по сути дела, это единственное из дошедших до нас свидетельств, связывающих киммерийцев раннего времени с территорией Северного Причерноморья (остальные свидетельства о киммерийцах и скифах VIII—VII вв. до н. э., как и документальные восточные тексты, локализуют их в Передней и Малой Азии). Изучение этих геродотовских известий (см. подробнее с. 60 сл.) показывает, что одно из них имеет совершенно легендарный характер (о киммерийцах у Тираса) и не может быть подтверждено документально, а второе, касающееся киммерийской топонимики на Боспоре, выявляет, по всей видимости, желание Геродота как бы примирить противоречивость переданных им «автохтонных» преданий и «миграционной» версии Происхождения скифов. Греческий характер этой «киммерийской» топонимики и ее поздняя хронология показывают, что Геродот пытался разрешить непримиримые противоречия. Скорее всего, он был введен в заблуждение обилием «киммерийских» названий на Боспоре,³⁴ решив, что здесь-то и должна была находиться первоначальная территория киммерийцев.

Тем не менее попытка выделить рациональное зерно из его противоречивых сообщений делает убедительным выведение скифов из-за Аракса-Амударьи, тем более, что это совпадает с известиями не только Аристея, но и Диодора, также свидетельствующего о первоначальном обитании скифов за Араксом-Амударьей.³⁵ Современные исследователи в подавляющем большинстве принимают именно миграционную версию как наиболее достоверную и рассматривают скифов не как аборигенов Северного Причерноморья, а как пришельцев с востока.

Таким образом, и контекст подтверждает вывод о южном море как об Эритрейском. Следует подчеркнуть, что, поскольку речь идет о среднеазиатской, а не о северочерноморской Скифии, Черное море вообще выходит за рамки рассмотрения.

³⁴ Эти наименования (в основном IV в. до н. э. и более позднее) были даны по имени пролива, названного греками Киммерийским (т. е. как бы «северным») для отличия от Боспора Фракийского (см. с. 60).

³⁵ Подробнее см. гл. V, с. 121 сл.

В качестве еще одного довода, подтверждающего предложенное отождествление южного моря в IV, 13, 2, немаловажное значение имеет также следующее рассуждение, касающееся восстановления возможного маршрута Аристея к исседонам.

Прежде всего, необходимо поставить вопрос: где обитали исседопы, т. е. каковы конечные координаты маршрута Аристея?

По свидетельству Аристея (см. выше), исседоны потеснили скифов из среднеазиатского междуречья на юг, за Аракс (Амударью). Следовательно, можно думать, что исседоны Аристея обитали к северу от Танаиса (Сырдарьи). Перейдя эту реку (скорее всего, также под давлением каких-то племен, сдвинутых с насиженных мест), они пришли в столкновение со скифами (или непосредственно, или через посредство массагетов, которые под давлением исседонов заставили скифов уйти за Аракс). Вполне возможно, что владения племени (или союза племен) исседонов на востоке достигали Семиречья и предгорий Тянь-Шаня (т. е. именно тех мест, на которые позднее указывал Птолемей, — см. ниже).

Для локализации исседонов обычно привлекают также свидетельства Геродота и Птолемея.

У Геродота (IV, 11) место потеснивших скифов исседонов заняли массагеты. Границы расселения массагетов, по Геродоту, достаточно определены: за Араксом (Амударьей) и к востоку от Каспия (выше Узбоя). По свидетельству Геродота (I, 210), массагеты жили «напротив исседонов» (*ἀντίον δὲ Ἰσσηδόνων ἀνδρῶν*). Относительно этого *ἀντίον* было много споров в литературе: например, считать ли это «напротив» указанием на то, что исседоны располагались к северу от массагетов³⁶ или что их разделяли какие-то естественные препятствия — горы или река.³⁷ Большинство комментаторов Геродота отмечало также, что реальное значение этого термина — «на том же меридиане».³⁸ Всем этим требованиям отвечает затанаисское расположение исседонов: в этом случае они находятся и севернее массагетов, и на том же меридиане, и

³⁶ Мищенко Ф. Г. Указатель к переводу.

³⁷ Treidler H. Die Skythen und ihre Nachbarvölker AAnth., 1915, Bd 13, S. 286.

³⁸ Stein; Abicht; How, Wells. В качестве параллельных мест комментаторы ссылаются на Hdt., II, 34, 1 и 2.

к тому же отделены от своих соседей большой рекой (Сырдарьей).

Однако согласуется ли такое размещение исседонов с другим сообщением Геродота (IV, 25) о том, что исседоны живут к востоку от аргиппеев? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, локализовать геродотовских аргиппеев — плешивых обитателей подножий высоких гор, миролюбивого и священного племени (IV, 23). Геродот дает два ориентира для определения местожительства аргиппеев. С одной стороны, они замыкают ряд народов, начинающихся от угла Меотийского озера и от Танаиса, т. е. савроматов, будинов, тиссагетов, ирков и отложившихся скифов (IV, 21—22), хотя, как свидетельствует Геродот, черноземную равнину этих народов отделяет от области аргиппеев значительное пространство каменистой и неровной земли. Величина этого пространства совершенно неопределенна, так же как и направление пути к аргиппеев, поэтому данный ориентир весьма расплывчат. Другой определяющий признак — высокие горы, у подножия которых обитают аргиппеи. Вся послегеродотовская литература (Помпоний Мела, Плиний, Солин, Аммиан Марцеллин, Капелла) единодушно связывает это племя с Рипейскими (Рифейскими) горами.³⁹ Геродот не приводит названия гор, у подножия которых обитают аргиппеи, однако целый ряд характерных деталей свидетельствует о том, что речь идет и у Геродота о тех же самых горах. Как показывает подробный разбор авторских свидетельств о Рипейских горах (см. гл. X), их следует локализовать в Средней Азии и отождествить их можно скорее всего с Тянь-Шанем, а отнюдь (вопреки общепринятому мнению) не с Уральскими горами, так как последние не отвечают ни одной характеристике, данной античными авторами Рипейским горам. Тогда и аргиппеи Геродота могут быть локализованы в Притяньшанье, причем у западных или юго-западных отрогов этого хребта, — ведь только в этом случае исседоны Семиречья действительно будут располагаться к востоку (или северо-востоку) от аргиппеев и одно известие Геродота не будет опровергать другое.

Таким образом, сведения Геродота об исседонах отнюдь не противоречат свидетельству Аристея.

³⁹ Латинские авторы называют это племя аримфеями (арем-еями), по-видимому, вследствие контаминации с Рифейскими горами.

Много разногласий у исследователей вызвала кажущаяся невозможность примирить сведения Геродота об Исседонах со сведениями о них Птолемея (Geogr., IV, 13, 3; VI, 15, 4; VI, 16, 5 и 7), который назвал два одноименных города — Исседон Скифский и Исседон в Серике, дав тем самым повод искать исседонов далеко на востоке. Действительно, те исследователи, которые принимали в качестве достоверных лишь сведения Птолемея, отводили им области Восточного Туркестана, Киргизии и Тибета,⁴⁰ тогда как те, что опирались на геродотовские сообщения, размещали их в Зауралье (чаще всего по берегам р. Исеть, притока Тобола)⁴¹ и при этом вовсе отбрасывали сведения Птолемея либо как поздние, не соответствующие истине, искажающие суть дела, либо, наконец, как просто ложные.

Некоторые исследователи пытались примирить кажущееся противоречие переселением исседонов из Централь-

⁴⁰ Bonnell E. *Beitrag zur Alterthumskunde Russlands*. SPb., 1882, S. 119 folg.; Tomaschek W. *Kritik...*, S. 734 folg.; ср. его примечание к статье: Wernicke. *Arimaspoi.* — RE, 1896, t. II, col. 826—827; Мищенко Ф. Г. *Известия Геродота о внескифских землях России*, с. 117 сл.; Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 110; Treidler H. *Die Skythen...*, S. 286; Ebert M. *Südrussland im Altertum*, S. 189; Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*. — МИА, 1952, № 26, с. 210; Толстов С. П. *Древний Хорезм*. М., 1948, с. 321 сл.

⁴¹ Мищенко Ф. Г. *Указатель к переводу: Westberg F. Zur Topographie des Herodot.* — *Клио*, 1904, Bd 4, S. 186; Herrmann A. *Issedoi.* — RE, 1916, t. IX, col. 2244 sq.; Kretschmer K. *Scythae.* — RE, 1923, t. IIA, col. 926; Hennig R. *Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen*, S. 241 folg.; Хенниг Р. *Неизвестные земли...*, с. 95 сл.; Жебелев С. А. *Скифский рассказ Геродота*. — СП, с. 346; Томсон Дж. *История древней географии*. М., 1953, с. 100 сл.; Phillips E. D. *The Legend...*, p. 169 follow.; Christinger R. *Les arimaspes.* — *Asiatische Studien (Études asiatiques)*, 1961, t. XIV, p. 10; Bolton J. *Aristeas of Proconnesus*, p. 107 follow.; Kindermann K. *Die älteste Kunde Sibiriens...*, S. 337; Пьянков И. В. *Рец. ...*, с. 176. Как уже было отмечено, решающим аргументом для такого размещения послужило отождествление Рипейских гор с Уралом, что, как автор данной работы пытается показать (см. ниже, гл. X), не соответствует данным источников. Другим важным аргументом было восстановление торгового пути от Ольвип к Уралу через перечисленный Геродотом (IV, 21—24) ряд народов: савроматы, будины, тиссагеты, иирки, отложившиеся скифы, арripпеи. Этот чисто конструктивный аргумент является, скорее всего, совершенно несостоятельным, так как не подтверждается археологическими материалами (подробнее см. ниже).

ного или Северо-Западного Казахстана в Семиречье и Восточный Туркестан, происшедшим за тот большой промежуток времени, который разделял Геродота и Птолемея.⁴² Однако, как было отмечено рядом исследователей, эта гипотеза не подтверждается археологическими материалами.⁴³

Следует отметить, что упоминание Птолемеем города Исседона в Серике не свидетельствует о локализации исседонов на Тибете, — такое ошибочное толкование вызвано неправильным представлением о том, что Серика тождественна Китаю, тогда как она на самом деле охватывала районы Восточного Туркестана и Северо-Западного Китая, т. е. как раз районы Семиречья, оз. Иссык-Куль и северного Притяньшанья.

Кстати, одним из важных аргументов размещения геродотовских исседонов в Зауралье служит частичное совпадение их имени с названием р. Исеть. Никто, однако, до сих пор не отметил еще большее совпадение с названием озера Иссык-Куль, а это заставляет серьезнее отнестись к сведениям Птолемея и уж во всяком случае не сбрасывать их со счета.

Таким образом, анализ сведений об исседонах Аристея, Геродота и Птолемея показывает, что они вовсе не являются взаимоисключающими: затанаисская локализация этого племени с протяжением на восток вплоть до районов Семиречья и Притяньшанья равным образом отвечает известиям всех трех названных авторов.

В настоящее время многие исследователи склоняются к локализации исседонов в Восточном Казахстане. Так, С. П. Толстов отвел этому племени области между Аральским морем и оз. Балхаш;⁴⁴ С. И. Руденко — районы к югу от оз. Иссык-Куль⁴⁵ или же по правому берегу р. Или;⁴⁶ А. Н. Бернштам видит исседонов в усунях,

⁴² См.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков п усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 15 сл.

⁴³ См.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Жадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 407.

⁴⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948, с. 102 (карта). Ср.: Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., с. 308 (карта).

⁴⁵ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952, с. 19 (карта).

⁴⁶ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960, с. 175 (карта).

обитавших в Семиречье и на Тянь-Шане;⁴⁷ точку зрения А. Н. Бернштама разделяют К. А. Акишев и Г. А. Кушаев;⁴⁸ к югу от оз. Балхаш размещает исседонов И. И. Копылов;⁴⁹ близкой локализации придерживается Дж. Болтон, опирающийся на интерпретацию аристеевской традиции (он помещает исседонов в степях от Иртыша до Ишима и считает возможным, что их владения доходили до Сырдарьи).⁵⁰

Исседоны были названы Гекатеем скифским племенем (фр. 193). И хотя Геродот, по-видимому, не считает их скифами,⁵¹ в современной науке установилось мнение о скифском (сакском) происхождении исседонов на основании родства их культуры с культурой савроматов, массагетов и других сакских племен Средней Азии и Казахстана.⁵² Это особенно ясно выявляется материалами археологических раскопок.

На территории Семиречья с прилегающими районами Тянь-Шаня археологи выявили самобытную скифскую (сакскую) культуру VII—IV вв. до н. э., представленную как царскими, так и рядовыми могильниками в долине рек Или, Чу, Талас и па Центральном Тянь-Шане.⁵³

⁴⁷ Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, 1949, № И, с. 209 (карта). Против отождествления исседонов с усунями возражают И. Умняков (см.: Тохарская проблема. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 186) и Ю. А. Зуев (см.: К этнической истории усуней. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1960, т. 8, с. 5 сл.); ср.: Phillips E. D. A further note on Aristeas. — *Artibus Asiae*. 1957, t. 20, № 2/3, p. 159 sq.; Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., с. 407 сл.

⁴⁸ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней, с. 20.

⁴⁹ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1956, т. 1, с. 31.

⁵⁰ Bolton J. Aristeas of Proconnesus, p. 115. Правда, артист поев Болтон помещает на Алтае, и исседоны оказываются у него по восточнее, а западнее артистеев.

⁵¹ Об этом ясно говорит начало 32-й главы IV книги: «О гиперборейцах не рассказывают ни скифы, ни иные тамошние обитатели, кроме исседонов». К тому же для Геродота все, что за Танапсом, уже не имеет отношения к Скифии (IV, 21).

⁵² Толотов С. П. Древний Хорезм, с. 321 сл.; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 210; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 277 сл.; Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 237 сл.; Пьянков И. В. Рец. ..., с. 178.

⁵³ Бернштам А. Н. 1) Историко-археологические очерки; 2) Труды Семиреченской археологической экспедиция «Чуйская долина». — МИА, 1950, № 14. 158 с; Акишев К. А., Кушаев

Таким образом, территория, которую, судя по письменным свидетельствам, занимали исседоны, является областью ярко выраженной скифо-сакской культуры. Территория исседонов при этом входит в обширную область расселения родственных им по культуре соседних племен — савроматов (на западе) и массагетов (на юге и юго-западе).

Опираясь на выводы о местоположении исседонов, попытаемся проследить возможный маршрут Аристея. По свидетельству Геродота (IV, 16), Аристей достиг лишь пределов исседонов, а о племенах, живущих выше них (аримаспах, грифах, гиперборейях), рассказал со слов самих исседонов. Следовательно, путь Аристея имел направление с юга на север — обратное смещению пришедших в столкновение племен, т. е. пролегал через Среднюю Азию. Скорее всего, Аристей даже не переправлялся через Танаис (Сырдарью), а встретился с передовыми отрядами исседонов в междуречье, где и происходила их борьба со скифами. Напомним, что Аристей был жителем Проконнеса — города, расположенного на одноименном острове в Пропонтиде возле Малоазийского полуострова и отделенного от малоазийского побережья лишь узким проливом. Уже а priori логично предположить, что жителю Проконнеса незачем было забираться в неизведанное еще Северное Причерноморье (не забудем, что речь идет о первой половине VII в. до н. э.!), с тем чтобы, проделав вдвое или втрое более длинный путь и обогнув по непроходимым местам Каспийское море с севера, попасть в междуречье, тогда как он мог достичь своей цели гораздо более прямым и коротким путем: ведь Малую Азию и южный берег Понта издавна связывало с этими районами множество хорошо освоенных дорог. Даже значительно раньше того времени, когда греки колонизовали острова Эгейского моря, малоазийское побережье и берега

ев Г. А. Древняя культура саков и усуней; Зимма Б. М. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941. 40 с; Максимова А. Г. 1) Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). — ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1, с. 253—260; 2) Курганы сакского времени могильника Джувантобе. — КСИИМК, 1960, вып. 80, с. 60—64; Агеева Е. И. 1) Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области. — ИАН КазССР, СИАЭ, 1959, вып. 3, с. 80—85; 2) К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. — ТИИАЭ АН КазССР, 1961, т. 12, с. 21—40.

Геллеспонта, Пропонтиды и Боспора Фракийского, Западная Азия была перерезана связывавшими ее отдельные районы путями, совпадавшими с более поздними караванными дорогами.⁵⁴

Существовал также комбинированный путь — морской, вдоль уже освоенного южного побережья, через Синопу и Амис, сочетающийся с сухопутной дорогой в закаспийские страны и среднеазиатское междуречье (с обходом Каспия с юга). По Гекатею, путь в страну закаспийских народов шел из Мидии через Каспийские ворота.⁵⁵ Для восстановления этого пути, видимо, можно опереться на эратосфеновское и страбоновское описание дороги от Амиса до Бактр: от Амиса на восток до Трапезунта (морской путь составляет 2200 стадиев — Strab., XII, 3, 17), отсюда до Фасиса 1400 стадиев (Strab., *ibid.*), что занимает 2 или 3 дня плавания (Strab., XI, 2, 17); затем вверх по р. Фасису до крепости Сарапан, отсюда по сухопутной проезжей дороге в 4 дня достигают р. Кира (Strab., XI, 2, 17). Путь идет все время на восток, через Колхиду, затем через горный проход у Гирканского моря, а уж вслед за этим открывается дорога на Бактры (Strab., II, 1, 3; II, 1, 11). Расстояние от Амиса до Гиркапии составляет в общей сложности 10 тыс. стадиев (Strab., XI, 11, 7). От Каспийских ворот, как сообщает Эратосфен,⁵⁶ через область *парфян* идет одна дорога через Бактрию и горный проход на Ортоспаны до перекрестка трех дорог от города Бактры в области паропамисадов.

Возможно, что этот путь включал и плавание по Каспийскому морю. Определение Геродотом (I, 203, 1) ширины этого моря в восемь дней плавания на веслах, как считает И. В. Пьянков,⁵⁷ может относиться к плаванию от устья Аракса к Гиркании. В доказательство он

⁵⁴ Сохранились обломки *позднеассирийских*, написанных на глиняных табличках дорожников, составленных с указанием расстояний в днях между указанными в них местностями; см.: *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство, с. 84 (и литература вопроса). О еще более ранних постоянных связях Восточного Закавказья и северо-западного Ирана (конец II—начало I тыс. до н. э.) см.: *Погребова М. Н.* К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II—начале I тысячелетия до н. э. — В кн.: *История Иранского государства и культуры.* М., 1971, с. 190 сл.

⁵⁵ *Hecat.*, fr. 286 *Jacoby=Steph. Byz.*, s. v. *Μηδία*.

⁵⁶ См.: Strab., XV, 2, 8.

⁵⁷ *Пьянков И. В.* *Массагеты Геродота*, с. 61.

ссылается на тот упомянутый В. В. Бартольдом факт, что в средние века ширину Каспийского моря определяли длительностью плавания от Табаристана до Дербента (одна неделя плавания при благоприятном ветре).⁵⁸

Принято считать, что это описание дороги от Амиса до Бактр восходит через Гекатея к Скилаку,⁵⁹ и следовательно, можно думать, что путь этот был достаточно древним и хорошо освоенным (как это подтверждается и точно высчитанными расстояниями в стадиях).

Следует упомянуть также сухопутный путь вдоль персидской царской дороги до Суз⁶⁰ и затем далее, на северо-восток — до Бактрии и Скифии за Имавом — путь, по которому (в обратном направлении) как раз и проникли в Переднюю Азию в I тыс. до н. э. ираноязычные племена. Описание дороги от Суз до Бактрии и Индии с числом стоянок, дней и парасангов (по образцу геродотовского описания дороги от Эфеса до Суз — Hdt., V, 52—54) составил Ктесий (F. Gr. Hist., fr. 33 = Phot., Pers., 76).⁶¹ Это описание не сохранилось, но кое-что из него можно восстановить по Диодору (II, 2, 3; II, 6, 1, 3), использовавшему данные Ктесия при описании походов ассирийского царя Нина: здесь фигурирует путь от Суз в Бактрию через так называемую Каспиану, в которую ведет довольно узкий проход, называемый Каспийскими воротами, — перевал через южные хребты системы Эльбурса несколько восточнее Тегерана (граница гор и пустыни Деште-Кевир), а также дорога на равнины самой Бактрии через узкие проходы в горах.

Множество дорог, связывающих Малую Азию и южное побережье Понта со Средней Азией и закаспийскими странами, — несомненное свидетельство давних и тесных

⁵⁸ См.: Бартольд В. В. Соч. М., 1965, т. 3, с. 24, примеч. 11.

⁵⁹ См.: Gisinger F. Skylax. — RE, 1927, t. VA, col. 629; Jacoby F. Hekataios. — RE, 1912, t. VII, col. 2698; Herzfeld E. Zoroaster and his World. Princeton Univ. Press, 1947, p. 662 follow.; Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1960, p. 145, not. 41; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 69; Пьянков И. В. 1) Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ, 1972, № 2, с. 9 сл.; 2) Массагеты Геродота, с. 57 сл., 62 сл.; Грантовский Э. А. Из истории восточно-иранских племен на границах Индии. — КСИНА, 1963, вып. 61, с. 26.

⁶⁰ Эту дорогу отчасти использовали, например, греческие наемники Кира (по «Анабасису» Ксенофонта; см. карту в кн.: Томсон Дж. История древней географии, с. 128—129).

⁶¹ См. об этом: Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского, с. 10 сл.

связей между этими районами,² связей, которые существовали уже в то время, когда колонизация северного побережья Черного моря греками еще не начиналась. Персам эти районы были известны несравненно лучше, чем кому-либо другому, и к тому же им приходилось ограждать свои северные и восточные границы от постоянно вторгавшихся кочевых племен (именно этим, скорее всего, был вызван поход Кира на массагетов и Дария на саков, так же как, вероятно, и скифский поход Дария). От персов достоверные сведения о закаспийских странах получали и ионийские греки. Не случайно Гекатей (Скилак) и Геродот знают о том, что Каспийское море — замкнутый бассейн, тогда как более поздние писатели считали Каспийское море заливом внешнего океана, и это мнение долго продержалось в античности.

Все вышеизложенное позволяет думать, что Аристей, совершавший свое путешествие в закаспийские области в первой половине VII в. до н. э., воспользовался одним из этих проторенных маршрутов. Можно предполагать, что географические рамки «Аримаспейи» вообще не включали северного побережья Черного моря, освоение которого ионийцами началось лишь с рубежа VII и VI столетий (если иметь в виду район Березани—Ольвии, а в более восточных районах, в частности на берегах Боспора Киммерийского, — еще позднее).

В связи с этим необходимо остановиться на еще одной интерпретации аристеевских сведений. Исследователи, отождествлявшие южное море с Черным, прослеживали обычно маршрут Аристея к исседонам по направлению торговых путей, идущих из Северного Причерноморья, в частности от Ольвии, на северо-восток, к Уралу и далее за Урал. Однако при такой постановке вопроса возникает неразрешимое противоречие: в VII в. до н. э. о каких торговых путях от Ольвии по северному берегу Черного моря может идти речь, если и самой Ольвии еще не существовало,⁶³ а северное побережье вообще не было освоено греками?⁶⁴

⁶² См. также: М у к а ш е в а Р. Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 12 сл.; Д б я к о н о в М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961, с. 108 сл.

⁶³ Возникла во второй четверти VI в. до н. э.

⁶⁴ И к тому же, добавим, археологический материал не выявляет в это время «контрагента», с которым могла бы вестись торговля.

Р. Хенниг, отметив указанное противоречие, пытался выйти из затруднения, предположив, что исторический Аристей не мог быть автором «Аримаспейи», которую Р. Хенниг вслед за Э. Бете датировал VI в. до н. э.⁶⁵

Тем не менее и подобная датировка отнюдь не снимает противоречия. Б. Н. Граков предполагает, что торговый путь от Ольвии на северо-восток начал функционировать в конце VI в. до н. э. (накануне похода Дария на скифов),⁶⁶ однако, как отмечает К. Ф. Смирнов, довольно долгое время на этом пути прослеживаются лишь скифо-сарматские связи (т. е., скорее всего, речь должна идти еще не о торговом пути, а о межплеменном обмене); греческие же товары появляются лишь в самом конце IV в. до н. э. К. Ф. Смирнов указывает, что в погребениях Поволжья совсем нет греческой посуды (расписных сосудов или амфор), которая была бы древнее III в. до н. э.⁶⁷ Этот конкретный материал позволил К. Ф. Смирнову утверждать, что мнение об участии греков в скифской торговле (Р. Хенниг)⁶⁸ необоснованно. Как явствует из сообщения Геродота (IV, 24), эту торговлю действительно вели преимущественно сами скифы.

Таким образом, упомянутый торговый путь не может служить ни топографическим, ни временным ориентиром для восстановления маршрута Аристея. Обычно этот путь восстанавливают по Геродоту, который назвал перед исседонами еще несколько племен — савроматов, будинов, тиссагетов, иирков, отложившихся скифов, аргиппеев (IV, 21 сл.). Однако ни одно из перечисленных племен не фигурирует в традиции, восходящей к Аристею,⁶⁹ и следовательно, у нас нет ни малейших оснований по геродотовскому пути восстанавливать маршрут Аристея. По-видимому, для сообщений о будинах, тиссагетах и пр. у Геродота были другие источники.

Дж. Болтон, восстанавливая северо-восточный торговый путь по Геродоту, приходит к выводу, что маршрут

⁶⁵ Хенниг Р. Неведомые земли, с. 93 сл.

⁶⁶ Граков Б. Н. 1) Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? — Археологія, Київ, 1947, № 1, с. 23 сл.; 2) Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 15.

⁶⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 258 сл.

⁶⁸ Heiniig R. Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen, S. 246.

⁶⁹ Это отметил и Дж. Болтон (Bolton J. Aristeeas of Proconnesus, p. 103—178).

Аристея не совпадал с этим путем⁷⁰ (и в этом с ним согласен И. В. Пьянков),⁷¹ однако он все же ведет Аристея от Черного моря на восток, считая, что главным ориентиром для него должен был служить Борей (северный ветер), за который в Северном Причерноморье Аристей якобы принял сильный холодный восточный ветер. Это весьма произвольное построение справедливо критиковал И. В. Пьянков в своей рецензии на книгу Дж. Болтона. И хотя сам рецензент первоначально не подвергал сомнению факт пребывания Аристея на северном берегу Черного моря, все же впоследствии и он пришел к выводу, что «путь Аристея совсем необязательно вести от греческих колоний Северного Причерноморья».⁷² Точно так же И. В. Пьянков отметил, что путешествие Аристея вряд ли могло иметь торговые цели, так как далекие торговые предприятия на северо-восток явно еще не совершались в его время. С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться.

Итак, хронологические несоответствия и необоснованность восстановления маршрута Аристея по торговому пути от Ольвии к Уралу дают основания утверждать, что северочерноморское побережье следует исключить из географического контекста поэмы Аристея. Как общетеоретические, так и текстовые и хронологические соображения, разобранные выше, подводят к заключению, что южное море Геродота и Аристея (Hdt., IV, 13, 2) — это Эритрейское море. Уже упоминалось, что под южным морем Геродот имеет в виду как сам Индийский океан, так и его заливы. Надо добавить, что даже и у Страбона название Эритрейского моря еще не имеет четкой атрибуции: в трех случаях оно прилагается действительно к Красному морю (Аравийскому заливу) — VII, 3, 6; XVI, 4, 20; XVII, 1, 25, а в XVI, 3, 1 — к Индийскому океану.⁷³ Интересно, что Страбон (XVI, 4, 20), расска-

⁷⁰ Там же, с. 104 сл.

⁷¹ Пьянков И. В. Рец. ..., с. 177, примеч. 16.

⁷² Пьянков И. В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция. — В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 185. Автор прослеживает путь Аристея в Зауралье через Малую Азию, Кавказ и Волгу.

⁷³ «Северную сторону Счастливой Аравии образует упомянутая пустыня, восточную — Персидский залив, западную — Аравийский залив, южную — большое море (вне обоих этих заливов), которое все целиком называют Красным морем».

зывая о том, почему Аравийский залив получил название Эритрейского моря, приводит различные точки зрения, и в том числе мнение Агатархида,⁷⁴ который, судя по контексту, прилагал это название все же не к Аравийскому, а к Персидскому заливу.⁷⁵

Таким образом, скифо-киммерийское продвижение связывается географически с территорией Средней Азии и Иранским нагорьем. Как выше было отмечено, у современных исследователей есть все основания считать киммерийцев и скифов родственными ираноязычными племенами, а небольшой хронологический разрыв между появлением и тех и других на исторической арене дает возможность считать киммерийцев просто передовым отрядом скифо-сакского продвижения.⁷⁶ По территории Средней Азии еще во II тыс. до н. э. началось движение какой-то группы ираноязычных племен в Переднюю Азию, Месопотамию и смежные с нею области, а с начала I тыс. до н. э. происходило передвижение больших групп ираноязычных племен на юг и юго-запад, главным образом в западные области Иранского нагорья.⁷⁷

По-видимому, именно эти передвижения ираноязычных народов на юго-запад отразил в своей поэме об ари-маспах Аристей Проконнеский. Можно предполагать, что киммерийцы появились в Малой Азии не из Северного Причерноморья, а непосредственно с Иранского нагорья, а «Аримаспейя» отразила, хотя и в весьма схематичной форме, начало, направление и этапы киммерийско-скифского проникновения из Средней в Западную и Малую Азию.

Скорее всего, Иранское нагорье не было исконной территорией киммерийцев. Продвижение скифских и кимме-

⁷⁴ Историк и географ из Книда (II в. до н. э.), автор сочинений о географии и истории Азии (10 книг) и Европы (49 книг), об Эритрейском море (5 книг) и др. См.: Schwarz, Agatharchides 3). — RE, 1896, t. I, col. 739 sq.

⁷⁵ Со слов какого-то персидского осведомителя Агатархид рассказывает о некоем персе по имени Эритра, который пас лошадей в Персиде. Преследуемый бешеной львицей до самого моря (следовательно — Персидского), он переправился на плоту на какой-то остров (вместе с лошадьми), а затем, увидев, что остров очень удобен для поселения, отвел табун обратно в Персиду, а сам отправил поселенцев и на этот остров, и на другие острова, и на побережье, а море назвал своим именем.

⁷⁶ См. выше, в гл. II.

⁷⁷ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, с. 42 сл.

рийских племен по территории Иранского нагорья было отнюдь не первой волной переселения ираноязычного населения. По мнению Э. А. Грантовского,⁷⁸ процесс переселения получил широкое развитие еще в XI—X вв. до н. э., что находит подтверждение и в антропологическом материале.⁷⁹ Во всяком случае удельный вес ираноязычного населения в Западном Иране, как отмечает Э. А. Грантовский, в IX—VII вв. был уже значителен,⁸⁰ причем оно состояло не из отдельных групп вождей или воинов, а именно из переселявшихся племенных групп, включающих различные слои населения.⁸¹

По всей видимости, какое-то время скифы занимали территорию среднеазиатского междуречья, а киммерийцы — территорию к северу от Персидского залива, но перемещение других ираноязычных племен (исседонов, массагетов и др.) заставило скифов покинуть насиженные места и в свою очередь привести в движение киммерийцев. Ситуацию относительной стабильности, а затем начало перемен и отразили античные авторы (Аристей, Геродот, Диодор).

Если рассматривать киммерийцев как передовой отряд скифо-сакского продвижения в Западную и Малую Азию, то его следует датировать временем не позднее VIII в. до н. э. (в конце VIII в. до н. э. киммерийцы засвидетельствованы уже на границах Урарту⁸²). Киммерийцы, двигаясь вдоль моря (южного), могли пройти через Персидские ворота — горный проход в западной части Иранского нагорья (недалеко от Персеполя⁸³), между отрогами гор Загрос и берегом Персидского залива. Этот путь выводил киммерийцев к границам Элама, Вавилонии и Ассирии. Не случайно скиф-

⁷⁸ Грантовский Э. А. 1) Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 67 сл.; 2) О распространении иранских племен на территории Ирана. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 286 сл.; см. также: Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 101, 103.

⁷⁹ Грантовский Э. А. О распространении..., с. 318, примеч. 86.

⁸⁰ При этом Э. А. Грантовский оставляет открытым вопрос о путях проникновения ираноязычного элемента в Западный Иран (Грантовский Э. А. О распространении..., с. 314; ср. в его работе: Ранняя история..., с. 337 сл.).

⁸¹ Грантовский Э. А. О распространении..., с. 318.

⁸² Дьяконов И. М. История Мидии, с. 235.

⁸³ Развалины Персеполя находятся возле современного города Шираз.

ские наконечники стрел конца VIII—VII в. До й. э. обнаружены в качестве оружия осаждавших у стен таких городов, где, казалось бы, присутствие скифов или киммерийцев исторически не засвидетельствовано: в Вавилоне, Ашуре, Каркемише и др.⁸⁴ В этой же связи следует упомянуть о знаменитом Саккызском кладе (Зивие, южнее о. Урмии, на территории бывшей Манны).⁸⁵ Наконечники скифских стрел раннего времени были найдены в Закавказье, Сирии, Малой Азии, Палестине, Египте и на всей территории Передней Азии,⁸⁶ причем это наконечники именно таких типов, которые являются общими для всей территории скифо-сакской культуры (Казахстан, Средняя Азия, Памир, Тянь-Шань, Семиречье и т. д.).⁸⁷

Переправившиеся через среднеазиатский Аракс (Амударью) скифы при своем продвижении в Малую Азию могли воспользоваться Каспийскими воротами. Этот путь выводил скифов прямо в Мидию (ср.: Гекатей — F. Gr. Hist., fr. 286: Мидия — страна, лежащая у Каспийских ворот; ср. также: Strab., XI, 12, 1: с запада к Каспийским воротам прилегает Мидия).

Что такой путь возможен, свидетельствуют и походы монголов на Русь в XIII—XIV вв. Имеется в виду, прежде всего, поход полководцев Чингисхана Джебе и Субэдея в 1221—1223 гг., завершившийся битвой на р. Калке (1223 г.). Считалось аксиомой, что татаро-монгольские орды всегда вторгались на Русь из-за Волги. С. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен»⁸⁸ также и о походе Джебе и Субэдея писал, что полководцы прошли «обычные ворота кочевников между Каспийским морем и Уральскими горами». На самом же деле они переправились в юго-западном направлении через Амударью (от Бухары на Мерв), прошли с огнем и мечом почти весь северный Иран, через Каспийские ворота вышли в Закавказье, взяли ряд городов, разбили войско Грузии, через Ширванское ущелье прошли с юга

⁸⁴ Пиотровский Б. Б. 1) Археология Закавказья, с. 124 сл.; 2) Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 238 сл.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 229.

⁸⁵ Godard A. Le trésor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950. 136 p.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 247.

⁸⁶ Sulimírski T. Skythian Antiquities in Western Asia. — Archäologische Anzeiger, 1954, Bd 17, N 3—4, S. 282 folg.

⁸⁷ Маргулан А. Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 376 сл. (и литература вопроса).

⁸⁸ М., 1959, т. 1, с. 642.

на Северный Кавказ, а затем — в Крым, где захватили Судак.⁸⁹

По этому же маршруту проходил Тимур в 1385—1387 гг.: из Самарканда на юго-запад, через Амударью на Мерв, вдоль южной оконечности Каспия и в Закавказье.⁹⁰

Все приведенные соображения позволяют предположить, что именно такое направление имелось в виду в «Аримаспейе», и это подтверждается тем обстоятельством, что само название «Скифия» издавна прилагалось к восточным областям по соседству с Индией (Скифия за Имавом).⁹¹ Подробному рассмотрению этого вопроса посвящена следующая глава.

⁸⁹ См. подробнее об этом: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 50 сл.; Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие. — ВИ, 1962, № 5, с. 102 сл. Карту походов см. в кн.: История МНР. М., 1967, карта № 2.

⁹⁰ См.: История Узбекской ССР. Ташкент, 1967, т. 1, карта между с. 440 и 441.

⁹¹ Greider H. Die Skythen. . ., S. 304.

Глава IV

ВОСТОЧНЫЕ СКИФЫ

В этой главе собраны лишь те античные свидетельства, которые относятся к восточным скифам, живущим по соседству с Бактрией и Индией. Многие авторы, особенно более поздние, хорошо знают и пишут о европейских скифах, однако эти свидетельства намеренно здесь опущены, поскольку они однозначны и не требуют толкования, тогда как цель данного изложения — показать, что представление об азиатских скифах было исконным и привычным для античных писателей (хотя в нашей литературе это как-то вовсе опускается).

Выше была сделана попытка показать, что ни Гомер, ни Гесиод европейских скифов не знали, а Аристей писал о скифах среднеазиатских. Далее, из предшественников Геродота, упоминавших о Восточной Скифии, следует прежде всего назвать Гекатея Милетского. Ввиду важности и малой изученности этого источника необходимо, по-видимому, подробнее разобрать свидетельства Гекатея о скифах.

Сохранившиеся фрагменты Гекатея не позволяют с достаточной определенностью утверждать, что он был знаком с северным берегом Черного моря. Он называет Киммерийский Боспор (F. Gr. Hist., fr. 197 = Ammian. Marcell., XXII, 8, 9), но упоминания Гермонассы (fr. 2, 10) и святилища Афродиты в Фанагории (fr. 211, 212), скорее всего, не имеют никакого отношения к Киммерийскому Боспору, а связаны с одноименными поселениями на азиатском берегу Понта. В литературе уже отмечалось, что Гермонасса Гекатея — это поселение возле Трапезунта.¹ Гекатей называет на южном берегу Понта города

¹ Ruge. Hermonassa (2). — RE, 1913, t. VIII, col. 899; F. Gr. Hist., Comm., N 1, 358; Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства. — СП, с. 65 сл. Об этой Гермонассе упоминал Страбон (XII, 3, 17).

и племена мариандинов, лейкосиров, халибов, тибаренов, моссиников, колхов, макронов и др., вплоть до колхов и кораксов на Кавказе, показывая хорошее знакомство с малоазийским и кавказским побережьями (fr. 198 sq.). Причем все эти племена перечисляются во 2-й книге его «Землеописания», посвященной Азпи (*Ἑκαταῖος Ἀσία*). В этом же ряду находят свое место не только Гермонасса, но и Фанагория — поселение, расположенное недалеко от Амиса, на равнине рек Лика и Ириды, по соседству с Фемискирой и Фермодонтом, прочно связывавшимися античной традицией с амазонками и с культом Афродиты Апатуры (см.: Strab., II, 1, 15; XII, 3, 15; XII, 3, 30; XII, 3, 32; XII, 3, 37—38 — *Φανάροια*; ср.: Ptol., V, 6, 3—*Φαναγορία*)²

Если бы Гекатей упоминал о Гермонассе и Фанагории на Боспоре, он поместил бы их в Европе, так как границей между Европой и Азией является для него, по-видимому, р. Фасис³ (или, возможно, сам Кавказский перешеек, название которого он первый донес до нас). Во всяком случае он считает кавказские племена дондариев (fr. 191) и типаниссов (fr. 192) европейскими (*Ἑκαταῖος Εὐρώπη*) — в отличие от кавказских же колхов и кораксов (fr. 209, 210), которых он относит к Азии. Есть основание также предполагать, что Гекатей проводил границу по Киммерийским переправам и р. Танаису (Кубани или Сырдарье), т. е., так же как и в случае с Фасисом или Кавказским перешейком, в широтном направлении, с запада на восток.⁴ Однако и в этом случае боспорские Гермонасса и Фанагория все равно оказываются в Европе, а не в Азии. Перенос названий не должен нас удивлять: общеизвестно, например, что по крайней мере три реки носили одно и то же имя Гипанис — современная р. Гарра, приток Инда,⁵ р. Кубань⁶ и Южный

² См.: Неггманн А. *Φανάροια*. — RE, 1938, t. XIX, col. 1759; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 33.

³ Ср.: F. Gr. Hist., fr. 18.

⁴ Анализ представления Гекатея о делении ойкумены показывает, что отождествление его Танаиса с Доном несостоятельно (см. подробнее в гл. VIII).

⁵ Strab., XI, 11, 1; XV, 1, 27; 32; 33; 37; Diod., XVII, 93; см.: Kiessling M. Nupasis. — RE, 1914, t. IX, col. 230 sq.

⁶ См.: Kiessling M. Nupanis (1). — RE, 1914, t. IX, col. 210 sq. Определенно Кубань имеет в виду Аристотель (*Hist. anim.*, V, 19, 14), говоря: «На реке Гипанисе у Боспора Кимме-

Буг.⁷ То же самое можно сказать о Танаисе, Акесине и Араксе, о перенесенных в Северное Причерноморье названиях Херсонеса, Тавра и др., о перенесении имени Фермодонта из Малой Азии на Кавказ и т. п.

В Европе Гекатей называет следующие скифские города и народы: Каркинитис, меланхлены, эды, Исэп,⁸ Кардесс, матикеты и миргеты (fr. 184 sq.). При этом часть этих названий предположительно имеет дунайскую ориентацию, а часть — несомненно прикавказскую. Так, Μυργέται (fr. 190), вероятно, могут быть сопоставлены с Τυργέται Страбона (II, 5, 12 и 30; VII, 1, 1; 3, 1 и 12), соседями бастарнов и гетов (ср.: Ptolem., III, 10, 7; Plin., IV, 82),⁹ а Ματοκεται (fr. 189) — со скифским названием Дуная Ματόας (Steph. Byz., s. v. Δάνουβις).¹⁰ Относительно Καρθησός (fr. 188) ничего определенного сказать нельзя, так же как и об Ἴσηπος (fr. 187); несомненно, однако, что последнее наименование не имеет никакого отношения к исседонам и не может быть испорченной формой имени Ἴσσηδόνες (последнее фигурирует у Гекатея именно в такой форме — fr. 193).

Относительно Ἰδοί (fr. 186) высказаны двоякого рода предположения: К. Мюлленгоф сопоставлял их с закаспийскими эдонами (Edones) Плиния (IV, 50),¹¹ а Кисслинг¹² — с названием фракийского племени эдонов (Edones), занимавшего нижнее течение Стримона.¹³

Меланхленов же Гекатея (fr. 185), скорее всего, надо искать на Кавказе — там, где их помещают Скилак (Perrpl., 79),¹⁴ Перипл Анонима (42, 3), Помпоний Мела

рийского», а также Страбон (XI, 2, 9 и 10). У Плиния в IV, 84 спутаны Гипанис — Кубань и Гипанис — Буг, тогда как в IV, 83 он имеет в виду Буг.

⁷ Hdt., IV, 52; Strab., II, 4, 6; VIII, 3, 6 и 17; Plin., IV, 83. См.: Kiessling M. Hypanis (2). — RE, 1914, t. IX, col. 222 sq.

⁸ F. Gr. Hist., fr. 187: Ἴσηπος ἔθνος Σκυθικόν. Поскольку Ἴσηπος стоит в единственном числе, возможно, что в текст вкралась ошибка и имеется в виду πόλις, а не ἔθνος. См.: Herrmann A. Isepos. — RE, 1914, t. IX, col. 2058.

⁹ См.: F. Gr. Hist., Comm., N 1, S. 350.

¹⁰ См.: Herrmann A. Matyketai. — RE, 1930, t. XIV, col. 2329—2330; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 167.

¹¹ Müllenhoff K. Deutsche Alterthumskunde, Bd III, S. 31.

¹² См.: Kiessling M. Edoi. — RE, 1905, t. V, col. 1973.

¹³ См.: Oberhummer. Edones. — RE, 1905, t. V, col. 1974.

¹⁴ С. А. Жебелев (Скифский рассказ Геродота. — СП, с. 342, примеч. 3) считает, что в меланхленах Скилака следует усмат-

(I, 110; II, 14), Плиний (HN, VI, 15) и Аммиан Марцелин (XXXI, 5) — между Диоскуриадой и Фасисом, рядом с колхами.¹⁵

Эфор, так же как и Гекатей, считал меланхленов скифским племенем (Ps-Scymn., 848). Геродот же называет их «особым, не скифским племенем» (IV, 20, 2), хотя и приписывает им скифские обычаи (IV, 107). Некоторые исследователи отрицают тождество меланхленов Гекатея и Эфора с мелапхленами Геродота.¹⁶ Л. А. Ельницкий, однако, предположил, что речь идет об одном и том же племени и что его кавказская локализация принадлежала какому-то древнему ионийскому периплу.¹⁷ Название этого племени, по мнению Л. А. Ельницкого, вызывает совершенно определенные ассоциации с бурками кавказских народов.¹⁸ Ю. С. Гаглойти ищет меланхленов на территории современной Абхазии, отождествляя их с саударатами¹⁹ (такое тождество предполагал еще Ф. Браун²⁰). По мнению Ю. С. Гаглойти, название «меланхлены» — греческий перевод скифского имени «саудараты» (по-осетински «саудар» — «носящий черное платье», а «тай» — окончание множественного числа). Саудараты, как предполагает Ю. С. Гаглойти, возможно, были той частью скифов, которая обосновалась в районах Северной

ривать иное племя, чем у Гекатея, — на том основании, что Скилак помещает их в Азии, а Гекатей — в Европе. Однако меланхлены и Скилака, и Гекатея оказываются соседями колхов (колов), а последних Гекатей относит к Азии, так что большого значения несовпадению сведений Скилака и Гекатея о меланхленах придавать, по-видимому, не следует.

¹⁵ В научной литературе уже давно была высказана мысль, что в сочинениях латинских писателей, интересовавшихся населением северопрichernоморских степей (в первую очередь Мелы и Плиния), нашла отражение догеродотовская (гекатеевская) картина размещения скифских племен (см.: Harmatta J. Quellenstudien zu den Skythika des Herodot. Budapest, 1941, S. 38 folg.; Plezia M. Hekataios über die Völker am Nordrand des Skythischen Schwarzmeergebietes. — Eos, 1959—1960, t. L, fasc. 1, S. 27 folg.).

¹⁶ Herrmann A. Melanchlainoi. — RE, 1932, t. XV, col. 407; Жобелев С. А. Скифский рассказ Геродота. — СП, с. 342 и примеч. 3.

¹⁷ Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 71 сл.

¹⁸ Там же. с. 72.

¹⁹ Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 236 сл.

²⁰ Браун Ф. Разыскания в области гого-славянских отношений. СПб., 1899, с. 90.

Колхиды и памятники которой были обнаружены на территории Абхазии.²¹ Отождествлял меланхленов с саударатами также Б. Н. Граков.²²

Надо отметить, что комментаторы Геродота разбрасывали меланхленов на огромной территории от Литвы и Псковской губ. до Оки и верхней Волги, зачастую без серьезных на то оснований. Видимо, ближе к истине локализация геродотовских меланхленов в бассейне верхнего Донца,²³ предложенная Б. А. Шрамко, а наиболее приемлемой представляется точка зрения Г. Коте, размещающего это племя в излучине Донца.²⁴ По мнению Г. Коте, подобная локализация согласуется и с измерением Геродотом (IV, 101, 2) расстояния от моря до южной границы меланхленов в 20 дней пути: это расстояние (600—700 км) надо, как полагает Г. Коте, отсчитывать не от Меотиды, а от отрезка побережья между Днепром и Крымом в направлении на северо-восток; меланхлены тогда разместятся как раз в излучине Донца, между современными Краматорском и Шахтами.

Такая локализация, однако, не дает ответа на вопрос об отношении меланхленов Геродота и Гекатея: трудно сказать, были ли это разные племена или одно и то же племя могло с течением времени продвнуться с Кавказа в бассейн Донца, а позднее, быть может, еще северо-западнее, в район Чернигова и Воронежа, в названии которых многие исследователи, возможно не без оснований, усматривали связь с именем меланхленов.²⁵

²¹ См.: Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962, с. 81.

²² Граков Б. Н. Скифы. М., 1970, с. 130 сл. Однако Б. Н. Граков считал, что во времена Геродота они жили где-то «не очень далеко от северо-западного угла Черного моря (на левом берегу Борисфена)».

²³ Шрамко В. А. 1) Древности Северного Донца. Харьков, 1964, с. 233 сл.; 2) Некоторые итоги раскопок Вельского городища и гелано-будинская проблема. •— СА, 1975, № 1. с. 84.

²⁴ Kothé H. Der Skythenbegriff bei Herodot. — Klio, 1969, Bd 51, S. 26.

²⁵ Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855, S. 215; Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. Спб., 1851, вып. 1, с. 10; Лаппо-Данилевский А. Скифские древности. Спб., 1887, с. 4; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908, ч. 1, с. 230; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 63; Tregidlet H. Die Skythen und ihre Nachbarvolker. — AAnth., 1915, Bd 13, S. 283; Tallgren A. M. Sur l'origine des antiquités dites mordviennes. — ESA, 1937, XI, p. 124;

Несколько подробнее надо остановиться на Каркиннитиде Гекатея (*Καρκιννίτις πόλις Σκυθική* — fr. 184). Считается, что этот город тождествен Каркиннитиде Геродота (*Καρκιννίτις* — IV, 55; 99, 2). Местонахождение последней до сих пор спорно. Суть споров заключается в том, что одни исследователи принимают за Каркиннитиду Геродота греческую колонию Керкиннитиду (возле совр. Евпатории), другие же считают, что этот город следует искать на побережье Каркинитского залива, в устье р. Каланчак, в которой они видят геродотовский Гипакирис, тогда как сторонники первой точки зрения отождествляют Гипакирис с Донузлавом.²⁶ Проблема осложняется еще и разногласиями по поводу того, считать ли Каркиннитиду и Керкиннитиду разными городами или одним и тем же городом, причем те исследователи, которые придерживаются последней точки зрения, спорят о том, где помещать этот город — в Крыму или вне его.

Надо подчеркнуть, что Геродот, дважды упоминая Каркиннитиду, вовсе не дает повода искать этот город в Крыму. Напротив, доводы сторонников размещения Каркиннитиды в устье Каланчака, несомненно, и более убедительны, и ближе отвечают источнику.²⁷ К тому же Донузлав невозможно без больших натяжек отождествить с Гипакирисом Геродота (IV, 47, 2; 55, 56), да и Керки-

Grousset R. *L'empire des steppes*. Paris, 1939, p. 42; Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. — СА, 1955, № 24, с. 12 (карта).

²⁶ См.: Дашевская О. Д. О происхождении названия города Каркиннитиды. — ВДИ, 1970, № 2, с. 121 сл. (там же см. библиографию вопроса).

²⁷ Эту теорию предложил еще Пейссонель (Peyssonel M. M. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin*. Paris, 1765, p. 6). Подробные доказательства см.: Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 219 сл. Такое же мнение см.: Tomaschek W. *Borysthenes*. — RE, 1889, t. III col. 737; Stein, ad IV, 55; Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, map. 1; Kiessling M. *Nyrakyris*. — RE, 1914, t. IX, col. 196 sq.; Жёбелев С. А. Скифский рассказ Геродота. — СП, с. 313 и примеч. 1; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. — ВССА, с. 46. Ср. мнение Г. Думшина (О реках Скифии по Геродоту. — Тр. студентов Ришельевского Лицея. Одесса, 1852, с. 56 сл.), для которого Гипакирис Геродота — сочетание двух рек: верхнего течения Кальмиуса и устья Каланчака, где и находилась Каркиннитиды.

нитида (Евпатория) расположена достаточно далеко от его устья (в 30 км).

Что же касается упоминаний Керкинитиды у Арриана (Peripl. Pont. *Eux.*, 19) и в *Перипле* Анонима (57), то они, несомненно, относятся к городу близ Евпатории: об этом говорят, во-первых, приведенные в стадиях расстояния от Херсонеса до Керкинитиды и Прекрасной Гавани (совр. пос. Черноморское), во-вторых, анонимный автор *Перипла* недвусмысленно отличает город *Κορονίτις* (или *Κερκινίτις*) от Каркинитского залива за Прекрасной Гаванью.²⁸ Таким образом, Керкинитида не может быть привлечена для поиска геродотовской *Каркинитиды*.

Видимо, в этом могут помочь свидетельства Мелы, Плиния и Птолемея о городе *Каркине* (Carcine — Mela, II, 4; *Plin.*, HN, IV, 84-85; *Κάρκινα* — *Ptol.*, III, 5, 13), расположенном в устье реки, впадающей в Каркинитский залив. Эта река носит название Ипакара у Мелы, Пакириса у Плиния и Каркинита у Птолемея.²⁹ При этом названные авторы сообщают, что за рекой лежит перешеек до озера Бука (по-видимому, совр. Сиваш), отделяющий Таврику (Крымский п-ов) от материка. Собственно от этого перешейка и от Каркинитского залива и начинается Таврика (*Plin.*, IV, 85; *Ptol.*, III, 5, 2; III, 6, 1—2). Всем этим условиям достаточно удовлетворяет только р. Каланчак и город в ее устье. Показательно, что город Каркина у Птолемея расположен на 1° 05' севернее города Евпатории (III, 6, 2), что на карте точно соответствует действительному расположению устья Каланчака.

Однако текст Геродота дает основания думать, что существовала еще одна Каркинитида — к югу от Дуная (см. выше, с. 58). Возможно, что именно эта Каркинитида тождественна *Гекатеевской*, поскольку она находит свое место в той скифской топонимике, которая у Гекатея имеет придунайскую ориентацию.

²⁸ О *Каркинитском* заливе см. также: *Strab.*, VII, 3, 18 (о городе у *Страбона* нет упоминаний).

²⁹ Птолемей отличает р. *Каркинит* (III, 5, 2—4; III, 5, 13; III, 6, 2) от Каркинитского залива (III, 6, 1). Это выбивает почву из-под ног у тех исследователей, которые отождествляли р. Гипакарис с Каркинитским заливом (*Брун Ф.* Опыт соглашения противоположных мнений о *Геродотовой* Скифии и смежных о нею землях. Спб., 1869, с. 44 сл.; *Клейн Л. С.* Территория д способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным. — АСГЭ, 1961, вып. 2, с. 46. Ср.: *Граков Б. Н.* Скифы, с. 16.

Таким образом, сохранившиеся фрагменты не дают возможности судить о том, насколько хорошо Гекатей был знаком с северочерноморской территорией. Существующее в науке мнение, что геродотовское описание причерноморской Скифии во многом зависело от Гекатея,³⁰ основывается по существу на двух отмеченных фактах — совпадении названий Каркинитиды и меланхленов. Поскольку этническая атрибуция и локализация геродотовских меланхленов не совпадает с гекатеевской, а вопрос о Каркинитиде спорен, то зависимость IV книги Геродота от Гекатея, на наш взгляд, остается в области предположений.³¹

Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, скифскими в представлении Гекатея являются прежде всего Кавказ в широком смысле слова, Предкавказье (Киммерийский Боспор) и территория у Дуная.³² Определенно больше сведений можно извлечь из отрывков Гекатея об азиатских скифах. Любопытно, что скифское племя Ἰάραι (fr. 215; ср. Ἰαροί Александра Полигистора, гоже названные скифским племенем, — см.: Steph. Byz., s. v.) и племя Ἰζιβάται, соседнее с Синдикой (fr. 216), Гекатей помещает в Азии. Исследователи, устраняя противоречие, исправляли Ἄσία на Ἐβρώπη.³³ Однако так ли уж оправданно такое произвольное исправление? Если иметь в виду, что Гекатей проводил границу между Европой и Азией по Киммерийским переправам и р. Гипанису (Кубани),³⁴ то синды как раз и оказываются, в Азии.

В своем описании Азии Гекатей перечисляет целый ряд народов, обитавших на пространстве от Гирканского (Каспийского) моря до Индии, причем перечисление их, как можно восстановить по фрагментам (289 сл.), шло с запада на восток:³⁵ мики (у р. Аракса), катанны (у Каспийского моря), парфяне, хорасмии, гандары (индийский

³⁰ См., напр.: F. Gr. Hist., Comm. ad Hecat., p. 349 folg.; Жебелов С. А. Скифский рассказ Геродота. — СПб, с. 313 сл.

³¹ В отличие от II книги — египетского логоса, для которого есть прямые доказательства использования Гекатея как у самого Геродота, так и у более поздних авторов; см.: СПб, с. 312.

³² Ср.: Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 167.

³³ См.: F. Gr. Hist., Comm. ad Hecat., p. 358.

³⁴ См. выше.

³⁵ См.: Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ, 1972, № 2, с. 6 сл.

народ). Большая часть этих фрагментов сохранилась в передаче двух более поздних авторов — Афиней и Стефана Византийского. Полное совпадение текстов у этих двух не зависящих друг от друга авторов показывает, что передача ими текста Гекатея была весьма точной³⁶ — и это еще раз подтверждает неправомочность каких-либо исправлений во фрагментах.

И. В. Пьянков, подробно и в контексте остальных отрывков разбирающий сообщение Гекатея о хорасмиях,³⁷ привлекает также сообщения об этих племенах Каллисфена (Strab., XI, 14, 13), Арриана (Anab., III, 23, 1; VII, 10, 6) и Эратосфена (у Страбона — см. выше, с. 85 сл.), восходящие к Гекатею и существенно дополняющие периегесу закаспийских племен. Описание Гекатея при этом восстанавливается следующим образом: восточная дорога шла из Мидии через Каспийские ворота (fr. 286 Jacoby), за ними находилась земля гирканиев и Гирканское, или Каспийское, море, затем парфяне, хорасмии и город Хорасмия, далее — бактрийцы и уже затем гандары. В этом ряду, видимо, находят свое место и исседоны Гекатея: Ἰσσηδόνες, ἔθνος Σκυθικόν. Ἑκαταῖος Ἀσία (fr. 193) — скорее всего, речь идет о тех исседонах, которые оказались в междуречье Амударьи и Сырдарьи. Мы находим у Гекатея и упоминание о Персидском заливе — ἐν τῷ Περσικῷ ΤΣΟΥΣ (fr. 281). Некоторые исследователи предполагают, что Гекатей упоминал и о Рипейских горах.³⁸

Особенно важно для нашей темы, что Гекатей называет Каспаппр (город в Гандаре) в качестве скифского берега (мыса, полуострова?): Κασπάπυρος, τῶν τῶν Γανδαρικῆ, Σκυθῶν ἀκτῆ (Steph. Byz., s. v. Κασπάπυρος; F. Gr. Hist., fr. 295). Упоминание Каспашира как «берега скифов» вызывало недоумение исследователей, так как в этом случае скифов приходилось размещать к северо-западу от Индии.³⁹ Поэтому слово ἀκτῆ исправляли на ἀντίη — «напротив скифов», «сторона, противоположная скифам», или даже: «ворота в страну скифов».⁴⁰ Это исправление при-

³⁶ Там же, с. 5.

³⁷ Там же, с. 6 сл.

³⁸ См., напр.: K i v s s l i n g M. Ῥίπατα ὄρη. — RE, 1920, t. IA, col. 878 sq.

³⁹ См., напр.: Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, с. 140.

⁴⁰ Heermann A. Kasparuros. — RE, 1919, t. XA, col. 2270; Olmstead A. History of Persian Empire. Chicago, 1959, p. 212; Хенниг Р. Неведомые земли, с. 137 сл.

нял и Ф. Якоби в своем издании фрагментов Гекатея. Однако надо согласиться с Э. А. Грантовским,⁴¹ что для подобного исправления нет никаких оснований: Каспапир известен также Геродоту (в форме *Κασπάτιρος* — III, 102, 1; IV, 44, 2), сообщаемому, что часть индийцев живет на границе с Каспатиром и Пактикой и что из этого города отправилась экспедиция Скилака. По мнению И. Маркварта и ряда других исследователей,⁴² Каспапир, скорее всего, находился на нижнем Кабуле.

Таким образом, уже Гекатей упоминал о восточных скифах, соседях индийцев: причем сведения его, как считает большинство исследователей, восходят к Скилаку.⁴³ В свою очередь сообщение Лукана о скифах — соседях Бактрии и Гиркании (*De bello civ.*, III, 266 sq.),⁴⁴ по мнению И. В. Пьянкова, восходит к Гекатею.⁴⁵ О восточных, среднеазиатских скифах упоминал и Гелланик (V в. до н. э.), отрывок из которого сохранил Стефан Византийский (s. v, Ἀμύργιον): «Лмиргий — равнина саков [как говорит] Гелланик [в сочинении] „О Скифии“; название народа — Амиргий, как говорит тот же писатель».

Здесь же относится отрывок Херила Самосского (конец V в. до н. э.), сохранившийся у Страбона (VII, 3, 9): «пастухи овец саки, по происхождению скифы; населяли они богатую пшеницей Азию; они были, конечно, выходцами из номадов, справедливых людей».

Неоднократно упоминал о восточных скифах, живущих по соседству с Бактрией и Индией, Страбон (I, 2, 1; II, 1, 3; II, 1, 17; II, 5, 7; II, 5, 14; II, 5, 31; X, 6, 2; XI, 1,

⁴¹ Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии. — КСИНА, 1963, № 61, с. 25 сл.; ср.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 164 сл.

⁴² См.: Грантовский Э. А. Из истории..., с. 25; Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 165. Ср.: Ельницкий Л. А. Знания древних..., с. 39 сл.

⁴³ См. примеч. 59 на с. 86.

⁴⁴ Ср.: Lucan., II, 552 sq. («... если бы Кресе возвратился невредимым после парфянских битв и победителем от скифских берегов») и Schol. ad loc.: «от скифских берегов, потому что парфяне ведут свое происхождение из Скифии». Ср. также: Lucan., VIII, 215 sq. («Не потяготись ... проникнуть в жилище мидян и в скифские захолустья») и Schol. ad loc.: «Скифия находится между Востоком и Севером. Словом „захолустья“ поэт отмечает более отдаленные части».

⁴⁵ Пьянков И. В. Массagetы Геродота. — ВДИ, 1975, № 2, с. 63.

3; XI, 1, 7; XI, 2, 1; XI, 6, 2; XI, 7, 4; XI, 8, 1-2; XI, 8, 8; XI, 9, 2; XVII, 1, 46; XVII, 3, 24).

Диодор Сицилийский (II, 35, 1) приводит сообщение Мегасфена о скифах, называемых саками, которые отделены горами от северной Индии.⁴⁶ У самого Диодора скифы находятся в северных частях Азии, рядом с индийцами (II, 43 сл.).

Арриан (*Anab.*, VII, 16, 3) при описании рек, впадающих в Каспийское море, выводит Яксарт (Сырдарью) из Скифии. Таким же образом размещена Скифия Птолемея (VIII, 18, 2): его 2-я карта Азии ограничивается с востока Скифией и частью Каспийского моря.

О пограничной с Индией Скифии упоминают также Филосторгий (Do *Apol.* Tian., II, 2; ср. III, 20) и «Землеписание» Анонима (VI, 19).

Если же обратиться к латинским писателям, то и у них картина примерно та же. Рядом с индийцами упоминает скифов Гораций (*Carm.*, IV, 14; *Carm.* Saec). Несомненно восточных скифов имеет в виду Помпей Трог (Юстин),⁴⁷ когда говорит о том, что они основали Парфянское и Бактрийское царства, перерезали войско Кира, а оружие римлян узнали только по слухам, но не почувствовали (II, 1, 1 сл.; II, 3, 1 сл.; ср. XXXVIII, 3, 5 сл.).

В Азии Мела (I, 11) назвал первыми (из живущих с востока племен) индов, серов и скифов. При описании Каспийского моря, которое Мела считает заливом Внешнего Океана (II, 38), он разделяет его на три залива: прямо против устья — Гирканский, влево — Скифский (т. е. тот, что обращен к Азии), вправо — собственно Каспийский. В Скифский залив впадают реки Яксарт и Окс, протекающие по пустыням Скифии (II, 42), а в самом Каспийском море есть несколько пустынных островов, не имеющих собственных имен и называемых вообще Скифскими (II, 56).⁴⁸

Достаточно определенно и свидетельство Плиния (VI, 49—50) о том, что за рекой Яксарт, которую скифы

⁴⁶ См.: Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 164.

⁴⁷ Наряду с европейскими, которые победоносно воевали с Зопирионом и отразили Дария (II, 3, 1 сл.; XII, 2, 16; XXXVII, 3, 1 сл.).

⁴⁸ У Мелы названа и другая Скифия (I, 18) — в Европе, примерно посередине берега Понта, рядом с Фракией, «не та, которая у Танаиса» (у Танаиса же Мела расселяет савроматов — I, 14). Однако владения германцев простираются до савроматов (I, 19).

называют Силисом, живут скифские пароды. Персы дали им общее название сагов (Sagas) от ближайшего народа, а древние — арамейцев (Agamios). Сами скифы, как пишет Плиний, персов называют хорсарамы (Chorsaros), а Кавказские горы — Кроукасимом (Croucasim), т. е. белым от снега. Два этих слова находят бесспорные иранские параллели: ⁴⁹ первое из них сопоставляется с иранским, даже персидским *Xor-sar — «петушиная голова», «красная голова», ⁵⁰ а второе — с иранским *Xrohu-kas — «блестящий лед».⁵¹

Дважды Плиний говорит о скифах как о соседях бактрийцев.⁵² К этому можно добавить, что Ганг у Плиния стекает со Скифских гор (VI, 65).⁵³

Сообщение Плиния о р. Сплисе как границе персидских и скифских племен, которых персы называют сакками,⁵⁴ повторяет Солин (49, 5—6),⁵⁵ добавляя, что среди этих народов наиболее известны массагеты, еседоны, сатархи и апалеи (49, 7; ср. 19, 3). В другом месте Солин (19, 2) называет Скифией страну у р. Пропаниса (Propanniso) — здесь имеется в виду, скорее всего, не река, а горный хребет Паропанис — Гиндукуш. Таким образом, и здесь Скифия соседствует с Индией.

Скифов в числе варварских народов Востока — индийцев, парфян, бактрийцев и др. — называют Юлий Валерий (Epitom., I, 2), Аврелий Виктор (De vit. illustr., LXXIX, 4, 5; De Caes., I, 6; Epitom., I, 9), Евтропий (VI, 10), Павел Оросий (Adv. Pagan., VI, 12, 19). Последнему принадлежит подробное описание горного хребта, тянувшегося

⁴⁹ См.: Трубачев О. Н. Tamarundam «matrem maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — В кн.: Античная балканистика. 2. Предварительные материалы. М., 1975, с. 42 сл.

⁵⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, т. 1, с. 181.

⁵¹ Eilers W., Mayrhofer M. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung. Eine Nachprüfung. — Die Sprache, 1960, № 6, S. 116 folg.

⁵² Plin., HN, XXXI, 74: «В Бактрии два больших озера, одно на скифской стороне, другое — на арийской, образуют соляные осадки»; XXXVII, 65: «Видов смарагдов 12: благороднейшие — скифские... Ближайшие как по достоинству, так и по месту происхождения бактрийские».

⁵³ Ср.: Vitruv., II, 43: Инд и Ганг стекают с Кавказских гор.

⁵⁴ У Плиния — sagas, у Солина — sacas.

⁵⁵ Ср.: Capella, VI, 692—693.

через всю Азию до крайнего востока и имеющего различные названия, по составляющего по существу единое целое (Adv. Pagan., I, 2, 36 sq.); к северу от этого хребта между Каспийским морем и горой Имавом (т. е. крайней восточной оконечностью Тавра) живет, как пишет Оросий (I, 2, 47), 42 кочевых гирканских и скифских племен.

Наконец, немаловажное значение имеют многочисленные свидетельства античных авторов о том, что скифы — родоначальники парфян⁵⁶ и что парфяне — выходцы из Скифии: Юстин — Помпей Трог (II, J, 3; II, 3, С, особенно XLI, 1, 1),⁵⁷ Курций Руф (Hist. Alex. Magn., IV, 12, 11; VI, 2, 14), Лукан (De bello civ., VIII, 300 sq. и Schol. ad V, 553), Арриан (см. Phot. Bibl. cod., 58), Тертуллиан (De anima, С. 3Р). Суть вопроса донес до нас Стефан Византийский (s. v. παρθυαῖοι): «Партиэи — племя издревле скифское, впоследствии бежавшее или переселившееся к мидийцам⁵⁸ и получившее у них такое название от свойств принявшей их земли, болотистой и богатой ущельями; или вследствие их бегства, так как скифы называют беглецов γαρσοῦ.⁵⁹ Племя называется и Πάρθοι, и Πάρθιοι, и Παρθυαῖοι». Некоторые авторы пишут о том, что у парфян и скифов одинаковые обычаи и одинаковое вооружение (Amm. Marc., XXII, 37; Schol. ad Nicandr., Alex., 207).

Необходимо отметить также, что скифская легенда о грифах имеет локальные особенности, связывающие ее с областями, находящимися у границ Бактрии и Индии.⁶⁰

Таким образом, представление о восточных, среднеазиатских скифах издавна было в античной традиции достаточно определенным. Персы называли этих скифов саками (Hdt., VII, 64, 2), и под этим именем они фигу-

⁵⁶ А иногда не только парфян, но и бактрийцев (Трог., II, 3, 6).

⁵⁷ «Парфяне (Parthi)... были скифскими изгнанниками. Это очевидно даже из самого их названия: по-скифски изгнанники называются „parthi"... Они, будучи изгнаны из Скифии домашними усобицами, тайком заняли степи между Гирканией, дахами, апартанами и маршалами».

⁵⁸ Ср.: Трог. XLI, 2, 3: «Язык у них — средний между скифским и мидийским, помесь того и другого».

⁵⁹ Ср.: Eustath. ad Dion. Perieg., 1039.

⁶⁰ См.: Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал. — СА, 1970, № 2, с. 73 сл.; ср. в его же кн.: Знания древних..., с. 40 сл.

рируют в древнеперсидских надписях;⁶¹ при этом они достаточно определенно локализуются на границах северо-западной Индии,⁶² т. е. там же, где и восточные скифы античных авторов. Геродот (*ibid.*) называет их амиргийскими скифами, что, по установившемуся в науке мнению, тождественно сакам Бехистунской и Персепольской (е) надписей (т. е. самых ранних списков подвластных персам народов), сакам-хаумаварга более поздних надписей и, возможно, также сакам за Согдом.⁶³ Исследователи неоднократно подчеркивали идентичность терминов «скифы» и «саки»,⁶⁴ однако на практике их применяют, как правило, для обозначения различных понятий, и северочерноморские скифы оказываются каким-то отличным от собственно среднеазиатских кочевников — саков — племенным образованием, хотя, скорее, это были одни и те же племена, только по-разному называемые персами и греками. Идентичность имен доказывают не только Херил Самосский (*Strab.*, VII, 3, 9), Геродот (VII, 64, 2), Страбон (XI, 8, 2), но и Диодор (II, 35, 1), Пли-

⁶¹ См.: Пьянков И. В. Саки (содержание понятия), — Изв. АН ТаджССР, Отд-ние общественных наук, 1963, № 3 (53), с. 16 сл. (там же точные ссылки на надписи); Литвинский Б. А. 1) Саки, которые за Согдом. — Тр. АН ТаджССР, 1960, т. 120, с. 91 сл.; 2) Древние кочевники..., с. 158 сл. (с подробной библиографией).

⁶² Грантовский Э. А. Из истории..., с. 23 сл. Э. А. Грантовский отмечает, что в Восточном Памире кочевые сакские племена засвидетельствованы археологически уже для VII—VI вв. Ср.: Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960 (с библиографией вопроса); Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1905, H. 2, S. 139 folg., 242.

⁶³ См., напр.: Junge J. Saka-Studien. — *Klio*, 1939, Bd XXI, Beiheft, S. 60 folg.; Herrmann A. Sakai. — *RE*, 1920, t. IA, col. 1783; Marquart J. Untersuchungen..., S. 139 folg.; Дандамаов М. А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда. — КСИНА, 1963, вып. 65, с. 180 сл.; Грантовский Э. Л. Из истории..., с. 24 сл.; История таджикского народа. М., 1963, т. 1, с. 203 и примеч. 57; Пьянков И. В. Саки. с. 16; Литвинский Б. А. Древние кочевники..., о. 163 сл.

⁶⁴ Пьянков И. В. Саки, с. 12 сл.; История таджикского народа, с. 159; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 403 сл.; Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 156 сл.; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 5.

ний (VI, 50), Солин (49, 6),⁶⁵ Стефан Византийский, Гезихий и Фотий (s. v. Σάκαι).

В состав скифо-сакских племен входили, очевидно, исседоны и массагеты — об этом есть прямые свидетельства Страбона (XI, 8, 2), Диодора Сицилийского (II, 43, 5) и Солина (49, 7); на это указывают такие, например, совпадения: имя массагетской царицы Томирис (Hdt., I, 205) перекликается с именем одного из сакских царей — Тамирис (Polyaen., Strat., VII, 12); имя ее сына Спаргаписа (Hdt., I, 211, 3; 213) перекликается с именем скифского царя Спаргаписа (Hdt., IV, 76, 6); имя брата одного из скифских царей — Марсагет (Ctes. ap. Phot., cod. LXXII, p. 106, § 16) напоминает о племенном названии массагетов; показательны также разногласия в сообщениях античных авторов о племенах, на которые пошел походом Кир: Геродот (I, 201 сл.) называет их массагетами, Страбон (XI, 8, 5), передающий аналогичные подробности о походе — саками (а в других местах — массагетами: XI, 8, 6; ср. XI, 6, 2); другие авторы (Юстин — Помпей Трог, Фронтин, Полиен, Оросий и др.), описывая поход в общем в тех же чертах, называют врагов Кира скифами (во главе с царицей Тамирис; ср.: Amm. Marcel., XXIII, 6, 7: Кира погубила скифская царица Тамирис).⁶⁶

Современные исследователи не без оснований отмечают родство культуры всех этих племен.⁶⁷ Известны попытки и этимологического сопоставления терминов Σαῖθαί и Σάκαι (Вс. Миллер, И. Потратц).⁶⁸ Определенный интерес представляет и попытка Г. Коте выявить самоназвание скифов-саков.⁶⁹ Поскольку это имеет прямое отношение и к среднеазиатской локализации скифов, не лишним будет привести подробнее его рассуждения. Г. Коте отвергает сопоставление названия царских ски-

⁶⁵ Ср.: Amm. Marc., XXIII, 6, 61: о скифских племенах, живущих вокруг Имава; среди известных там городов Аммиан Марцелин называет Аспаботу, Хавриану и Сагу (Saga), что напоминает о саках (сагах) Плиния (VI, 50).

⁶⁶ См. подробнее: Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. — ВДИ, 1964, № 3, с. 116.

⁶⁷ См. выше, Введение, примеч. 12.

⁶⁸ Миллер В. С. Эпиграфические следы пранства на юге России. — ЖМНП, 1886, окт., с. 281; Potratz J. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, S. 20 folg.

⁶⁹ Kōthe H. 1) Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte. — Veroff. Inst. Orientalforschung, 1968, Bd 69, S. 97; 2) Der Skythenbegriff..., S. 75 folg.

фов с паралатами (считается, что βασιλῆοι есть греческий перевод имени паралатов⁷⁰), так как, по его мнению, ни во временном, ни в этническом отношении они не имеют ничего общего. Он сопоставляет это название с Sakā haumavargā древнеперсидских надписей и с Σάκαι 'Αμόργιοι Геродота (VII, 64, 2). Эламская форма — Omu-marka, аккадская — Umu-urga, ИЛИ Humrka (греч. 'Αμόργης⁷¹). Все это позволяет Г. Коте предположить, что на скифо-сакском языке это обозначение могло предположительно звучать *amurrka, причем вторая часть слова означала «царский», а первую можно сравнить с названием Амударьи (=Аракс= «большая река», «великий поток»), т. е. перевести как «великий», «большой». Тогда Saka *amurrka следует переводить как «великие царские саки». Само слово состоит, по мнению Г. Коте, из суффикса -ка и корня Sa—собака.⁷²

Как считает Г. Коте, есть все основания предполагать, что первоначальное самоназвание царских скифов или саков было serrēka; это название появилось у греков как Seraka или Siraka, его-то Геродот и перевел как «царские скифы». Со словом serrēka Г. Коте сопоставляет более позднее название страны к югу от Тянь-Шаня — Серика, Serica (Птолемей, Плиний и др.),⁷³ жители которой — Σήρες, Serae — отнюдь не были китайцами, а также с названиями областей Σιρακηνή в Армении и Гиркании (Ptol., 6, 9, 5; 5, 12, 4).⁷⁴ Племенные наименования Σιρακ (Ptol., 5, 8, 12), Σιρακοί (Strab., XI, 2, 1 или Σίρα

⁷⁰ Попытки этимологического осмысления имени паралатов подробно изложены: Kothe H. Pseudoskythen. — Klio, 1967, Bd 48, S. 69 folg.

⁷¹ Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966, p. 101. По Ктесига (Pers., 3/4), уже Кир II около 530 г. до н. э. боролся против царя Аморга; то же самое сообщается о Дарии I (494/3). Этот же царь упоминается у Поллена (Strat., VII, 12) как Nomarges.

⁷² Таким образом переводили это слово уже Раулинсон (Rawlinson G. The History of Herodotus, III. London, 1859, p. 546), Бергманн (Bergmann F. G. Les Scythes. Colmar, 1846, p. 2), Юнкер (Junker H. Iranica. — Orientalische Literaturzeitung, 1926, N 10. S. 876—878), Виндекенс (Windekens A. J. van. Les noms des Saces et des Skythes. Beitr. zur Namenforschung, 1949/1950, Bd I, S. 100).

⁷³ См.: Herrmann A. Seres. — RE. 1923, t. IIIA, col. 1678 sq.

⁷⁴ См.: Kretsch-Honigmann K. Σιρακηνή. — RE, 1929, t. IIIA, col. 282 sq.; Kretschmer K. Σιρακες. — Ibid., col. 283 sq.

κας — Strab., XI, 5, 8), Siraci (Tacit., Ann. XII, 15) и Sygaces (Mela, I, 19) Г. Коте считает обозначением царских скифов. С этим сопоставляются также названия города Σέραχα у Птолемея (8, 12, 14), Seracol (или Seracae) Певтингеровых таблиц (9, 2; см. также: Tab. Peut., 9, 1 — Sorices), Στραχοί, засвидетельствованные в конце II в. н. э. танаисской надписью,⁷⁵ и соответствующее имя собственное Σίραχος в Ольвии.⁷⁶ Существует этимологическая связь и с Sai (Σαῖοι), известными в окрестностях Ольвии в сарматское время.⁷⁷

Родиной этих царских скифов Г. Коте считает Согдиану. В огреченной форме она должна была бы называться Sukutha (древнеперсидское Suguda = Sogdien), что находится в этимологической связи с восточнопранским Saka. Позднее имя «великих царских саков» проявляется в названии их потомков — сакарауков (Sakarauka), засвидетельствованных во II в. до н. э. в качестве завоевателей Бактрии (Ptol., VI, 14, 14; Orosius, I, 2, 43; ср.: Apollod. ap. Strab., XI, 8, 2; Pomp. Trog., Proleg. ad 42 lib.; Lucian., Macrob., 15).

В свете изложенных фактов заключение о северо-восточных областях Средней Азии (по соседству с Бактрией и Индией, за р. Аракс) как о территории, издавна занятой скифскими (сакскими) племенами, представляется достаточно обоснованным.

Интересно, что Г. Штейн (ad IV, 11) и Ф.Г.Мищенко правомерно приписали переход через Аракс и вторжение в Мидию азиатским сакам, которых они, правда, отличали от северопонтийских скифов (хотя в Указателе к переводу Ф. Мищенко отметил, что под саками следует разуметь собственно царских скифов).⁷⁸ Ф. Мищенко привел

⁷⁵ Латышев В. В. Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini. Спб., 1890, т. II, №. 423.

⁷⁶ Там же, т. I, 55.

⁷⁷ На тот факт, что сαι могут быть обозначением царских скифов, указывал уже В. Томашек (Kritik, I, S. 721). В советской литературе эту точку зрения отстаивал М. И. Артамонов (Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, с. 76; Этногеография Скифии. — Учен. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 1949, № 85, вып. 13, с. 168). Такого же мнения придерживался Б. Н. Граков (Скифы, с. 40).

⁷⁸ Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе. — ФО, 1899, т. 17, с. 37; см. также: Masan R. Herodotus, London, 1895, t. II, p. 10; Greidler M. Die Skythen..., S. 283; Г. Штейн предпола-

в качестве параллели текст Страбона (XI, 8, 4): «Саки, подобно киммерийцам и трерам, совершали набеги то в более отдаленные, то в ближайшие страны. Так, они заняли Бактриану, покорили плодороднейшую область Армении, которая и получила от них название Сакасны;⁷⁹ отсюда они проникали даже до Каппадокийцев, в частности тех, которые живут на Евксинском Понте и называются теперь понтийскимп. Однако находившиеся в то время в этой стране военачальники персов ночью напали на них, празднующих по поводу добычи, и совершенно их перебили». По существу перед нами пересказ скифской истории в Передней Азии, только скифы названы саками. Весьма показательно, что путь их движения проходил по Средней Азии, через Бактрию, в Закавказье. К этому надо добавить, что в исторической топонимике Закавказья сохранились и другие названия, связанные с именем скифов-саков: Шакашен, Шикакар, Шаке⁸⁰ и др. Э. Кавеньяк⁸¹ полагал даже, что в середине VII в. до н. э. существовала в Сакасне целая скифская империя, охватывавшая Каспиану, Северную Армению и Каппадокию. О господстве скифов в Азии напоминают также названия племени скифинов вблизи халибов в Колхиде и города Скифополиса в южной Галилее, разрушенного Навуходоносором в начале VI в. до н. э.

Отдельные замечания о движении сакских племен в Закавказье через территорию Мидии, в обход Каспийского моря с юга, встречаются у В. В. Струве, Б. Б. Пиотровского, М. А. Дандамаева,⁸² однако эти исследователи имели в виду VI в. до н. э. и отличали племена саков от северочерноморских скифов. Необходимо тем не менее еще раз подчеркнуть, что саки и скифы — понятия тожде-

гал для этих азиатских саков путь через Амударью к северной окраине Иранского нагорья и далее по южному побережью Каспия.

⁷⁹ *Σακαστηνῆ* Страбона (II, 1, 14; XI, 7, 2; XI, 8, 4; XI, 4, 4; *Sacasani* у Плиния (HN, VI, 26). Ср.: Ptol., 12, 9 (*Сакапенская* область между верховьями рек Куры и Аракса).

⁸⁰ См.: Пиотровский Б. Б. *Ванское царство* (Урарту). М., 1959, с. 244.

⁸¹ *Savaignac* E. A propos du debut de l'histoire des Médes. — J. Asiatique, 1961, p. 156.

⁸² Струве В. В. Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью. — Изв. АН АрмССР, 1946 № 8, с. 31 сл.; Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. — СА, 1954, № 19, с. 158; Дандамаев М. А. Поход Дария..., с. 182.

ственные и что эти племена начали свое продвижение по Средней Азии еще в IX—VIII вв. до н.э.;⁸³ во главе этого движения стояли киммерийцы, появившиеся в Малой Азии в VIII в. до н.э.

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что на Западном Кавказе, в Абхазии, до сих пор сохранилось название населенного пункта Сакени, расположенного на одноименной реке, а в Крыму о саках напоминает населенный пункт Саки и Сакское озеро (а возможно, и озеро Сасык?). Если до наших дней дожило название Каркинитского залива, то неудивительно, что таким же образом сохранились и другие древние названия. Топонимика Кавказа и Крыма, связанная с саками, — это еще одно свидетельство в пользу того, что в Северное Причерноморье проникали те же самые **скифо-сакские** среднеазиатские племена.

На всей обширной территории Поволжья, Южного Приуралья, Средней Азии, Казахстана, Семиречья, Памира, Тянь-Шаня, Южной Сибири, Алтая и еще дальше на восток, вплоть до Тувы, археологи открыли единообразную культуру скифоидного (сакского) типа VIII—IV вв. до н.э.⁸⁴ При этом савроматские памятники Поволжья и Приуралья датируются VIII—IV вв. до н.э., а сакская культура Казахстана и Средней Азии — VII—IV вв. до н.э., однако в последнее время о необходимости переноса датировки некоторых сакских комплексов на этой территории более ранним временем (VIII—VII вв. до н.э.) говорят уже многие исследователи.⁸⁵

⁸³ Как отмечает И. М. Дьяконов, кочевническое завоевание оседлых областей Средней Азии следует датировать IX—VII вв. до н.э. (см.: Восточный Иран до Кира. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 144 и примеч. 74).

⁸⁴ Имеются в виду, прежде всего, исследования М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-Оола в Туве, Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова в Поволжье и Южном Приуралье, А. Н. Бернштама в Семиречье и на Тянь-Шане, С. П. Толстова, М. А. Итиной, О. А. Вишневской в Приаралье, К. А. Акишева и Г. А. Кушаева в Семиречье, М. К. Кадырбаева в Центральном и Западном Казахстане, С. С. Черникова в Северном и Восточном Казахстане, Б. А. Литвинского на Памире и др.

⁸⁵ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и **усуней** долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 106; Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 164 сл.; Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии, с. 29; Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980, с. 58.

Видимо, утвердившееся в науке представление о древности и исконности северочерноморской Скифии может быть пересмотрено: в Северном Причерноморье скифская археологическая культура известна лишь с начала VI в. до н. э. Следовательно, представление об исконной Скифии должно быть перенесено на восток — об этом свидетельствует и анализ письменных источников. Для территории Средней Азии и Ирана сакские племена определенно фиксируются с VII—VI вв. до н. э. античными источниками (Аристей, Гекатей) и ахеменидскими надписями, а археологические материалы позволяют удревнить эту дату до VIII в. до н. э.

Движение сакских племен с востока в Северное Причерноморье происходило, по-видимому, двумя путями: племена савроматского круга проникали в Северное Причерноморье через территорию Северного Казахстана, Южного Приуралья, Поволжья и задонских степей, тогда как племена киммерийцев и скифов (царских) прошли, как мы пытались показать, через территорию среднеазиатского междуречья, переправились через р. Аракс (Амударью), затем через Иран и Закавказье прошли в Малую Азию. История пребывания киммерийцев и скифов в Передней и Малой Азии хорошо известна по персидским, ассирийским, урартским, вавилонским, библейским и греческим источникам (это события конца VIII—начала VI в. до н. э.). В 585 г. до н. э. скифы вторглись через Кавказ в Северное Причерноморье, снова перейдя р. Аракс (на этот раз армянский), и заняли Предкавказье и земли у Меотиды. С этого времени и начинается господство скифов в Северном Причерноморье и распространение там культуры, которая по праву может быть названа скифской. Переднеазиатские черты этой культуры получают, таким образом, свое закономерное объяснение.

Однако в связи с таким толкованием скифской истории необходимо, по-видимому, более подробно остановиться на спорной до сих пор проблеме отождествления геродотовского Аракса.

Глава V

АРАКС ГЕРОДОТА

*

В литературе неоднократно отмечалась противоречивость сведений Геродота о р. Аракс. Сведения эти можно разделить на три группы: во-первых, Аракс массагетов, через который пришлось переправляться Киру во время похода на этот народ (I, 201; 202, 1, 3, 4; 205, 2; 209, 1; 210, 3; 211, 1; 216, 3; III, 36, 3); во-вторых, Аракс, отделяющий с севера владения персов, мидян, колхов и каспиров (IV, 40); и, наконец, в-третьих, — Аракс, через который переправились скифы, живущие в Азии (IV, 11, 1), причем и этот Аракс, по-видимому, является Араксом массагетов, так как именно под их давлением скифам пришлось покинуть свою родину.

Исследователи нового времени по большей части считали, что под Араксом Геродота следует понимать несколько различных рек, так как в древности Араксом называли многие большие реки (Ф. Г. Мищенко даже считал, что Аракс — просто нарицательное обозначение большой реки¹). Но даже в тех случаях, когда исследователи находили возможным думать, что у Геродота под Араксом имеется в виду одна река, они отождествляли ее по-разному: например, К. Абихт — с Сырдарьей, а Г. Штейн — с кавказским Араксом (комм. к IV, 11). Особенно спорной представлялась идентификация Аракса в IV, 11, 1, и для решения этого вопроса были названы пять рек — Танаис (Дон), Окс (Амударья), Яксарт (Сырдарья), Волга и кавказский Аракс. Не менее спорную проблему массагетского Аракса (особенно в I, 202) пытались разрешить с помощью четырех рек (исключая Танаис-Дон).

¹ Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе. — ФО, 1899, т. 17, с. 31.

Чтобы как-то разобраться в этом смешении рек, необходимо, прежде всего, выделить те сведения, которые всеми исследователями принимаются за достоверные.

Аракс — современный кавказский Аракс. Бесспорным отождествлением представляется обозначение в IV, 40 Аракса, текущего на восток и являющегося северной границей персов, индийцев, колхов и саспиров, как современного Аракса. Однозначно воспринимаются и сведения об истоках р. Аракса в I, 202, 3: он вытекает из страны матиенов, обитавших на берегах оз. Урмии (совр. Резайе). Эти данные, несомненно, соответствуют кавказскому Араксу, который берет начало со склонов хребта Бингель в северо-западных районах современного Ирана, а один из его притоков — **Котурчай** — протекает недалеко от оз. Резайе.

Араке — Сырдарья. При анализе представления об Араксе можно опереться на исследование И. В. Пьянкова об Араксе массагетов и о маршруте похода против них Кира.² И. В. Пьянков аргументированно доказал, что из двух больших среднеазиатских рек (т. е. Амударьи и Сырдарьи) только первая могла носить название Аракса. Прежде всего, Амударья известна под этим именем с глубокой древности — это доказывается ее упоминанием в гимнах Ригvedы (в форме *Rasa*, соответствующей авестийскому *Raṅhā*, т. е. Аракс).³

И. В. Пьянков подкрепляет свои соображения об Араксе-Амударье ссылками на Аристотеля (*Meteor.*, I, 13, 15—16) и на историков Александра Арриана и Курция, сообщения которых восходят, по-видимому, к общему с Аристотелем источнику — Ктесию. В этих сведениях Амударья называется Араксом или Оксом-Оаксом (что является, вероятно, греческим осмыслением иранского *Vaxšu*), а Сырдарья — Танаисом, причем обе эти реки берут начало с горы Парнас (система горных хребтов Гиндукуш—Памир—Тянь-Шань) и впадают в Меотиду (т. е. в Аральское озеро). Не только устье Аракса-Амударьи, но и район его истоков назван верно, и И. В. Пьянков справедливо усматривает здесь исправле-

² Пьянков И. В. К вопросу о маршруте Кира II на массагетов. — ВДИ, 1964, № 3, с. 118 сл.

³ См. подробнее: Пьянков И. В. К вопросу о маршруте Кира II..., с. 120. Автор приводит убедительные соображения, что под Араксом в «Ригведе» имеется в виду именно Амударья, а не Сырдарья.

ние, сделанное Ктесием к тексту Геродота, у которого истоки Амударьи спутаны с истоками кавказского Аракса.

И. В. Пьянков доказал также, что Аракс не может быть объединенным представлением об обеих среднеазиатских реках, так как персы хорошо знали Сырдарью и отличали ее от Амударьи. Об этом свидетельствует само название Танаис — действительно иранское и, видимо, древнейшее название Сырдарьи, поскольку она называлась так уже в Авесте (В. И. Абаев показал,⁴ что Дани — это иранский прототип для греческого Τάναϊς).

Приняв вывод И. В. Пьянкова, мы тем самым можем сузить круг рассуждений, устранив из него одну из тех рек, за которую принимали Аракс, т. е. Сырдарью.

Аракс — Амударья. Как уже было сказано, сведения в I, 202, 3 об истоках р. Аракса все исследователи без разногласий относят к современному кавказскому Араксу. В этой же главе Геродот сообщает о наличии больших островов на Араксе, о его делении на сорок рукавов (один из которых впадает в Каспийское море, а прочие теряются в болотах и топях), о жителях, питающихся сырой рыбой и одевающихся в тюленьи шкуры. Все эти сведения исследователи и комментаторы трактовали неоднозначно и делили между тремя реками: одни относили их также к кавказскому Араксу,⁵ другие — к Амударье с ее каспийским рукавом Узбоем,⁶ третьи —

⁴ Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — Arch. Orient., 1956, т. XXIV, N 1, с. 42 сл. Ср.: Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mit'hra. Cambridge, 1959. p. 189, not. 1.

⁵ Ваер К. Е. von. Der alte Lauf der armenischen Araxes. — Bul. cl. sci. hist., philol. et polit. Acad. Impér. Sci. Saint-Petersbourg, 1857, t. XIV, N 20—22, p. 36 suiv.; Еркимбекова К. Н. К географическим сведениям Геродота о территории закаспийских стран. — Тр. Каз. гос. пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1970, География, вып. 2, с. 109 сл.

⁶ Мищенко Ф. Г. Противоречия..., с. 30; Herrmann A. Die alte Verbindung zwischen dem Oxus und Kaspischen Meer. — Petermanns Mitteilungen, 1913, Bd II, S. 70 folg. А. Германн привлек в этой связи указание Страбона (XI, 8, 6), что Аракс, текущий через область массагетов, впадает большей частью рукавов в море, лежащее на севере (т. е. Аральское), и лишь одним рукавом — в Гирканский залив (т. е. в южную часть Каспийского моря). См. также: Herrmann A. 1) Alte Geographic des unteren Oxusgebietes. Berlin, 1914, S. 19 folg.; 2) Oxos. — RE, 1943, t. XVIII, col. 2008 folg.; Junge J. Saka-Studien: Der fene Nordosten im Weltbild der Antike. — Klio, 1939, Beiheft XLI, S. 31, Ann. 2;

к Волге.⁷ И. В. Пьянков первоначально считал, что это описание относится к Амударье,⁸ и делал обоснованный вывод, что Аракс массагетов (т. е. тот Аракс, через который переправился Кир во время похода против них) — это Амударья с ее каспийским рукавом Узбоем, который во время паводка мог быть принят за «живую» реку.⁹ В более поздней своей статье И. В. Пьянков высказывает иную точку зрения, относя это описание к кавказскому Араксу.¹⁰ Однако ранее высказанная им точка зрения представляется более убедительной, особенно если сравнить описание Геродота с тем местом из «Географии» Страбона (XI, 8, 6), где речь также идет о р. Аракс, обводняющей страну массагетов и разделяющей ее на множество рукавов (ранее И. В. Пьянков обоснованно считал это описание приложимым именно к Амударье). Страбон отмечает, что всеми своими устьями, кроме одного, которое впадает в Гирканский залив (т. е. Каспийское море), Аракс связан с «другим, на севере расположенным морем».

И. В. Пьянков предположил, что под этим морем следует подразумевать «северную часть внешнего моря, окружающего землю»,¹¹ а Ю. Юнге — мифический Океан.¹² Эти предположения опровергаются тем несомненным фактом, что Страбон считает Каспийское (Гирканское) море заливом внешнего Океана (II, 5, 18; II, 5, 31; VII, 2, 4; XI, 1, 5; 6, 1; 11, 7),¹³ т. е. под Гирканским заливом Страбон уже имеет в виду часть внешнего Океана, а в данном контексте речь идет о каком-то другом море, отличном от этого водного бассейна.

Следовательно, можно думать, что этим морем явля-

Струво В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. — В кн.: Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 57 сл.; Casson S. Herodotus and the Caspian. — ABSA, 1918—1919, t. XXIII, p. 175 follow.

⁷ Westberg F. Zur Topographie des Herodot. — Klio, 1904. Bd 4, S. 189; Hennig R. Der Araxos des Herodot. = Wolga. — Petermanns Mitteilungen, 1929, Bd 7/8, S. 169 folg.

⁸ Пьянков И. В. К вопросу о маршруте Кира II..., с. 118 сл.

⁹ Там же, с. 129.

¹⁰ Пьянков И. В. Массагеты Геродота. — ВДИ, 1975, № 2, с. 65.

¹¹ Там же, с. 59.

¹² Junge T. Saka-Studien, S. 26 folg.

¹³ Ср.: II, 1, 17; 5, 14.

ется Аральское: ¹⁴ во-первых, что весьма немаловажно, подобное описание точно соответствует действительности. Почему мы долиты думать, что Страбон связал северное устье хорошо известной и персам, и грекам реки с северным Океаном и отнес его тем самым за пределы обитаемого мира, хотя к северу от Аракса-Амударьи была известна еще и другая река, впадающая в то же Аральское море, — Танаис-Сырдарья?

Во-вторых, Арал расположен на севере от персидских владений и уже поэтому мог быть назван северным морем.

В-третьих, по отношению к устью Узбоя Аральское море и основное устье Амударьи расположены действительно к северу (с небольшим смещением к востоку).

В-четвертых, подтверждением отождествления этого моря с Аральским может, как представляется, служить другое место из «Географии» Страбона (II, 1, 17), где он критикует измерение ойкумены Деимахом, указывая, что если принять предложенные последним цифры, то получается, что Бактрия выходит за пределы обитаемого мира, а Бактры располагаются гораздо севернее устья Каспийского моря. Страбон же полагает, что не только Бактрия, но и обширная, населенная скифами область, расположенная за Бактрией и прилегающая к Северному морю, лежит еще в пределах обитаемого мира: ведь скифы, как пишет Страбон, будучи кочевниками, все же находят там средства к существованию. В то же время Страбон считает, что устье Каспийского моря уже выходит за пределы обитаемого мира и расположено выше крайних пределов Скифии (II, 5, 14). Следовательно, страна скифов за Бактрией должна по логике вещей примыкать к Аральскому морю, которое и названо Страбом Северным.

Таким образом, у Страбона низовья Аракса соответствуют низовьям Амударьи, тем более что и у Страбона в данном случае речь идет о реке тех самых массагетов, которые воевали с Киrom: Страбон сам пишет, что заимствует свои сведения у тех многочисленных авторов, которые восхваляли мужество массагетов в *борьбе* с Киrom. Тогда и аналогичные сведения Геродота в I, 202

¹⁴ Такого мнения придерживаются А. Германн (Her mann Л. Die alte Verbindung..., S. 70 folg.) и Л. А. Ельницкий (Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 210).

следует отнести к Амударье, что подкрепляет сделанный И. В. Пьянковым вывод об Араксе массагетов как об Амударье с ее каспийским рукавом Узбоем.

Аракс — Волга. При локализации геродотовских массагетов И. В. Пьянков привлек еще отождествление **Аракс** — Волга, считая, что сведения Геродота (I, 202, 1) о большой реке, выдерживающей сравнение с Петром, которая имеет острова, равные Лесбосу (очевидно, в дельте), изобилует рыбой (I, 202, 3) и на восток от которой живут **массагеты** (I, 201), относятся к **Волге**.¹⁵ Сведения об этой реке Геродот получил, по мнению И. В. Пьянкова, от **ольвийских** купцов.

Отождествление Аракса с Волгой впервые, как кажется, предложил Т. З. Байер.¹⁶ Эту точку зрения впоследствии приняли многие исследователи.¹⁷ При этом они опирались на три основных аргумента. 1. Описание дельты Аракса с рукавами и островами вполне подходит к Волге; к Волге подходит также описание Аракса как большой реки, соперничающей с Петром, изобилующей рыбой; к Волге относятся также сведения о тюленях, в шкуры которых одеваются жители островов. 2. Поскольку считается бесспорным, что скифы появились в Предкавказье и в Северном Причерноморье с востока, то естественным логическим выводом из этого обстоятельства представлялся тот факт, что при своем движении с востока **скифы** должны были перейти именно Волгу. Поэтому **Аракс** в IV, И, 1 большинство **исследователей** отождествляло с Волгой; впоследствии это отождествление перенесли и на I, 201, т. е. стали искать массагетов к востоку от Волги, поскольку, согласно Геродоту, именно под их давлением скифы пришли в движение. 3. Подтверждением тождества Аракса с Волгой считается ее древнее название — **Ра** (**Ra**, **Rha**), что сопоставляется с названием **Аракс**.

¹⁵ Пьянков И. В. Массагеты Геродота, с. 66 сл.

¹⁶ Bayer Th. S. De origine et prisces sedibus Scytharum. — Comm. Acad. Sci. Imper. Petropol. Petropoli, 1728, p. 393 sq.

¹⁷ Rawlinson ad IV, 11; Tomaschek W. Araxes. — RE, 1896, t. II, col. 403; Westberg F. Zur Topographie..., S. 189; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 44; Lehmann-Haupt, Kimmerier. — RE, 1922, t. XI, col. 397; Ebert M. Südrussland in Altertum. Bonn; Leipzig, 1921, S. 82; Kretschmer K. Scythiae. — RE, 1923, t. IIA, col. 927; Ребелев С. А. Скифский рассказ Геродота. — СП, с. 337.

Если внимательно проанализировать все эти аргументы, то возникают следующие соображения.

1. В описании дельты Аракса нет ничего, что можно было бы назвать «специфически волжским» и что не было бы в равной мере приложено к Амударье. В то же время рассмотренные выше геродотовское и страбоновское описания рукавов реки, впадающих в разные водные бассейны, может относиться только к Амударье, а ни в коем случае не к Волге. Аргумент об отсутствии тюленей в Аральском море несостоятелен,¹⁸ так как еще и в XIX в. тюлени в нем водились.¹⁹

Сравнение с Истром не говорит ни о чем, кроме того, что имеется в виду большая река — ведь Геродот сравнивает с Истром и Борисфен (IV, 53), и Нил (II, 26, 33, 34). Однако имеется одно обстоятельство, которое свидетельствует в пользу того, что к среднеазиатскому Араксу (т. е. Амударье) могло прилагаться название Истр: у **Лукана** (*De bello civ.*, II, 50) есть такая строка: «Пусть не связывает массагета скифский Истр». И. В. Пьянков считает,²⁰ что авторы римского времени уже с I в. н. э. действительно помещали массагетов на Истре, путая их с гетами. Однако контекст, в котором у Лукана упоминается этот массагетский Истр, заставляет думать о востоке: речь идет об угрозе гражданской войны для Рима и о призыве к богам, чтобы они отвратили эту опасность даже ценой войны со всеми народами во всех частях света:

«Пусть отсюда теснит нас **дакшец**, а оттуда — гет;
пусть один борется с иберами,
А другой обратит знамена против восточных колчанов»
(ст. 54-55).

Получается, что геты вовсе не спутаны с массагетами, и, скорее всего, именно последних надо понимать под «восточными колчанами», поскольку Лукану свойственно представление о скифах как о племенах, живущих на северо-востоке Азии, за **Бактрией**. Ср., например, перечисление в войске Помпея кочующих народов Скифии,

¹⁸ И. В. Пьянков (Массагеты Геродота, с. 66), не делая ссылки на специальную литературу, ограничивается фразой: «В Аральском море, как известно, тюленей нет».

¹⁹ См.: **Эверсманн** Э. Естественная история Оренбургского края. Казань, 1850, ч. II, с. 71.

²⁰ **Пьянков** И. В. Массагеты Геродота, с. 54.

которых «ограничивает ледяною бездною Бактр²¹ и обширными лесами Гиркания» (III, 267—268); среди этих народов Лукан вместе с исседонами (эсседонами), ари-маспами и ариями называет и массагетов (III, 282—283).

Несомненно, тот же смысл имеет отрывок из «Рассказа о героях» Филострата (V, 3): «Кир, отправившись за реку Истр против массагетов и исседонов — а народы эти скифские, — был убит женщиной, царствовавшей над этими варварами, и женщина эта отрубила Киру голову». Здесь совершенно определенно среднеазиатский Аракс (Амударья) назван Истром.

По-видимому, сравнение Аракса с Истром стало настолько привычным, что впоследствии можно было даже перенести на него это название, причем ориентиром для распознавания и отличия от настоящего Истра служили обитавшие поблизости племена — массагеты и др. Это также подкрепляет предположение, что под Араксом в I, 201 и IV, 11, 1 нужно иметь в виду Амударью, а не Волгу.

2. Как сообщает Геродот (IV, 11), скифы-кочевники, первоначально обитавшие в Азии, были вытеснены массагетами за р. Аракс. Следовательно, река, которую перешли скифы, должна быть той же самой рекой массагетов, через которую переправлялся Кир во время похода на них, т. е. Амударьей.

Ту же «миграционную» версию, что и Геродот, передает Аристей,²² но называет вместо массагетов исседонов (по Геродоту, эти племена являются соседями и имеют одинаковые обычай²³). Из аристеевского описания ясно вытекает, что перемещение племен происходило в направлении с севера на юг, иначе скифам пришлось бы перейти Танаис-Сырдарью, а не Аракс-Амударью.

Параллелью к IV, 11 считается сообщение Диодора (II, 43 сл.) о скифах, живших некогда за р. Араксом и впоследствии распространивших свою власть па обширную территорию. Аракс Диодора также предлагалось считать Волгой.²⁴ Однако анализ сведений Диодора позво-

²¹ Названия Аракс и Бактр могли прилагаться к одной реке (см.: Пьянков И. В. К вопросу о маршруте Кира II..., с. 117 сл.), причем за Бактр в качестве пограничной реки Бактрии могло быть принято верхнее течение Амударьи.

²² См. выше, с. 76 сл.

²³ Hdt., I, 201, 215—216; IV, 26.

²⁴ Негтманн А. Alte Geographie..., S. 21, Ann. 5; Пьянков И. В. Массагеты Геродота, с. 66.

ляет и здесь с большой долей вероятности усматривать Амударью.

Когда Диодор пишет, что скифы занимали первоначально незначительную область у р. Лракса, то здесь же, в самом начале 43-й главы, он дает и совершенно определенные координаты этой реки, заявив, что теперь он (после описания Индии, заканчивающегося 42-й главой II книги) переходит к скифам, населяющим соседнюю страну, — следовательно, он имеет в виду среднеазиатских скифов за Араксом-Амударьей.

Еще в древности, как сообщает Диодор, скифы под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими талантами царя приобрели себе страну в горной части до Кавказа, а на равнине — до Океана, Меотийского озера и р. Танаиса. Считается несомненным, что скифы Диодора заняли земли между Кавказом, Азовским морем и Доном.²⁵ Однако такое толкование попросту привносит привычные современным исследователям представления в текст древнего автора. Нельзя забывать, что Диодор имеет в виду среднеазиатские реки на соседней с индийцами территории, т. е. Аракс-Амударью и Танаис-Сырдарью. Ведь Диодор при написании своей «Библиотеки» пользовался трудами историков Александра, в которых Яксарт (Сырдарья) фигурировал под именем Танаиса.

Точно так же следует иметь в виду, что Кавказом назывался в древности не только горный перешеек между Каспийским и Черным морями, но и восточный отрезок Тавра — той горной цепи, которая тянулась в широтном направлении через Азию от мыса Микалы до Индии.²⁶ Считается, что этот восточный отрезок (Паропамис) был назван Кавказом воинами Александра,²⁷ однако есть основания полагать, что это восходит еще к древнеионий-

²⁵ См., напр.: Хаванов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 205; Мачипский Д. А. О времена первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 36 сл.

²⁶ См. об этом: Томсон Дж. История древней географии. М., 1953, с. 95, 135, 200; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, с. 211; Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ, 1972, № 2, с. 8.

²⁷ См., напр.: Strab., XI, 81, а также XV, 1, И (Страбон передает мнение Эратосфена).

ским представлениям.²⁸ Во всяком случае Плиний (VI, 50), несомненно опиравшийся на какие-то древнеионийские источники,²⁹ свидетельствует, что зяксартские (за-сырдарьинские) скифы называли Кавказ (Индийский Кавказ, исток Яксарта) Кроукасисом (Croucasim), т. е. белым от снега. Это название находит убедительное объяснение из иранского.³⁰

Под Океаном и Меотийским озером в этом же отрывке, по всей видимости, подразумевается Каспийское море в качестве залива внешнего Океана и Аральское озеро. Что данный контекст следует понимать именно так, подтверждает дальнейшее изложение самого Диодора (II, 43, 5): «Поработив многие значительные племена, жившие между этими пределами, они (потомки скифских царей, — И. К.) распространили господство скифов с одной стороны до восточного океана, с другой — до Каспийского моря и Меотийского озера; ведь это племя сильно разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие — массагетами, некоторые — аримаспами и подобно им множество других». Упоминание саков и массагетов дает ясный ориентир для уяснения координат скифской территории: это Средняя Азия в пределах от Каспийского и Аральского морей (за которыми как раз и обитали саки и массагеты) вплоть до восточного океана, расположенного, по представлениям древних, сразу за Индией.

Таким образом, Диодор по существу передает ту же самую версию о происхождении скифов, что и Аристей и Геродот. Аракс, который перешли скифы, и в этом случае надежно отождествляется с Амударьей, а не с Волгой.

3. Что же касается названия Волги — Ра, то оно, несомненно, более позднее³¹ и финского происхождения.³² «Финские мордвины» еще в XIX в. называли Волгу Raw

²⁸ См. об этом подробнее: Пьянков И. В. *Хорасмий* Гекатея Милетского, с. 7 сл.

²⁹ См.: Harmatta J. *Quellenstudien zu der Scythica des Herodot.* Budapest, 1941, S. 37 folg.; Plezia M. *Hekataios über die Völker am Nordrand Skythischen Schwarzmeergebietes.* — Eos, t. L (1959—1960), fasc. 1, p. 27 sq.

³⁰ См. выше, с. 105, примеч. 49.

³¹ Впервые оно встречается у Птолемея (V, 8, 12).

³² См.: Kiessling M. Ra. — RE, 1920, t. IA, col. 1 sq.

или *Ran*.³³ М. Кисслинг считал маловероятным, что финское *Ra* может быть возведено к некоему скифо-иранскому *Raha*, которое будто бы соответствует авестийскому *Raṇhā* (*Rasa* Ригvedы), хотя и понимал заманчивость такого предположения.³⁴

И. В. Пьянков привел убедительные доводы, что *Rasa* Ригvedы — это *Амударья*³⁵ и что та же река имела в виду в Авесте и в *Шах-наме*, когда шла речь о борьбе Ирана с кочевниками к востоку от Каспия.³⁶ Особенно показательны в этом смысле перечисления в Авесте семи материков обитаемого мира, моря *Ворукаша* (Каспийского), реки *Рангхи* (Аракса) и ее отдельного рукава.³⁷ И. В. Пьянков показал также, что «персидская традиция еще в *сасанидские* времена сохраняла память о древней границе Ирана с *туранскими* массагетами по р. *Аранг* (соответствующей Араксу), она же *Вехрот* (Амударья), а также об области *Балха* (Бактрия), прилегающей к этому Арангу, и, видимо, о *Табаристане* (горах *Гиркании*) как крайних землях Ирана».³⁸ Все это, несомненно, говорит в пользу отождествления *Рангхи* и *Аранга* не с Волгой, а именно с Амударьей.

Таким образом, ни один из аргументов в пользу отождествления Аракса с Волгой не может считаться убедительным, и эту реку также можно исключить из рассмотрения.

Аракс — Танаис (Дон). По-видимому, то же самое можно сказать и об отождествлении Аракса в IV, 11, 1 с Танаисом (Доном), впервые насколько известно, предложенном Ф. Г. Мищенко.³⁹ Основанием для такого определения Аракса послужило для Ф. Г. Мищенко следующее логическое рассуждение: если Скифия была раньше киммерийской землей, а ее восточной границей Геродот назвал р. Танаис (IV, 20, 21, 47, 57, 100, 115, 116, 120,

³³ Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde*. Berlin, 1890—93, Bd II, S. 75; Bd III, S. 16; Marquart J. *Die ältesten Berichte über die Magyaren. — Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, S. 378.

³⁴ Kiessling M. *Ra*, col. 1.

³⁵ Пьянков И. В. К вопросу о маршруте Кира П..., с. 120.

³⁶ Там же, с. 128.

³⁷ См. подробнее: Пьянков И. В. *Массагеты Геродота*, с. 58 сл.

³⁸ Там же, с. 63 сл.

³⁹ Мищенко Ф. Г. *Противоречия...*, с. 26 сл.

122), прямо утверждая, что «если перейти реку **Танаис**, то там уже не скифская земля», то естественно предположить, что скифы, покинувшие Азию и вступившие в Европу, должны были перейти именно **Танаис-Дон**. «Во всяком случае, — пишет Ф. Г. Мищенко, — в рассказе о переходе скифов в Европу через Аракс-Танаис-Дон сохранится смутное представление о наиболее вероятном пути, каким азиатские кочевники проникли в Европу».⁴⁰

Ф. Г. Мищенко, таким образом, опираясь на такой же логический аргумент, на который опираются многие исследователи при отождествлении Аракса с Волгой — выше была сделана попытка показать его несостоятельность. К тому же сам Ф. Мищенко сознает, что при таком отождествлении приходится допускать явно несуразную (по его собственному выражению) вещь, а именно — обитание массагетов у Дона.

Если подвести итоги проделанному апализу, то можно прийти к следующим выводам.

Аракс массагетов, т. е. **Аракс** в I, 201; 205, 2; 209, 1; 210, 3; 211, 1; 216, 3; III, 36, достаточно надежно отождествляется с Амударьей и ее каспийским рукавом Узбоем.

Аракс в I, 202 — сочетание кавказского Аракса (истоки) и Амударьи с Узбоем (низовья).

Араке в IV, 40 — безусловно, современный кавказский **Аракс**.

Аракс в IV, 11, 1 — Амударья.

Следовательно, под Араксом Геродота следует иметь в виду либо Амударью, либо кавказский Араке, а иногда — смешение представлений об этих двух реках.

По-видимому, такое смешение не представляло ничего необычного⁴¹ и связано было, скорее всего, со сведениями о границах персидских владений: с одной стороны, кавказский **Аракс** служил северной границей персов, мидийцев, колхов и саспиров, с другой — среднеазиатский **Аракс** отделял персов от массагетов.

Попытка картографировать данные Геродота об Араксе была сделана на **Певтингеровой** карте.⁴² Пред-

⁴⁰ Там же, с. 28.

⁴¹ И. В. Пьянков считает, что четкого различения в представлениях об Араксе, вероятно, не было уже у Гекатея (**Массагеты** Геродота, с. 63).

⁴² См. об этом: Томсон Дж. **История** древней географии, с. 520.

ставление ⁴³ о геродотовском Араксе дает также карта Б. Нибура.

Путаное представление Геродота об Араксе критиковал Страбон (XI, 14, 13), называя его совершенно невероятным: «... ведь Геродот говорит, что Аракс, вытекая из земли матиенов, разветвляется затем на сорок рукавов, отделяя скифов от бактрийцев». В этом смешении кавказского Аракса с Амударьей, как отмечает далее Страбон, за Геродотом последовал и Каллисфен.

Ту же путаницу армянского Аракса со среднеазиатским отразил Псевдо-Плутарх (*De fluv.*, XXIII, 1), по мнению которого, Аракс — река в Армении, получившая свое название от имени армянского царя Аракса, бросившегося в реку. Но здесь же приводится мнение Ктесифонта о переименовании в Араке среднеазиатской реки Бактр.

Таким образом, Аракс Геродота, как показывает анализ, соединил представления о двух азиатских реках — Амударье и Араксе. На основании этого вывода можно дать недвусмысленное подтверждение предложенному выше восстановлению начальной скифской истории: скифы, обитавшие на северо-востоке Средней Азии, перейдя Аракс (Амударью), двинулись в Переднюю и Малую Азию, а позднее, будучи вытесненными оттуда, снова перешли Аракс (кавказский) и в начале VI в. до н. э. появились в Северном Причерноморье.

⁴³ Niebuhr B. *Kleine historische und philologische Schriften*. Bonn, 1828 (см. карту, приложенную к т. 1).

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
СКИФОВ ПО ГЕРОДОТУ

Если внимательно вчитаться в главы 11—12 IV книги Геродота, то можно, видимо, найти некоторую опору для предложенной выше гипотезы о появлении скифов в Северном Причерноморье. С переходом р. Аракса (Амударья) скифы, как свидетельствует Геродот, заняли землю, прежде принадлежащую киммерийцам; в начале 11-й главы нет никакого указания на то, что имеется в виду местность у Киммерийского Боспора, поэтому вполне можно допустить, что речь идет о стране киммерийцев в Азии. Киммерийцы под натиском скифов бежали вдоль моря, а скифы преследовали их, имея Кавказ по правую руку до тех пор, пока не попали в Мидийскую землю, свернув по дороге во внутреннюю часть страны. Геродот представляет себе дело так, будто скифы при преследовании киммерийцев сбились с дороги и потому попали в Мидию.

Однако, если иметь в виду движение из Азии на запад этих двух племен, то, как уже выше упоминалось (см. с. 91 сл.), киммерийцы двигались действительно вдоль моря — «южного», т. е., скорее всего, вдоль Персидского залива, через Персидские ворота, а скифы, двинувшиеся в том же направлении примерно на полвека позднее, могли воспользоваться другим горным проходом — Каспийскими воротами. Именно в этом случае скифы, свернув во внутренние области страны, попадали в Мидию. Если допустить, что скифы преследовали киммерийцев, то в этом случае они действительно имели Кавказ по правую руку: ведь, как выше уже было упомянуто, Кавказом назывался не только горный перешеек между Каспийским и Черным морями, но и восточный отрезок Тавра — горные цепи, тянущиеся в широтном направлении через Азию. Считается, что название «Кавказ» было приложено к этой горной цепи во времена походов Алек-

сандра Македонского,¹ однако можно согласиться с И. В. Пьянковым, что конкретные сведения о восточной части этого хребта от Парфии до Индии не могли быть заимствованы у авторов времени Александра и не соответствуют условиям, существовавшим ко времени македонских походов.² По свидетельству Эратосфена, гора Тавр делит всю Азию, начинаясь от мыса Микалы, пересекает затем земли различных народов, а в Бактрии смыкается с горой Паропамис, которую македоняне, воины Александра, называли Кавказом; Кавказ же этот простирается до индийцев и великого моря, лежащего к востоку.³ По этому хребту (через Мидию, Каспийские ворота и часть Индии, вдоль Кавказа) Эратосфен провел одну из своих параллелей.⁴

И. В. Пьянков полагает, что частью своих сведений о хребте, делящем всю Азию, Эратосфен обязан Дикеарху, тогда как о восточной части хребта он узпал от древних авторов, на которых он и ссылается, называя их οἱ ἀρχαῖοι;⁵ ссылается Эратосфен на древнюю географическую карту (6 ἀρχαῖος γεωγραφικός πίναξ).⁶ Этими древними авторами были, по мнению И. В. Пьянкова, Скилак, Гекатей и Эфор. Гекатей использовал сведения Скилака о восточных областях, Эфор же приспособил к своей концепции свидетельства Гекатея, а Дикеарху и Эратосфену эти данные понадобились для составления своих карт в противовес Эфору.

Само название Кавказа, как уже было отмечено выше, впервые до нас донес Гекатей (F. Gr. Hist., fr. 191, 192, 209), и, возможно, что оно является скифским — во всяком случае Плиний (VI, 50), несомненно опирающийся на какие-то древнеионийские представления, свидетельствует, что заяксартские скифы называли Кавказ (имеется в виду Паропамис, т. е. Индийский Кавказ, с ко-

¹ См. выше, с. 122, примеч. 27.

² Пьянков И. В. Хораснии Гекатея Милетского. — ВДП, 1972, № 2, с. 7 сл.

³ Там же.

⁴ Strab., II, 1, 1; II, 5, 39.

⁵ Ibid., I, 11.

⁶ См.: Strab., II, i, 2. И. В. Пьянков (Хораснии Гекатея Милетского, с. 9) считает, что у Гекатея была карта, возможно, подобная той «медной карте» (χάλκeos TCIV<Z>), которую показывал Аристотел Милетский, современник Гекатея (Hdt., V, 49). О наличии карты у Гекатея см.: Jacoby F. Hekataios. — RE, 1912, t. VII, col. 2690.

того берет начало Яксарт) Кроукасимом (Croucasim), т. е. белым от снега. Слово это находит убедительное объяснение из иранского (см. выше).

Попытки увязать Кавказ с Рипейскими горами, красной нитью проходящие через античную традицию, также могут свидетельствовать в пользу достаточной давности представлений античных авторов о протяжении Кавказа на восток.⁷

Следовательно, и у Геродота, который, несомненно, для описания восточных районов пользовался сведениями Гекатея и Скилака (последним, скорее всего, не непосредственно, а в изложении Гекатея), могло отразиться такое же представление о Кавказе, как о протянувшемся через всю Азию горным хребте. В этом случае действительно скифы, двигаясь на запад, имели Кавказ по правую руку, а пройдя Каспийские ворота и свернув внутрь материка, попадали в Мидию.

Однако Геродот пишет (IV, 11, 2 сл.), что киммерийские цари, не желая бежать вместе со своим народом, вступили друг с другом в сражение и погибли, народ же похоронил их у р. Тираса (Днестра), и могила их сохранилась до его времени. Это заявление как будто противоречит предложенной гипотезе, так как недвусмысленно локализует киммерийцев в Северном Причерноморье. Однако по существу, как выше, при подробном анализе этого легендарного сообщения, была сделана попытка показать, упоминание Геродотом киммерийской могилы на Тирасе отнюдь не является доказательством действительного пребывания киммерийцев на Днестре.⁸

Очевидно, тем не менее, что Геродот считал страну у Киммерийского Боспора принадлежащей в древности киммерийцам и был убежден, что именно отсюда они двинулись в Азию. Если это не с полной ясностью вытекает из начала 12-й главы IV книги, так как звучит простой констатацией: *καὶ νῦν ἔστι μὲν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμερία τείχεα.* и т. д. («и теперь есть в Скифии Киммерийские степы...» и т. д.), то в другом месте⁹ Геродот прямо пишет, что киммерийцы были изгнаны скифами Мадия из Европы, от Меотийского озера. «От озера Меотиды до реки Фасис и до колхов — тридцать дней пути

⁷ Подробнее см. с. 178.

⁸ См. с. 59 сл.

⁹ I, 103–104; ср.: IV, 3–4 и IV, 11, 1: «... страна, населяемая ныне скифами, принадлежала раньше киммерийцам».

для путешествующего налегке; из Колхиды нетрудно проникнуть в Мидию. Только одно племя находится на пути — саспиры. . . Скифы, однако, вторглись не с этой стороны, но отклонились на верхнюю дорогу, гораздо более длинную, имея по правую руку Кавказские горы», — пишет Геродот (I, 104). Оставляя в стороне хронологические неувязки (см. выше), приходится все же констатировать, что здесь имеют место и неувязки территориальные. Во времена Геродота, видимо, действительно можно было попасть в Мидию (или во всяком случае — на территорию зависимых от нее племен) прямо из области саспиров,¹⁰ однако в VII в. между саспирами и Мидией находились владения других могущественных государств Востока — Ассирии и Урарту.¹¹ Другое противоречие в рассказе Геродота — сообщение о преследовании киммерийцев: вместо того чтобы действительно следовать за ними, скифы почему-то выбрали другую, вдобавок более длинную, верхнюю дорогу и стали воевать с индийцами. Из-за этой несообразности Геродот, видимо, и решил, что скифы сбились с дороги (IV, 12, 2).

По-видимому, в основе убеждения Геродота, что берега Киммерийского пролива некогда были заселены киммерийцами, лежит киммерийская топонимика, засвидетельствованная как самим Геродотом, так и другими античными авторами. Однако греческое происхождение этой топонимики, ее поздняя хронология и невозможность выделить памятники киммерийцев и археологически проследить границы их обитания (см. подробнее в гл. II), также не позволяют делать на ее основе далеко идущие выводы о первоначальной территории обитания киммерийцев.

Выше была сделана попытка показать, что у нас нет причин считать киммерийцев доскифским населением Северного Причерноморья и связывать с ними какую-либо культуру эпохи поздней бронзы и, напротив, есть все основания считать киммерийцев и скифов родственными племенами эпохи ранних кочевников, вторгшимися в Малую Азию через Иранское нагорье. Следовательно, можно допустить, что какая-то часть киммерийцев вместе со

¹⁰ См. карту в кн.: Дьяконов И. М. *История Мидии*. М.; Л., 1956, с. 337.

¹¹ Ср. карту там же, с. 224—225. См. также: *Виноградов В. Б.* О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). — *Тр. ЧИНИИ*, 1964, т. 9, с. 35 сл.

скифами проникла через Кавказ в Северное Причерноморье в начале VI в. до н. э., однако отличить киммерийские памятники от скифских при современном состоянии науки до сих пор еще нет возможности.

«Киммерийская» топонимика, видимо, и послужила причиной уверенности Геродота в давнем и исконном обитании здесь киммерийцев — до такой степени, что Геродот сконструировал свою схему киммерийско-скифских доходов, не считаясь ни с временными, ни с территориальными неувязками. Он заставил и скифов именно отсюда «гнать» киммерийцев в Азию. При этом выявляется еще одно противоречие: после азиатских походов скифы, как пишет Геродот, вернулись в свою собственную страну (*ἐς τὴν σφετέρην* — IV, 1, 3 и IV, 4), однако оказывается все же, что вернулись они не в Азию, где они первоначально обитали (IV, 11, 1), а в Северное Причерноморье, к Меотийскому (Азовскому) озеру (IV, 3, 2).

Причина данного противоречия кроется, по всей вероятности, в том, что в древности не только Азовское, но и Аральское море называлось Меотийским. Исследователи древней географии в большинстве утверждают, что античные авторы не знали о существовании Арала. Так, Дж. Томсон пишет: «... до византийского посла Земарха (около 570 г. и. э.) не было ни одного западного путешественника, который описал бы это море».¹² Высказывалось также мнение, что впервые об Аральском море упомянул арабский автор Ибн-Руста, писавший между 903 и 913 гг.¹³

Имеются, однако, основания считать, что античным авторам Аральское море было уже известно. Выше была сделана попытка показать, что об этом озере упоминал Страбон (см. гл. V). Некоторые исследователи предполагали, что и Аристотель знал о существовании Арала, поскольку он рассматривал Каспийское и Гирканское моря как разные водные бассейны (*Meteor.*, II, 1, 10).¹⁴ К такому же выводу можно прийти на основании того места

¹² Томсон Дж. История древней географии. М., 1953, с. 191.

¹³ БСЭ, 2-е изд., т. 2, с. 610; см. также: Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950, с. 208 *сл.*; Верг Л. С. Аральское море (опыт физико-географической монографии). СПб., 1908. 580 с.

¹⁴ Напр., Иделер в комментариях к «Метеорологии» Аристотеля. Дж. Томсон (История древней географии, с. 133) оспаривал эту точку зрения.

из «Метеорологии», где Аристотель упоминает о великих азиатских реках Араксе и Танаисе (Амударье и Сырдарье), впадающих в Меотийское (т. е. Аральское) озеро (см. ниже).

Уже в античности некоторые более поздние авторы (не современники похода)¹⁵ решили, что название Меотийского к Аральскому морю приложили воины Александра Македонского, которые приняли Яксарт (Сырдарью) за Танаис (Дон) и соответственно — озеро, куда впадает Танаис, за Меотийское (Азовское).

Следует заметить, что предложенное еще античными писателями и принятое на веру современными исследователями объяснение относительно «путаницы» выглядит безусловно неубедительным: ведь целью Александра было завоевание персидских владений, и он, несомненно, достаточно хорошо был осведомлен об их границах.¹⁶ В. Хейдел справедливо отмечает зависимость всех без исключения историков Александра от древних ионийских карт, которые были основаны на информации, полученной во время восточных завоеваний Дария.¹⁷ По его мнению, и карта Гекатея отражала собранную тем же путем информацию.

Как в свое время Кир воевал с массагетами за Араксом (Оксом-Амударьей) и основал здесь город, так и Александр, переправившись через Окс и выйдя к Яксарту, установил границу своих владений, основав здесь так называемую Александрию Дальнюю (Ходжент, совр. Ленинабад). В пользу достаточного его знакомства с местностью свидетельствует также его путь от Вавилона через Сузы на Персеполь, а затем на Экбатаны — т. е. ориентация на существующие горные проходы — и далее через Парфию, Ариану, Бактрию и Согдиану. Ведь переправившись через Окс (Амударью), Александр прекрасно отдавал себе отчет в том, что за река перед ним. С какой же стати Танаис-Яксарт он вдруг принял за Танаис-Дон?

¹⁵ См., напр.: Strab., XI, 7, 4; Plut., Alex. Magn., XLIV—XLV; Plin., HN, VI, 49; Arrian., Anab., V, 3, 1 sq.; Solin., 49, 5.

¹⁶ Ср.: Strab., XI, 11, 4: «Александр, как говорят, основал 8 городов в Бактрии и Согдиане и несколько разрушил, среди них — Карпаты в Бактрии..., Мараканды в Согдиане и Киры — самый последний основанный Киром город, лежащий на Яксарте, где был предел персидской державы».

¹⁷ Heidel W. The Frame of the Ancient Greek Maps. N. Y., 1937, p. 13.

К тому же Александра сопровождали образованные и знающие люди, которые уже имели какой-то, скорее всего, литературный, запас традиционных знаний об истории и географии стран, по которым предстояло пройти, — следовательно, из литературной традиции им могло быть известно древнее название Танаиса-Яксарта. Как правильно отметил И. В. Пьянков, в географических представлениях спутников и историков Александра об отдаленных странах совмещены два слоя: один — знания, усвоенные еще до походов, другой — знания, полученные во время походов.¹⁸ Таким образом, называя Сырдарью по книжной традиции Танаисом, сподвижники полководца стали называть ее Яксартом, после того как познакомились с ней на местности.

О том, что эта река называлась Танаисом и до похода Александра, свидетельствует уже Аристотель (*Meteor.*, I, 1 i, 15—16), сообщающий, что с горы Парнас текут крупнейшие реки Азии — Бактр, Хоасп, Аракс, Танаис, впадающий в Меотийское озеро, и Инд: Ἐκ μὲν οὖν τούτου [ἐκ τοῦ Παρνασσῶ] ρεοῦσιν ἄλλοι τε ποταμοὶ καὶ ὁ Βάκτρος καὶ Χοάσπης καὶ ὁ Ἀράξις· τούτου δ' οὐ Τάναϊς, ἀποσχίζεται μέρος ὧν εἰς τὴν Μαίωτιν λίμνην. Περὶ δὲ καὶ Ἰνδὸς ἐξ αὐτοῦ. В «Scythica et Caucasica» В. В. Латышева (и соответственно в переиздании, предпринятом «Вестником древней истории»¹⁹) выделенное место переведено таким образом, будто Танаис отделяется от Аракса: «От последнего (т. е. от Аракса) отделяется в виде рукава Танаис».²⁰ Несомненно, такой перевод возможен, тем более что глагол ἀποσχίζομαι часто применяется для обозначения бифуркации рек.²¹ Однако в данном случае слова τούτου δ', скорее всего, должны быть отнесены не к последнему слову предыдущей фразы (ὁ Ἀράξις), а соотнесены с начальными словами: ἔκ μὲν οὖν τούτου (т. е. ἐκ τοῦ Παρνασσῶ), и тогда получается, что с Парнаса текут не только Бактр, Хоасп, Аракс и другие реки, но от него же отделяется и Танаис, что, кстати говоря, точно соответствует действительности, так как Сырдарья (а в данном контексте Аракс и Та-

¹⁸ Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. — ВДИ, 1964, № 3, с. 119.

¹⁹ ВДИ, 1947, № 2, с. 323.

²⁰ SC, т. I, с. 373.

²¹ См.: Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1980, с. 23—24.

наис — бесспорно две среднеазиатские реки Амударья и Сырдарья, и попытка считать Танаис Доном лишь вносит ненужную путаницу²²) на самом деле имеет истоки на Тянь-Шане, о котором (правда, в расширительном смысле) и идет речь у Аристотеля. Что именно так следует переводить этот текст, подтверждает также последняя фраза отрывка: Ῥεῖ δὲ καὶ ἡ Ἰνδὸς ἐξ αὐτοῦ, т. е.: «С него же (с Парнаса, — И. К.) берет начало и Инд».

Аналогичную картину можно отметить в переводе Псевдо-Орфеева «Похода Аргонавтов» (ст. 748 сл. = SC, т. I, с. 913): «Там крупная гора Синд и цветущие луга, и поток многошумной реки Аракса, из которой текут Фермодонт, Фасис и Танаис». Отметим, прежде всего, что речь идет, судя по упоминаниям обитающих здесь племен — колхов, гениохов и абасгов (ст. 751), о кавказском Араксе. Получается, следовательно, совершенно бессмысленное утверждение, будто Фермодонт, Фасис и Танаис (в данном случае — Кубань) берут начало из Аракса. Приведем полностью греческий текст:

οὐ Σίνδης ὄρος αἰπυ καὶ εὐθαλέες λειμῶνες· ἔντα χ' Ἀράξειω ρεῦμα μεγαμβρεμέτου ποταμοῦ, ἐξ οὗ Θερμῶδων, Φᾶσις Τάναϊς τε ρεοῦσιν.

Ῥεῖ οὗ здесь относится не к Ἀράξειω, а — совершенно бесспорно — к Σίνδης ὄρος: «с которой (с горы Синда) текут Фермодонт, Фасис и Танаис»; в этом случае становится ясным и весь отрывок.

Таким образом, Танаис Аристотеля берет начало с горы Парнас и впадает в Меотийское озеро, которое, следовательно, должно соответствовать Аральскому морю (т. е. Аристотель правильно указал не только истоки, по и устье Сырдарьи). В таком случае утверждение, что скифы раньше жили за Араксом (Амударьей), равносильно утверждению, что они жили у Меотийского (Аральского) озера. Для Геродота, однако, Меотийское озеро — это нынешнее Азовское море. Интересно, что он называет его λίμνη («озеро»), а не θάλασσα («море»), хотя греки, несомненно, знали, что Меотида не является замкнутым водным бассейном, — ведь раньше всего они колонизовали в этом районе берега пролива, соединяющего Меотиду с Понтом Евксинским; кроме того, они прекрасно отдавали себе отчет в существовании стока избыточных вод

²² Ср., напр., примечание Л. А. Ельницкого к этому месту (ВДИ, 1947, № 2, о. 323, примеч. 3).

из Меотиды в Понт, — это отразилось, в частности, в обозначении Меотиды как «матери моря», «кормилицы моря», возможно, от созвучного греческого *ματα* — «мать», «кормилица». По-видимому, здесь можно усматривать еще одно доказательство перенесения названия «Меотпйское озеро» с Аральского озера на Азовское море; при этом словосочетание было уже настолько устойчивым, что, вопреки очевидности, и море стали называть озером. Этим перенесением названия, скорее всего, и объясняется, что геродотовские скифы «вернулись» из переднеазиатских походов не в области за Араксом, а к Меотпйскому (Азовскому) морю, в Северное Причерноморье.

Возможно, устойчивости словосочетания могла способствовать и заболоченность берегов обоих названных бассейнов, ведь *λίμνη* может означать и «болото». Интересно, что латинские авторы лишь в единичных случаях называли Азов морем (шаге), довольно редко — озером (*lacus*), чаще всего передавая греческое *λίμνη* как *palus* («болото»), так как, по-видимому, они отдавали себе отчет в том, что Азов не может быть назван озером, и в то же время греческое *λίμνη* не может быть передано как «море».

Довольно любопытно, что латинские авторы иногда употребляют «Меотийские болота» или «Меотийские озера» во множественном числе. Возможно, греческое *Μαιώτιδες λίμναι* («Меотийские озера») вполне отвечало сути дела, отражая факт существования двух Меотийских озер (одно из которых было на самом деле морем). Такое употребление во множественном числе встречается у Лукана (*De bello civ.*, IV, 119: *piger paludes* — scil. Maeotis), т. е. «медленные (вялые) болота», у Манилия в его «Астрономии» (*Maeotisque lacus* — IV, 677) и у Плиния (*lacus Maeoti* — VI, 1; *a Maeotis paludibus* — XXVII, 2), причем речь идет, судя по контексту, именно об обоих водных бассейнах. Так, Манилий, начав свое описание пределов Азии от Индии и парфян, упоминает затем о народах между Тавром и Танаисом (т. е. Сырдарьей), о Меотийских озерах, Понте Евксинском, Геллеспонте и Пропонтиде, у которой кончаются границы Азии. Ясно, таким образом, что под Меотийскими озерами он имеет в виду не одно только Аральское озеро, но и Азовское море, а, возможно, также и Каспий (ср. упоминание Аммиана Марцеллина о Каспийских озерах за албанцами и массагетами: *Caspios lacus* — XXIII, 5, 16).

То же самое выражено у Плиния (VI, 1): «Понт Евксинский. . . разливается и к Европе, и к Азии... И от Боспора также ненасытно разливается он на другое обширное пространство, пока Меотийские озера не присоединят к его разливу и свои стремления». И далее в этой же книге Плиний описывает внутренние области всей пограничной с Европой Азии вплоть до Каспийского моря, Бактрии, Согдианы и Яксарта, который, как, по-видимому, считает Плиний (вслед за Эратосфеном), впадает в Каспийское море (VI, 36). Следовательно, можно думать, что под Меотийскими озерами наряду с Азовским морем имелось в виду также представление об общем Арало-Каспийском бассейне.²³

По Геродоту получается, что скифы несколько раз повторяли свое движение то в одном, то в обратном направлении, подобно маятнику: из Средней Азии они пришли в Северное Причерноморье, затем опять направились в Азию — Переднюю и Малую, отсюда — снова в Причерноморье. В то же время другие источники, и письменные, и археологические, дают все основания предположить, что скифы пришли в Северное Причерноморье из Азии через Кавказ в начале VI в. до н. э. и что их появление там было событием единовременным и, если можно так выразиться, единоподвижным, т. е. скифы появились в Предкавказье и у Меотиды уже после переднеазиатских походов и дальнейшая их история связана не с походами на юг, а с постепенным проникновением в северочерноморские степи.

Разумеется, трудно поверить, что добросовестный и надежный Геродот перевернул с ног на голову ход событий. Однако имеется и другой случай заподозрить Геродота в подобной перестановке: речь идет об изложении событий скифского похода Дария (IV, 118—142). Поскольку важность (и запутанность) данного сюжета не вызывает сомнений, представляется целесообразным посвятить ему специальную главу.

²³ Ср. также свидетельство Павла Оросия (начало V в.) о р. Танаисе, которая, «протекая мимо алтарей и рубежей Александра Великого, находящихся в пределах робасков, увеличивает Меотийские болота» (Maecotidas paludes — Hist. adv. pagan., I, 2, 4-6).

СКИФСКИЙ ПОХОД ДАРИЯ

*

Уже упоминалось,¹ что именно в этом эпизоде (IV, 118—142) содержится более всего неясностей, противоречий и даже фантастики. Сведения Геродота о походе можно прокорректировать сообщением Ктесия (F. Gr. Hist., 688, 13, 20—21) и Страбона (VII, 3, 14), которые существенно отличаются от данных Геродота. По Ктесию, Дарий после переправы через Истр продвинулся в глубь Скифии всего на 15 дней пути; по Страбону, Дарий дошел лишь до «пустыни гетов» (между Истром и Тирасом) и повернул назад, чтобы не погибнуть от жажды. Павел Оросий (Adv. Pagan., II, 8, 4) также свидетельствует, что Дарий вторгся в Скифию лишь за Истр: «Так как враги не давали случая вступить в правильный бой и, сверх того, внезапными нападениями тревожили фланги войска, то Дарий, боясь, как бы не сломали мост через реку Истр и не отрезали ему отступления, в страхе бежал обратно, потеряв 80 тысяч воинов,² хотя это число погибших он и не считал за важную потерю».

Одни исследователи давно подвергли сомнению сведения Геродота о продолжительности и дальности похода Дария,³ однако другие, возражая против скептической оценки надежности рассказа о походе, пытались доказать его достоверность с помощью самых различных, зачастую даже фантастических построений: так, отмечали, что по-

¹ См. выше, с. 6.

² Из 700 тыс.

³ D'Anville J. B. *Examen critique d'Herodote, sur ce qu'il rapporte de la Scythia.* — In: *Memoires de littérature tirees des registres de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres.* Paris, 1770, t. XXXV, p. 585 suiv.; Dahlmann F. *C Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte.* Altona, 1823, Bd II, H. 1, S. 161; Mannert K. *Geographie der Griechen und Römer.* Nürnberg, 1795, Bd IV, S. 138 folg.; Hansen A. *Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippokrates.* Dorpat, 1844, S. 127 folg.

ход длился на самом деле более 60 дней,⁴ что Геродот спутал Танаис (Дон) с Тирасом (Днестром) и что, следовательно, Дарий шел не на восток, а на север;⁵ некоторые предполагали также, исходя из идентификации р. Оар с одним из притоков Истра, что поход был направлен не на восток, а на запад;⁶ не менее искусственной была гипотеза Ф. Бруна,⁷ отождествлявшего Танаис с реками Молочной и Миусом, а Оар — с Кальмиусом и соответственно строившего схему похода.

Большинство же исследователей, признавая историческую достоверность рассказа Геродота о первом этапе похода (от Суз до Дуная), основанного на надежных греческих источниках, считает, что вторая часть (о походе по ту сторону Дуная) — совершенно искусственна и неправдоподобна, так как персидское войско не могло продвинуться столь далеко на восток, и что сведения Страбона более достоверны.⁸ Советские исследователи также в большинстве придерживаются той точки зрения, что Геродот сильно преувеличивал расстояние, пройден-

⁴ De Guignes. *Memoire dans lequel on entreprend de fixer la situation de quelques peuples Scythes dont il est parlé dans Herodote...* — *Mémoires de Littérature*, 1770, t. XXXV, p. 545 suiv.; Lindner F. *Skythien und die Skythen des Herodot und seiner Ausleger*. Stuttgart, 1841, S. 190; Rawlinson, ad IV, 133.

⁵ Eichwald Ed. *Darius Hystaspes zieht nach der Gegend von Pinsk*. — *Dorp. J.*, 1834, Bd III, H. 1, S. 3 folg.; Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — *ЗООИД*, 1844, т. 1, с. 105 сл.; Rawlinson, ad IV, 133.

⁶ Kolster W. *Das Land der Skythen bei Herodot und Hippokrates*. — *APhP*, 1846, Bd XII, S. 576 folg.; 1847, Bd XIII, S. 24 folg., 62 folg.; Bury J. B. *The European Expedition of Darius*. — *CR*, 1897, t. XI, p. 277 follow.

⁷ Брун Ф. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях. — В кн.: Брун Ф. *Черноморье*. Одесса, 1880, ч. II, с. 52 сл., 91.

⁸ Stein, ad IV, 122; Abicht, ad IV, 122; Macan R. W. *Herodotus*. The 4th, 5th and 6th Books. London, 1895, t. II, p. 33 follow.; Мищенко Ф. Г. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с древнегреческого. М., 1884—1886, т. I—II, Указатель к переводу, с. 192; Gutschmidt A. von. *Die Skythen*. — In: *Kleine Schriften* / Hrsg. von F. Rühl. Leipzig, 1892, Bd III, S. 435 folg.; Meyer E. *Geschichte des Altertums*. Stuttgart, 1893, Bd III, S. 14; How W. W., Wells J. *A commentary on Herodotus*. Oxford, 1928, t. I, p. 432; Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 116; Ebert M. *Siidrussland im Altertum*. Bonn; Leipzig, 1921, S. 107 folg.; Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 84 follow.; Bengtson H. *Griechische Geschichte*. München, 1960, S. 136 und Anm. 5; Хенниг Р. *Неведомые земли*. М., 1961, с. 147.

ное Дарием, и что персидский царь вряд ли прошел далее Ольвии.⁹

Однако при такой постановке вопроса остается без объяснения участие затанаисских племен (будинов, гелонов и савроматов) на стороне скифов в борьбе против Дария. Это обстоятельство, а также тот факт, что в изложении Геродота отсутствуют указания на переправы войск Дария через полноводные скифские реки, за исключением Истра и Танаиса, наводят на мысль, что был не один, а два похода Дария, — по-видимому, это и есть то зерно истины, которое можно все-таки извлечь из сообщения Геродота. Несомненно, эти походы могли быть и скорее всего действительно были разновременными, а Геродот, который писал свою историю почти столетие спустя после походов, когда они уже обросли легендами, соединил разные экспедиции Дария в одно предприятие.

Мысль о возможности такого разделения высказывал уже Ф. Хадсон,¹⁰ по мнению которого, Геродот мог смешать с походом персов к Истру также одну из их пограничных операций против будинов. Племя будинов Ф. Хадсон размещал на территории от Астрахани до Кавказа, у северной границы Персии. Надо при этом заметить, что кавказская локализация будинов имеет под собой достаточно реальные основания в сообщениях античных авторов¹¹ и что таким образом локализовали бу-

⁹ Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 133; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 29; Артамонов М. И. Скифское царство. — СА, 1972, № 3, с. 59. Ср.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 172 сл. (по мнению Б. А. Рыбакова, рассказ Геродота о походе достоверен и персы дошли до северного побережья Азовского моря).

¹⁰ Hudson P. The Land of the Budini. — CR, 1924, t. XXXVIII, p. 158 follow. А. Герман (Herrmann A. Die Saken und der Skythenzug des Dareios. — In: Oppenheim-Festschrift. Berlin, 1933, S. 157) высказал предположение, что Геродот смешал известия о двух различных событиях: сухопутное войско Дария двинулось к Боспору Фракийскому (проливу Босфор), в то время как флот его направился к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), с тем чтобы потом попытаться соединиться с сухопутным войском (непонятно, правда, где л каким образом, потому что А. Герман предполагал, что флот должен был продвигаться по нижнему течению Дона ближе к Волге).

¹¹ См. об этом: Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал. — СА, 1970, № 2, с. 70 сл.

динов еще Де Гинь (на Кубани и в Черкесии),¹² а затем К. Маннерт и К. Цейсс (между Кавказом и Каспийским морем),¹³ а также С. Кассон (между Астраханью и Кавказом, по направлению к Каспию);¹⁴ кавказской ориентации будинов и гелонов придерживается в настоящее время Л. А. Ельницкий (на Западном Кавказе).¹⁵

По-видимому, нельзя исключать возможность предкавказской локализации будинов и гелонов, однако для нашей темы это не является решающим фактором. При рассмотрении восточной экспедиции Дария (а западную, за Истром, точнее можно представить по Страбону) следует взять за ориентир, во-первых, переправу персов через Танаис (в данном случае — скорее всего Кубань), во-вторых, объединение будинов, гелонов, савроматов (будь то прикавказские или затанаисские племена) со скифами для сопротивления Дарию. Если принять во внимание, что граница персидских владений при Дарии проходила по Кавказскому хребту, а скифы, ушедшие из Передней Азии и осевшие в Предкавказье и Прикубанье, были достаточно беспокойными соседями и давними противниками персов, то рейды Дария (или его полководцев) за Кавказский хребет с целью усмирения воинственных соседей и обеспечения мира и спокойствия на границе можно рассматривать как вполне закономерные и необходимые.

Чтобы яснее представить ход пританаисских событий, приведем сжатый пересказ текста Геродота.

Гл. 118. Скифы отправляют послов ко всем племенам.

Гл. 119. Цари гелонов, будинов и савроматов единодушно обещают помощь, тогда как цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров отказывают в союзе на том основании, что поход Дария не имеет к ним отношения.

Гл. 120. Скифы ввиду этого решают не давать открытого сражения, но отступать перед Дарием, засыпая колодцы и опустошая страну. Они разделяются на два отряда, один из которых, во главе со Скопасисом, должен

¹² De Guignes, Mémoire..., p. 549 suiv.

¹³ Mannert K. Geographie der Griechen und Römer, S. 138; Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 703.

¹⁴ Casson S. Herodotus and the Caspian. — ABSA, 1918—1919, t. XXIII, p. 175 follow.; его локализацию и принял Ф. Хадсон.

¹⁵ Там же, с. 70 сл.

отступать вдоль Меотийского озера, заманивая персов К Танаису, а если персы повернут назад, то преследовать и нападать на них. К этому отряду примкнули савроматы. Другой отряд, к которому присоединились гелоны и будины, должен был, отступая, заманивать персов в земли тех племен, которые отказались принять участие в борьбе. Далее отряд Должен был повернуть в свою страну и напасть на врага.

Гл. 121. Приняв это решение, скифы выступили навстречу Дарию. Женщин и детей, а также свои стада они отправили на север.

Гл. 122. Персы, обнаружив конницу противника, немедленно пошли по следам непрерывно отступавших скифов, преследуя их к востоку и в направлении Танаиса. Когда скифы переправились через Танаис, персы также переправились вслед за ними и, пройдя страну савроматов, продолжали преследование вплоть до пределов будинов.

Гл. 123. У будинов Дарий натолкнулся на деревянную крепость и сжег ее. Пройдя страну будинов, персы дошли до пустыни, отделяющей будинов от тиссагетов.

Гл. 124. В пустыне, на р. Оар, Дарий начал возведение восьми больших крепостей, развалины которых, как утверждает Геродот, сохранились до его времени. Оставив крепости недостроенными, Дарий опять бросился преследовать скифов (и далее Геродот ведет его уже на запад, через земли меланхленов, андрофагов и невров к агафирсам и к Истру, через который Дарий снова переправляется, чтобы вернуться домой).

Изложение пританаисских событий Геродот увязывает с переправой через Истр: встретив Дария приблизительно в трех днях пути от Истра, скифы с савроматами, будинами и гелонами в течение какого-то очень короткого времени заставили его переправиться через Танаис (IV, 122). Невероятность такого хода событий и во временном, и в пространственном измерении достаточно очевидна.

Напротив, если представить, что Дарий или кто-то из его полководцев, пройдя одним из Кавказских проходов в Предкавказье, начал преследование противника, отступавшего вдоль Меотийского озера к Танаису (Кубани), то можно считать, что такой ход событий вполне отвечает логике вещей, тем более что он по существу не противоречит тексту Геродота, если только представить ход собы-

тин в обратном порядке. К тому же Геродот сообщает, что скифы отправили свои стада на север, т. е., видимо, в направлении, прямо противоположном тому, в котором они сами выступили навстречу персам. Тогда понятным делается и построение крепостей на одной из речек, впадающих в Азовское море, — возможно, также на Кубани, как предполагал еще Де Гинь.¹⁶ Укрепив свои позиции возле персидской границы (вероятно, эти укрепления впоследствии были приняты за недостроенные крепости), персы совершили рейд по стране отступавшего противника, перешли за р. Танаис и, скорее всего, так и не дав решающего сражения, но считая свою миссию — устрашение врага — выполненной, вернулись в свои пределы.

Геродот же связал эти события с западной экспедицией Дария и дал им другое направление, подобно тому как он заставил скифов и киммерийцев идти в Азию через Кавказ.

¹⁶ De Guignes. Mémoire. . . , p. 547 suiv.

Глава VIII

ТАНАИС КАК ГРАНИЦА ЕВРОПЫ И АЗИИ

В связи со скифским походом Дария снова настойчиво встает вопрос об идентификации р. Танаиса. Как уже не раз было отмечено, название Танаис прилагалось в античности к трем рекам — Сырдарье, Кубани и Дону. Между тем современные исследователи, как правило, отождествляют Танаис с Доном, внося тем самым в тот или иной источник непримиримые противоречия, которых на самом деле в нем нет и которые устраняются только при правильной идентификации. Непредвзятый подход к источнику и верное определение содержащихся в нем этнических и географических объектов дают возможность извлечь из него гораздо более обширную и достоверную информацию по сравнению с привычной. Но для такого подхода нужны определенные критерии. При идентификации Танаиса, как представляется, необходимые ориентиры может дать анализ античных представлений о разграничении ойкумены.

Насколько известно, первое картографическое разделение мира на Европу и Азию, к которой принадлежала и Ливия (т. е. Африка), связано с именем Анаксимандра.¹ Граница между двумя материками проводилась по Среди-

¹ Гомеровская география еще не знает деления мира ни на два, ни на три континента (см.: Bunbury E. H. A History of Ancient Geography. N. Y., 1959, p. 38; Томсон Дж. История древней географии. М., 1953, с. 45). Гомер даже не упоминает названий ни Европы, ни Азии (если не считать упоминания об азиатском луге у р. Каистра (П., И, 461), что является, по мнению Банбери, просто местным обозначением). Имя Европы впервые встречается в Гомеровском гимне Пифийскому Аполлону (73, 112), т. е. значительно позже Гомера. Но и там оно обозначает всего лишь материковую Грецию в противоположность Пелопоннесу и островам Эгейского моря. Для Гесиода Европа и Азия — имена дочерей Океана, а Геродот отказывается сказать что-либо определенное о том, почему и как женские имена стали названиями континентов (IV, 45). До Геродота упоминания о Европе, Азии и Ливии как о материках встречаются у Гекатея (см. ниже) и у Пиндара (Pyth., IX, 7 sq.).

земному морю, Пропонтиде, Геллеспонту, Понту **Эвксинскому**, р. Фасис (или перешейку между Понтом и Каспием) и Каспийскому морю, т. е. в широтном направлении.² При этом Европа и Азия считались равными по величине (см.: Hdt., IV, 36) и простирающимися от Геракловых Столбов (Гибралтарского пролива) до Индии и Восточного Океана, который, по весьма распространенным в древности представлениям, начинался сразу за Индией и омывал землю на востоке.

Большинство исследователей считает, что меридиональное отграничение Европы от Азии по **Танаису** (Дону), хотя и возникло позже широтного, но было все же достаточно ранней традицией, связанной с именами не только Геродота, но уже и Гекатея. Однако действительно ли это было так?

Обратимся прежде всего к Гекатею, географические воззрения которого, как принято считать, нашли отражение у Эсхила. Относительно границы между Европой и Азией имеются три на первый взгляд противоречащие друг другу высказывания: с одной стороны, Эсхил называет границей материков р. Фасис,³ с другой — Киммерийские переправы (точнее, «проход», «ворота» — *γυαῖαι*) через **Меотийский** (Керченский) пролив,⁴ с третьей — р. **Танаис**.⁵

Проведение границы по Фасису является, бесспорно, древней традицией. По мнению Ф. Якоби,⁶ оно восходит еще к милетским сказаниям об аргонавтах. По-видимому, Гекатей следовал именно этим представлениям, когда он выводил Фасис из Океана (F. Gr. Hist., fr. 18). При таком разграничении граница идет параллельно экватору, разделяя противоположащие друг другу материки: Европу — к северу, Азию — к югу. Но при этом если под Танаисом Гекатея подразумевать Дон, то противоречия выглядят

² См.: Дитмар А. Б. К истории вопроса о границе между Европой и Азией. — Учен. зап. Ярослав. гос. пед. **ин-та**, 1958, вып. XX (XXX), ч. 1, география, с. 36; В e r g e r H. Geschichte der **wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen**, Leipzig, 1887, Bd I, S. 52 folg.; P e a r s o n L. Early Ionian historians. Oxford, 1939, p. 28.

³ В «Освобождаемом Прометее» — см. фрагмент у **Арриана** (Peripl. Pont. **Еux.**, 29); ср.: Peripl. Anonym., 70; Procop., Hist. Goth., IV, 6.

* В «Прометее прикованном» (755 **сл.**).

⁵ В «Освобождаемом Прометее» — см.: Schol. ad Dionys., 7 (ad Perieg., 658 **sq.**); ср.: Schol. ad Aeschyl., Prom., 790.

⁶ F. Gr. Hist., **Comm.** ad Hecat., fr. 195.

действительно **неустрашимыми**, так как подобное разграничение исключает проведение границы по Фасису. Якоби предложил считать Танаисом р. **Гипанис** (Кубань). Действительно, название Танаис прилагалось в древности к этой реке: например, в Перипле Псевдо-Скимна (871—873) о Танаисе сообщается, что он впадает одним устьем в Меотиду, а другим — в Киммерийский Боспор (Керченский пролив), т. е. в данном случае Танаис не может быть никакой другой рекой, кроме **Гипаниса**. То же самое повторяется в Перипле Анонима (75). Следует отметить также, что у Вибия Секвестра в алфавитном перечне географических имен, встречающихся у известнейших римских поэтов (Вергилия, Овидия, **Лукана** и др.). о Гипанисе сказано, что он отделяет Азию от Европы (*De flum.*, s. v. Hypanis). Вибий Секвестр ссылается при этом на строку Корнелия Галла, одного из видных поэтов Августова века: Гипанис «одной рекой разделяет две земли» (*uno tellures dividit amne duas*).

При отождествлении Танаиса с Гипанисом (Кубанью) снимается отмеченное выше противоречие, особенно если допустить, что название Фасис необязательно связано с р. **Риони**, а может относиться к Гипанису (б такой возможности подробно говорит Ф. Якоби,⁷ а также Л. А. Ельницкий,⁸ отмечающий даже и сходство названий: *Ἰπανίς* — *Ἰπασίς* — *Ἰφασίς*). Тогда все три приведенные утверждения сводятся к одному: граница пересекает Керченский пролив и продолжается по р. Кубани, оставляя Европу к северу, а Азию — к югу. Ведь Гекатей проводил границу в широтном направлении, и это подчеркивается тем обстоятельством, что он говорит о границе не по Киммерийскому Боспору (т. е. вдоль, по меридиану), а о переходе через него, т. е. о пересечении пролива. В этом случае естественным продолжением границы является Танаис-Кубань, тогда как Дон исключается.

Однако не только Танаис-Кубань снимает противоречия, но и другая река, также известная с древности под именем Танаиса, — Яксарт (Сырдарья). В самом деле, если продолжить границу, идущую через Гераклов пролив и Гирканское море на восток, до Индии, то естественным продолжением ее за Каспийским морем оказывается **Меотийское** (Аральское) озеро и впадающая в него

⁷ Ibid.

⁸ Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 61.

р. Танаис (Сырдарья), устье которой лежит почти на одной широте с устьем Кубани.

Правда, понятие широты еще, по всей видимости, не было присуще грекам,⁹ но не следует забывать, что Гекатей вполне в русле ионийских представлений считал Европу и Азию-Ливию равными по величине, и это дает нам право графически продолжить границу до Танаиса-Сырдарьи. Логическое рассуждение здесь довольно простое: по представлениям ионийцев, и в том числе Гекатея, всю Азию от мыса Микалы пересекал горный хребет, имеющий различные названия в определенных местностях и называющийся общим именем Тавра; Тавр заканчивался так называемым Индийским Кавказом. Поскольку Тавр, как считалось, делил всю Азию на две равные части, а южная граница Азии доходила до Персидского залива и Индии, то нетрудно домыслить северную половину Азии, граничащую с Европой по Танаису-Сырдарье. Нельзя забывать, что именно Гекатей существенно дополнил знания греков о восточных частях Азии вплоть до Индии (и долгое время он оставался признанным авторитетом в этой области), причем своей информацией он был обязан достоверным источникам: сведениям персов о завоеваниях Дария на востоке, об экспедиции Дария в Индию и рассказу о путешествии Скилака.¹⁰

Считается, что название Танаис приложили к Сырдарье воины Александра, спутав ее с Доном. Однако, как выше уже было отмечено (см. с. 132 сл.), предположение о путанице логически маловероятно и есть основания считать, что спутники Александра называли Яксарт (Сырдарью) Танаисом, скорее всего, потому, что такое название за этой рекой сохранила ионийская ученая традиция. А что Сырдарья еще и до походов Александра называлась Танаисом — об этом свидетельствует уже цитированное место из «Метеорологии» Аристотеля (с. 133 сл.).

Мы зачастую находимся в плену привычных нам отождествлений и поэтому иногда приписываем античному источнику путаницу там, где ее на самом деле нет и куда

⁹ Считается, что его первым ввел Эратосфен, хотя уже первые ионийские карты строились на экваториально-осевой линии (см. подробнее: *Myles J.* An attempt to reconstruct the maps used by Herodotus. — *Geogr. J.*, 1896, t. VIII, dec, p. 605 follow.; *Heidel W.* The Frame of the Ancient Greek Maps. N. Y., 1937, p. 53 follow.).

¹⁰ *Pearson L.* Early Ionian historians, p. 65.

мы ее вносим сами, навязывая древнему автору свой, кажущиеся нам бесспорными представления. По-видимому, именно такая подмена произошла с Танаисом Гекатея. Однако о том, что Танаис Гекатея никак не может быть Доном, свидетельствуют, помимо вышеприведенных, еще некоторые соображения. Гекатей назвал кавказские племена дандариев (fr. 191) и типаниссов (fr. 192) европейскими (*Ἐκαταῖος Εὐρώπῃ*), а кавказских же колов и кораксов (fr. 209, 210) отнес к Азии. Такое размещение племен приводило в недоумение комментаторов, полагающих, что здесь допущена какая-то путаница.¹¹ И в самом деле, если исходить из неверного допущения, что Гекатей проводил границу по Дону, это является непримиримым противоречием, однако вполне укладывается в схему размещения племен при проведении границы по горизонтالي.

В кажущееся противоречие с таким широтным проведением границы вступает упоминание Гекатея о Гермонассе (fr. 2, 10) и о святилище Афродиты в Фанагории (fr. 211, 212) в той части его труда, которая озаглавлена «Азия». Это дало повод комментаторам считать, что восточный берег Боспора Киммерийского отнесен Гекатеем к Азии, и проводить границу по Боспору (по вертикали) с продолжением по Танаису-Дону. Следует, однако, еще раз повторить, что эти названия у Гекатея, скорее всего, связаны с одноименными поселениями на азиатском берегу Понта и не имеют никакого отношения к Киммерийскому Боспору (см. выше, с. 95 сл.).

Таким образом, при широтном разграничении ойкумены Танаис-Дон никак не может быть логически допущен, и под Танаисом Гекатея следует иметь в виду либо Гипанис-Кубань, либо Яксарт-Сырдарью. Более уверенно говорить о разграничении Азии и Европы по Танаису-Сырдарье позволяет то обстоятельство, что именно эту реку называют в качестве пограничной те, хотя и более поздние авторы, которые пользовались древнеионийскими источниками (историки Александра, Диодор, Полибий, Солин и др. — см. подробнее ниже).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что проведение границы по Фасису, Гипанису (Кубани), Танаису (Сырдарье) или же по перешейку между Понтом и Каспием — древняя традиция, восходящая по крайней

¹¹ Ibid.

мере к VI в. до н. э. Когда первоначальное деление ойкумены на два материка уступило место представлению о трех континентах, пределы Европы по-прежнему продолжали мыслиться от Гераклова пролива до Индии, а по размеру Европа считалась равной Азии и Африке, вместе взятым; при этом граница Европы с Ливией шла по Средиземному морю до Геллеспонта, от Геллеспонта до Индии Европа граничила с Азией, граница между Азией и Ливией шла либо по Нилу, либо по перешейку у Аравийского залива. Необходимо еще раз подчеркнуть, что подобное разделение ойкумены исключало проведение границы по Дону, и если мы принимаем на веру, что Гекатей первым разделил землю на три материка, выделив Ливию-Африку из состава Азии, и назвал границами Азии Танаис и Нил, то мы должны представлять очертания его Азии в пределах от Нила до Кубани и Сырдарьи, а отнюдь не до Дона.

По-видимому, таким же образом, как Гекатей и Эсхил, разграничивали материка Пиндар и Софокл. Во всяком случае первый называл границами Фасис и Нил (Pind., *Isthm. V'*, 41—42), что исключает Танаис-Дон, а второй — в «Скифах» — проводил ее (как свидетельствуют схолии к Дионисию — *ad Perieg.*, 658 sq.) таким же образом, как Эсхил, т. е. его Танаис опять-таки Кубань или Сырдарья, но не Дон.

Геродоту, как считается, известны обе точки зрения (т. е. не только проведение границы по Фасису, но и по Танаису-Дону),¹² однако такое предположение, на мой взгляд, не является обоснованным.

Рассмотрим прежде всего IV, 45, т. е. то место, где Геродот задается вопросом: почему одной и той же земле даны три разные названия по именам женщин, а границы между материками установлены по египетскому Нилу и колхидскому Фасису. «Некоторые же, — добавляет Геродот, — называют вместо Фасиса меотийский Танаис и Киммерийские переправы». Из данного отрывка можно сделать недвусмысленный вывод, что Геродот излагает точку зрения тех ионийцев, которые делили ойкумену на три материка (хотя ему известно и разделение мира на две части — Европу и Азию, к которой причислялась Ливия, — IV, 36). Границами трех материков в данном отрывке названы: 1) Нил — Фасис; 2) Нил — Танаис —

¹² См., напр.: Дитмар А. Б. К истории вопроса о гранце..., с. 36.

Киммерийские переправы. В первом случае граница Европы с Ливией безусловно идет в экваториальном направлении; по-видимому, и во втором случае имеется в виду широтная граница, так как назван не Киммерийский Босфор, а переправа через него, его пересечение. Да и сам Геродот стоит на точке зрения трехчленного деления мира,¹³ называя границей Европы и Азии Геллеспонт, Понт, реки Фасис и Аракс (армянский) и Каспийское море (IV, 37, 38, 40), т. е. проводит горизонтальную границу. Он оспаривает лишь проведение границы между Азией и Ливией по Нилу (II, 16), считая, что в качестве таковой может служить только перешеек у Аравийского залива; как отмечает Геродот, ионийцы, разделив ойкумену на три части и проведя границу по Нилу, показали, что они не умеют считать, так как получается, что одна часть Египта относится к Ливии, другая же — к Азии, а между тем Нил образует обширную дельту, которая при таком делении не может быть отнесена ни к Азии, ни к Ливии и должна считаться четвертой частью земли.¹⁴

Таким образом, и точка зрения ионийцев, приведенная Геродотом, и точка зрения самого Геродота относительно границы Европы с Азией и Ливией основаны на линии, идущей в экваториальном направлении, с запада на восток, следовательно — Танаис может быть Кубанью и Сырдарьей, но не Доном.

Такое же широтное разграничение мира нашло отражение в приписываемом Аристотелю трактате «О мире» (гл. III), где пределы Европы очерчены от Геракловых Столбов до Понта, Гирканского моря и узкого перешейка между ними. «Некоторые же называют от перешейка (ἀπὸ τοῦ ἰσθμοῦ) реку Танаис», — т. е. безусловно Сыр-

¹³ Это доказательно обосновывается несколькими его заявлениями: в IV, 36 он осуждает и осмеивает тех землеописателей, которые изображали Азию равной по величине Европе, тогда как последняя, по мнению Геродота (IV, 42, 45), только по длине равна Азии и Ливии, вместе взятым; в IV, 41 Геродот, закончив описание Азии, приступает к описанию третьего материка — Ливии. Когда же он пишет, что его удивляет деление и разграничение земли на Ливию, Азию и Европу (IV, 42), то это вовсе не означает, что он возражает против такого разграничения, — его удивление вызвано тем обстоятельством, что все три материка совершенно не равны по величине — ни в длину, ни в ширину (ср. IV, 198).

¹⁴ Ср.: Strab., I, 2, 25.

дарью, а не Дон, и даже не Кубань, поскольку последняя не «от перешейка», а «на перешейке». В пределы Азии автор включает территорию к югу от вышеназванного перешейка и до другого перешейка у Аравийского залива. «Некоторые же полагают пределом Азии пространство от Танаиса до устья Нила», — отмечает автор; т. е. одни отделяют материки перешейками, другие — реками (ср.: Страбон I, 4, 7), но смысл один и тот же: в обоих случаях граница менаду Европой и Азией идет по горизонтали и, значит, не проходит по Дону.

Среди тех, кто также разграничивал части света по Сырдарье, следует назвать имя Поликлета из Лариссы, историка времени Александра Македонского.¹⁵ Как сообщает Страбон (XI, 7, 4), Поликлет проводил границу по Танаису-Яксарту, берущему начало с Индийских гор и впадающему в Меотийское (т. е. Аральское) озеро. При этом Поликлет считал Меотиду (Арал) и Каспийское озеро единым водным бассейном, как, по-видимому, и сам Страбон, утверждающий (там же),¹⁶ что Яксарт, подобно Оксу и другим рекам, впадает в Каспийское море, «находясь дальше всех на севере». Аналогичное описание встречается в Псевдо-Каллисфеновых «Деяниях Александра Великого», где, насколько можно судить по латинскому стихотворному переводу Юлия Валерия (*Res gest. Alex. Mac*, II, 52), о Танаисе сообщается: «Этот Танаис, текущий из северных стран в Каспийское море, отделяет, как говорят, Азию от Европы».

Особенно важно в этом отношении свидетельство Полибия (III, 37), который, разделяя ойкумену на три материка, границами между ними считал реки Танаис и Нил, а также пролив у Геракловых Столбов. Поскольку Полибий специально отмечает, что Европа противостоит на севере обоим материкам — Ливии и Азии — начиная от восхода солнца и до его заката, то можно сделать вы-

¹⁵ См.: Gr. Hist., N 128 et Comm.; Gisinger F. *Polykleitos*, 7. — RE, 1952, t XXI, col. 1700 sq.

¹⁶ Ср.: Strab., XI, 6, 1. Описывая по Эратосфену путь вокруг Гирканского (Каспийского) моря, Страбон приводит следующие цифры: вдоль областей албанцев и кадусиев (начиная от северного устья, соединяющего, по мнению Страбона, Каспийское море о северным океаном) — 5400 стадиев, затем вдоль областей ряда других племен и до устья Окса (Амударьи) — 4800 стадиев, а отсюда до устья Яксарта (Сырдарьи) — 2400 стадиев. Устье Яксарта, таким образом, опять-таки локализовано на Каспии. Ср. также: XI, II, 5.

вод, что Танаис Полибия не может быть идентифицирован с Доном. К тому же Полибий сам дает повод отождествлять его Танаис с Сырдарьей, причем знает, что он впадает не в Каспийское, а в Аральское (Меотийское) озеро: «Апасиаки живут между реками Оксом и Танаисом, из которых первая изливается в Гирканское море, а Танаис впадает в Меотийское озеро; обе реки по величине судоходны» (X, 48, 1).

Не случайно Страбон (II, 4, 5—6) критикует как ложное мнение Полибия о том, что Танаис течет «от летнего востока», тогда как «все сведущие в географии стран утверждают, что он течет с севера в Меотиду». Нет сомнения, что речь идет здесь о разных Танаисах, и значит, правы оба автора: Полибий, подразумевающий под пограничной рекой Сырдарью, и Страбон, имеющий в виду Дон.

Свидетельство Полибия представляется особенно важным потому, что он, как отмечают исследователи,¹⁷ не только изложил взгляды ионийцев, но пользовался и их древними картами.

Таким же образом очерчивает пределы Азии Диодор Сицилийский: от Танаиса до Нила (II, 2, 1), причем есть все основания, вопреки общепринятому мнению, считать, что Танаис Диодора также является Сырдарьей, ведь под Араксом и Танаисом Диодор имел в виду скифские реки на соседней с индийцами территории (II, 43 сл.), т. е. Амударью и Сырдарью. К тому же Диодор при написании своей «Библиотеки» пользовался трудами историков Александра, в которых Яксарт (Сырдарья) фигурировал под именем Танаиса.¹⁸

Несколько сложнее обстоит дело с «Землеописанием» Псевдо-Скимна, в котором под впадающим в Меотийское озеро Танаисом подразумеваются две реки — Кубань (Гипанис) и Сырдарья. Стихотворные строки, относящиеся к Танаису-Гипанису, уже были процитированы выше, но в том же отрывке (Perieg., 865 sq.) о Танаисе со ссылкой на Гекатея Эритрейского¹⁹ сообщается, что он отделяется от р. Аракса и впадает в Меотийское озеро. Эти сведения, несомненно, относятся к среднеазиатскому Танаису, хотя

¹⁷ Berger H. Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, S. 60 folg.; Heidelw. The Frame..., p. 49 follow.

¹⁸ См. подробнее с. 121 сл.

¹⁹ О нем нельзя сказать ничего определенного. См.: Hecataeos, 2. — RE, 1912, t. VII, col. 2666 sq.

в данном случае за него, по всей видимости, был принят аральский рукав Аракса (современное нижнее течение Амударьи), тогда как каспийский рукав этой реки, вероятно, рассматривался в качестве основного русла. Далее (869 sq.) приводится мнение Эфора о том, что Танаис вытекает из какого-то неизвестного озера, что в равной мере может быть отнесено к любой реке, так как в древности была широко распространена теория, что все реки имеют своими истоками озера.²⁰ Этот двухмерный Танаис и назван в Перипле границей Азии (874—875). Таким образом, смешение представлений о Танаисе началось еще в античности.

Та же путаница нашла отражение в Перипле Анонима (Псевдо-Арриан, V в. н. э.):²¹ «Далее после перечисления ряда народов лежит получившее свое название от меотов Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, вытекающий, по словам Гекатея Эритрейского, из р. Аракса, а по известию Эфора, — из какого-то озера, пределы которого неизвестны». Казалось бы, автор имеет в виду Сырдарью и Арал, однако он тут же добавляет, что этот Танаис «впадает двумя рукавами в так называемую Меотиду и в Киммерийской Боспор», т. е. отождествляет Танаис с Гипанисом (Кубанью).

Совмещение представлений о Танаисе можно отметить и в «Землеописании» Дионисия Периегета (II в. н. э.). С одной стороны, Дионисий разграничивал материка по Танаису-Дону, отделяющему Европу к западу, а Азию — к востоку (Perieg., 865 sq.), с другой (14 sq.) — отмечал, что граница эта идет от Геллеспонта до Танаиса, впадающего в Меотийское озеро и при этом текущего «к северу» (*πρὸς βορέην*), что можно сказать лишь о Кубани или Сырдарье. Другие авторы, как сообщил Дионисий, принимают за границу перешеек между Понтом и Каспием. В кратком пересказе «Землеописания» Дионисия у Никифора Влеммида («Сокращенная география», 620 сл.) имеется прямое свидетельство о проведении границы между материками по перешейку между Черным и Каспийским морями, причем автор пишет, что перешеек этот «простирается в обе стороны на значительное расстояние», т. е. линия перешейка может быть продолжена

²⁰ Ш ж ш о в а И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1980, с. 18 сл.

²¹ Peripl., 75 (49).

в западном направлении, видимо, до Геллеспонта и Геракловых Столбов, а в восточном — до Меотийского (Аральского) озера и Танаиса (Сырдарьи).

В стихотворном латинском переводе «Землеописания» Дионисия Руфия Феста Авиена о разделяющем Европу и Азию Танаисе говорится как о Сырдарье (28 сл.): вытекающая из сарматских пределов, этот Танаис, прежде чем влиться в скифскую Меотиду, разрезается водою Аракса (*scissus Araxeo prius aequore*); затем тот же пограничный Танаис (859 сл.) называется ниспадающим с Кавказа и, судя по упоминанию обитающих рядом киммерийцев, синдов, керкетов, торетов, гениохов, колхов и др., отождествляется с Гипанисом (Кубанью). Таким образом, та информация, которую дает Дионисий и его переводчики, перекликается с известиями Псевдо-Скимна и Перипла Анонима.

В другом нашем источнике — Анабасисе Арриана (II в. н. э.) — Танаис определенно может быть сопоставлен с Сырдарьей: «Этот Танаис, который, по словам Аристула, туземные варвары называют и другим именем — Яксарта, берет свое начало также в Кавказских горах и впадает также в Гирканское море» (III, 30, 6 сл.). Здесь же Арриан отмечает, что существует и другой Танаис (по-видимому, Дон), который некоторыми авторами также признается за границу Европы и Азии.²²

Вполне в русле ионийской традиции о делении обитаемого мира и об окружающем его внешнем море выступает Элий Аристид — знаменитый ритор II в. н. э., весьма широко образованный человек, много путешествовавший и живший преимущественно в малоазийской Смирне. Он пишет, что один из заливов внешнего моря вливается с запада между Гадирами и Ливией в Фасис; этот залив и является морем греков (Средиземным), которое делит надвое всю землю, присоединив к себе Меотийское озеро и находящуюся за ним р. Танаис. Поскольку речь идет о широтном делении ойкумены на два материка, не может быть сомнения в том, что этот Танаис тождествен Сырдарье.

Наконец, следует остановиться на схолиях Цеца к «Кассандре» Ликофрона (887). Колхи, пишет Цец,

²² Ср.: *Att., Anab.*, 5, 4: «Некоторые замечательные реки в Азии, берущие начало с Тавра и Кавказа, текут на север, и из них одни впадают в Меотийское озеро, другие — в так называемое Гирканское море».

«живут в пределах Азии, у реки Фасиса, тогда как европейская Скифия лежит у Меотиды и Танаиса». Далее Цец отмечает, что «еврей Иосиф (т. е. Иосиф Флавий, — *И. К.; Ios. Flav., De bel. Iud., VII, 7, 4*) племенем европейских скифов называет и аланов, живущих у той же Меотиды и Танаиса около прохода гирканцев и каспийцев, который царь Александр запер железными воротами». Если начало цитаты позволяет думать, что речь идет о Доне и Азовском море, то пояснение, которое сделал Цец, не оставляет сомнений в том, что пограничной он считал именно среднеазиатскую реку, впадающую в Аральское озеро. Возможно, что таким образом проводил границу и сам Ликофрон, который, живя в Александрии при Птолемеях Филадельфе и являясь ученым грамматиком и поэтом, вполне мог основываться на древнеионийских представлениях о разграничении ойкумены.

Скорее всего, именно возвратом к представлениям древних вызваны и слова Фотия о том, что с одной стороны Азия граничит с Индией, с другой — с Эритрейским заливом, р. Фасисом, Египтом и Ионийским морем.²³ При этом Фотий подчеркивает, что он имеет в виду всю Азию (*ἡ Ἀσία πᾶσα*),²⁴ а не ту, которую в его время обозначают этим именем, прилагая название целого материка к одной его части.

Что же касается Танаиса-Дона, то в дошедших до нас источниках он впервые называется в качестве разделяющей Европу и Азию реки в Перипле, приписываемом Скилаку Кариапдскому, но наверняка ему не принадлежащем, а относящемуся, по всей вероятности, ко второй половине IV в. до н. э.²⁵

Одно немаловажное обстоятельство подтверждает факт более позднего знакомства греков с Доном, а именно то, что с ранних времен греческие географы знали обитаемую землю больше с запада на восток, чем с юга на север.²⁶ Гекатею земля известна от Гадеса до Инда²⁷ и от Персидского залива до исседонов в междуречье Амударьи и Сырдарьи, тогда как о севере и северо-западе Европы,

²³ См.: Фотий. Извлечения Гимерия (XIII, 30).

²⁴ Т. е., вероятно, Азию вместе с Ливией.

²⁵ *Peripl.*, 68, 70. См.: SC, т. I, с. 84.

²⁶ См. примечания Л. А. Ельницкого к переизданию «*Skythica et Caucasicca*» В. В. Латышева (ВДИ, 1949, № 4, с. 279, примеч. 2).

²⁷ См.: Steph. Byz., s. v. Γαδέει

а также о Северном Причерноморье мы почти ничего не узнаем из его труда. Геродот, описавший, по мнению целого ряда исследователей, некоторые области Северного Причерноморья как очевидец, утрачивает значительную часть своей достоверности, описывая местности и реки к востоку от Борисфена (Днепра), и не называет даже ни одного греческого полиса на Киммерийском Боспоре. Измерение ойкумены, произведенное Эратосфеном, дало с запада на восток (от Геракловых Столбов до Восточного океана) 78 тыс. стадиев, тогда как с севера на юг — 38 тыс. стадиев.²⁸ Как отметил Страбон (II, 5, 9), длина обитаемого мира больше двойной его ширины, и точно так же Капелла (VI, 614—615) засвидетельствовал, что ширина обитаемой земли почти наполовину меньше, чем ее длина.

Даже на основании одного этого обстоятельства логично допустить, что греки раньше познакомились с Танаисом-Сырдарьей, чем с Танаисом-Доном. Но мы к тому же знаем и другой факт: первое греческое поселение в устье Дона появилось лишь в середине IV в. до н. э., а истоки этой реки оставались неизведанными еще и в средние века.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство: само название — Танаис — является действительно иранским и, во всей вероятности, древнейшим обозначением Сырдарьи, поскольку она называлась так уже в «Авесте» (В. И. Абаев показал, что *Danu* — это иранский прототип для греческого *Τάναις*).²⁹ Информаторами греков о Танаисе-Сырдарье, скорее всего, были персы, которым эта река прекрасно была известна в качестве северной границы их владений, а также скифы, обитавшие в междуречье Танаиса-Сырдарьи и Аракса-Амударьи. На Кавказском перешейке оба эти названия дублировались армянским Араксом и Танаисом-Гипанисом. До некоторой степени это объясняет ту путаницу, которая встречается у Псевдо-Скимна и в Перипле Анонима. В VI—V вв. до н. э. Танаис-Дон как для персов, так и для греков был еще весьма отдаленной окраиной.

Взгляд на Дон как на границу между Европой и Азией получил тем не менее впоследствии большое рас-

²⁸ См.: Strab., I, 4, 2, 5.

²⁹ Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — Arch. orient., 1956, Bd XXIV, N. 1, с. 42 сл. Ср.: Gerschevitch I. The Avestan Hymn to Mit'hra. Cambridge, 1959, p. 189, not. 1.

пространение, и у Страбона мы уже находим четкое разграничение Европы и Азии по Дону.³⁰ Однако тот же Страбон ведет на страницах своей «Географии» спор с иными точками зрения (II, 4, 5—6; ср. XI, 2, 2), и те свидетельства о Танаисе, которые были им привлечены в ходе полемики, проясняют ее смысл. Страбон оспаривает три мнения: первое — что Танаис течет от летнего востока; второе — что Танаис течет с запада и берет начало в местностях, близких к Истру; третье — что эта река течет через Кавказ к северу и затем поворачивает в Меотиду.

Первое мнение принадлежит Полибшо и имеет реальное отношение к Сырдарье; Страбон, для которого Танаисом является, как уже отмечалось, Дон, на этом основании считает мнение Полибия ложным (см. выше).

Вторая точка зрения, по-видимому, принадлежит тем авторам, для которых Танаис тождествен Дону; истоки его были неизвестны, так что утверждение о сближении истоков Танаиса и Истра, видимо, — результат общей неосведомленности о верхнем течении рек Северного Причерноморья (как это и отмечает Страбон, критикуя данных писателей).

Третье мнение Страбон также называет неосновательным, и оно действительно являлось бы таковым, если бы относилось к Дону. Ясно, однако, что речь идет о тех авторах, которые имели в виду Кубань (Гипанис) или Сырдарью (Яксарт). Кубань на самом деле берет начало на Кавказе и одним своим руслом впадает (вернее, впадала раньше) в Азовское море (Меотийское озеро). Однако и Сырдарья берет начало на Кавказе (в расширительном смысле).³¹ Течение Сырдарьи древние могли без больших натяжек рассматривать как северное (реально — северо-западное), во всяком случае река впадала в озеро (Меотийское-Аральское), расположенное к северу от Кавказа.

Страбон не называет имен тех, кто придерживается такого мнения о Танаисе, но отмечает (XI, 2, 2), что «с ними согласен и Феофан Митиленский» (I в. до н. э.).

Таким образом, в греческой литературе наблюдается стойкая традиция разграничения Европы и Азии по го-

³⁰ См., напр., VII, 4, 5; XI, 1, 5; XI, 2, 1.

³¹ См. подробнее с. 127 сл.

горизонтали. Она берет начало еще от Анаксимандра и **ионийцев.** Меридиональное разграничение — явление более позднее, хотя и ставшее со временем преобладающим, но продолжавшее сосуществовать с проведением границы в широтном направлении. Первая традиция предполагает, что упоминание Танаиса относится либо к Гипанису-**Кубани,** либо — значительно чаще — к **Яксарту-Сырдарье.** Вторая подразумевает в качестве пограничного Танаиса Дон.

Такая же картина наблюдается и в римской литературе. Прежде всего, когда в «Энеиде» Вергилия (VI, 796 сл.) читаем, что перед Августом трепещут наряду с Индией и Африкой Каспийские царства и Меотийская земля, а также **семиустьный** Нил, то не вызывает сомнения, что следующий греческим образцам поэт имеет в виду те самые пределы Азии, которые заключены между Танаисом (Сырдарьей) и Нилом, — ведь в противном случае, т. е. при проведении границы по Дону, исключалось бы ее прохождение через Каспий.

Помпей Трог, по всей вероятности, считал Фасис границей Европы и Азии, поскольку он заключал европейскую Скифию в пределы между Понтом, Рифейскими горами, Азией и р. Фасисом, т. е. тоже проводил ее по горизонтали (Just., II, 2, 1).

Пожалуй, наиболее четко подобное представление о границе между материками отражено в трактате «О мире» Апулея — писателя разностороннего и широко образованного: «Европа имеет границы от колонны Геракла до Понтийского и Гирканского моря и р. Танаиса» (De mundo, VII, 303). Танаис, бесспорно, отождествляется здесь с Сырдарьей.

Интересно было бы проследить, каким образом разграничивали материки те римские авторы, которые, как это с несомненностью известно, пользовались древнеионийскими источниками, в первую очередь Плиний. Однако сделать это в достаточной мере трудно, так как известия Плиния довольно противоречивы. С одной стороны, Плиний делит «весь земной круг (**terrarum orbis universus** — **HN**, III, 3) на три части — Европу, Азию и Африку, и называет границами между ними Нил и Танаис, явно имея в виду под последним Дон: по его словам, для вступающего в Средиземное море через **Гадитанский** пролив (Гибралтар) Африка расположена по правую руку, Европа — по левую, а между ними — Азия (inter has

Asia).³² В IV книге Плиний уточняет границу Европы с Азией, проводя ее по Черному морю от Геллеспонта до устья Меотиды, по Киммерийскому Боспору, отделяющему один материк от другого, Меотийскому озеру и Танаису (IV, 75—78). Устье Нила, в представлении Плиния, лежало точно напротив устья Допа (II, 45).

Однако в VI книге, где Плиний, как он сам признается, приводит «выводы древних» (antiquorum ex acta — VI, 219), обнаруживается несколько иная картина. В этой книге Плиний описывает внутренние области всей пограничной с Европой Азии, начиная от Понта и кончая Яксартом (через Каспийское море, Бактрию и Согдиану), — граница тогда действительно совпадает с представлениями древних, т. е. ионийцев.

Эксерпатор Плиния Солин позволяет судить о данном вопросе более определенно. Он ограничивает Азию Нилом и Танаисом, впадающим в Меотийское озеро (40, 1). При этом, если шире взять контекст описания Азии, Меотийское озеро оказывается примыкающим к Тавру (горному хребту, проходящему через всю Азию) вслед за Каспием: Тавр, как свидетельствует Солин (38, 11 сл.), заканчивается с одной стороны Финикийским * заливом, с другой — Понтийским морем и отчасти Каспийским, или Гирканским; после этих препятствий Тавр поворачивает к Меотийскому озеру, чтобы потом примкнуть к Рипейским горам. Следовательно, Меотийское озеро тождественно в данном случае Аральскому, и значит, впадающий в это озеро Танаис — это Сырдарья, а границы Азии даны вполне в русле древнеионийских представлений.

Многие латинские писатели прямо называют среднеазиатский Танаис (Яксарт) границей между Европой и Азией. Так, Манилий (автор поэмы астрономического содержания времени Августа), очерчивая пределы Азии от Индии и Танаиса (т. е. Сырдарьи) до Пропонтиды, сообщает, что Танаис разделяет скифскими волнами части света (Astronom., IV, 677). Курций Руф, пользовавшийся греческими источниками, особенно Клитархом и Мегасфеном (которыми пользовался и Диодор), также недвусмысленно называет Танаис, отделяющий бактрийцев от скифов, границей Европы и Азии (Hist. Alex. Magn., VII, 7, 1). Лукан, описывая явившиеся в войско Помпея азиатские контингенты, называет целый ряд племен, жи-

³² Ср. IV, 75: Понт — обширное море, лежащее перед Азией.

вущих в пределах Азии от Геракловых Столбов, вдоль Понта, у Фасиса и Танаиса вплоть до кочевых скифских народов, пограничных с Бактрией и Гирканией.³³ Следовательно, Танаис Лукана идентифицируется с Сырдарьей. Об этом Танаисе Лукан пишет, что он «дает своим берегам имена разных частей света и, служа границей Европы и Азии, разделяет сопредельные части материков и своими изгибами увеличивает то одну, то другую часть света» (III, 272 sq.).

По-видимому, Лукан испытал опосредствованное — через Сенеку³⁴ — влияние древнегреческих представлений об ойкумене. У самого Сенеки следы этих представлений достаточно явны. Так, например, в «Троянках» (6 сл.) пределами Азии назван Фермодонт и семиустный Танаис, что относится, конечно, к обширной дельте Сырдарьи, а ни в коем случае не к Дону, о двойном устье которого свидетельствуют все античные авторы. В «Медее» (209 сл.) в качестве границ азиатских владений отца героини, помимо Фермодонта, Скифского Понта и «прилегающих к нему с тыла пресных от болотистых вод морей» (т. е., вероятно, Каспийского и Аральского), назван также Фасис. К тому же Сенека сам называет древнейших (anti-quissimi) своих осведомителей — Анаксагора, Эшила, Софокла, Еврипида (Nat. Quest., IV, II, 17). Таким образом, тот факт, что у некоторых латинских писателей в качестве пограничной реки фигурируют Фасис и среднеазиатский Танаис, можно объяснить бесспорным влиянием ранних греческих представлений.

Подобное проведение границы и в римской литературе продержалось достаточно долго. В IV в. неизвестный автор «Дорожника Александра», составленного для императора Констанция перед его походом на персов, засвидетельствовал, что вытекающий с Кавказа и впадающий в Гирканское море Танаис (т. е. Сырдарья) служит границей Европы и Азии (LXXIX); автор «Дорожника Александра», несомненно, пользовался трудами историков Александра, для которых обычным было представление о Танаисе как о Яксарте (Сырдарье).

Рассмотренные свидетельства античных авторов позволяют, как представляется, сделать следующие выводы.

³³ Lucan., De bello civ., III, 266 sq.

³⁴ Установлено, что Лукан многое заимствовал от Сенеки. См.: Marx F. Annaeus Lucanus. — RE, 1894, t. I, col. 2226 sq.; Diels H. Seneca und Lucanus. — Abh. Akad. Berl., 1855, S. 1 folg.

1. Первоначальное деление ойкумены предполагало два материка, равных по величине, — Европу и Азию (с Ливией). Граница между ними шла с запада на восток, от Гераклова пролива через Средиземное море, Понт, Киммерийские переправы, реки Фасис или Гипанис (или же по перешейку между Понтом и Каспием), через Каспийское море, Меотийское (Аральское) озеро до Танаиса (Сырдарьи). Такое разграничение исключало прохождение границы по Танаису-Дону.

2. Более поздним является разделение мира на три материка, когда Ливия (Африка) выделяется из состава Азии в самостоятельное целое. Граница имеет ту же ориентацию и те же координаты, но до Геллеспонта Европа граничит с Ливией, а от Геллеспонта до Танаиса-Сырдарьи — с Азией. Проведение границы по Дону также исключается.

3. Разграничение материков по Танаису-Дону — явление еще более позднее.

Проблему деления мира как бы подытожил в VI в. н. э. Прокопий Кесарийский,³⁵ ритор и софист из Константинополя. Он привел два бытующих, по его мнению, с древности мнения. Представители одной точки зрения утверждали, что материки разделены с запада на восток морем, затем с севера на юг Танаисом (Доном), отделяющим Азию от Европы, а с юга на север — Нилом, впадающим в Понт напротив Танаиса и разграничивающим Ливию и Азию. Сторонники другой точки зрения (т. е. широтного разграничения ойкумены) считали первую неосновательной, опираясь, как излагает Прокопий, на следующие соображения: если Танаис (Дон) отделяет Европу от Азии, то затанаисские части Понта следует считать азиатскими; однако хорошо известно, что Танаис зарождается в Европе, поскольку он берет начало с широтной протяженных Рипейских гор, расположенных, по общему мнению, на севере Европы; в этом случае и затанаисские области также являются европейскими, и нелегко, как отмечает Прокопий, ответить на вопрос, с какого же места Танаис начинает отделять Европу от Азии; поэтому-то целесообразнее рассматривать в качестве границы р. Фасис, которая впадает в середину восточного побережья Понта как раз напротив Гераклова пролива, составляя при этом естественное продолжение раздели-

³⁵ Прокоп., Bell. Goth., IV, 6.

тельной линии. И сам Прокопий, по-видимому, считает такое мнение более логичным.

Обе приведенные Прокопием точки зрения действительно являются древними, однако первая из них — о разграничении по меридиану Дон—Нил, устья которых считались расположенными на одной линии, — явление более позднее, возникшее, по-видимому, незадолго до Страбона,³⁶ тогда как именно вторая принадлежит древней ионийской географии.³⁷

Следует еще раз отметить, что уже в античности отождествление Танаиса с Доном стало настолько привычным, что, когда во времена Александра его образованные спутники, опираясь на древнеионийские представления, снова ввели в научный оборот прежнее название Яксарта, было решено, что они попросту заблуждались и спутали Дон с Сырдарьей. Анализ источников, однако, показывает, что никакой путаницы не было и что спутники Александра с полным правом называли Яксарт Танаисом и считали эту реку границей Европы и Азии.³⁸

Таким образом, рассмотрение вопроса о разграничении ойкумены дает в большинстве случаев совершенно ясные и определенные ориентиры для идентификации р. Танаиса. Важность подобных четких географических привязок еще раз может быть продемонстрирована на примере Диодора (см. с. 122 сл.): отождествление его Танаиса с Сырдарьей, а не с Доном совершенно по-иному определяет и пути решения проблемы скифского этногенеза.

³⁶ Геродот (II, 34) располагает на одной линии устье Истра, Синопу, западную Киликию и Нил; Эратосфен и Гиппарх — устья Нила и Борисфена (см.: Страбон, I, 4, 1; II, 5, 7). См. также: Страбон, II, 4, 6; Плиний, II, 45.

³⁷ См.: Веггер Н. *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, S 71 folg.

³⁸ См. выше, с. 132 сл. Ср.: Hesyeh., s. v. Ἰαξάρτης: Яксарт — река Танаис; это река Скифии, впадающая в Меотийское озеро.

Глава IX

КЛИМАТ СКИФИИ

На первый взгляд проблема климата Скифии может показаться странной и не имеющей отношения к теме работы. Однако это не совсем так: дело в том, что в сообщениях античных авторов, и в первую очередь Геродота, о климате Скифии имеются определенные противоречия, требующие своего объяснения.

Так, Геродот (IV, 28), явно преувеличивая суровость климата нашего южного побережья, сообщает, что большую часть года здесь царит непрерывная и необычайно суровая зима, а в остальные четыре месяца — холода: «Здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, — пишет Геродот, — что если ... разлить воду, то не сделаешь грязи. Но если разжечь огонь — получишь грязь» (т. е. вода сразу превращается в лед, который тает только от разведенного огня). Геродот сообщает также, что замерзает море и весь Боспор Киммерийский (IV, 28) и что часть страны, обращенная к северу, совершенно необитаема из-за невыносимых холодов и постоянно падающего снега, который Геродот уподобляет перьям (IV, 31).¹

Геродоту вторит Псевдо-Гиппократ (*De aere*, 26), утверждающий, что в Скифии стоит вечная зима, а лето продолжается лишь несколько дней, да и то не очень теплых.

Впечатляющее описание скифского климата оставил нам Дионисий (II в. н. э.), называющий несчастными обитателей скифских равнин (*Perieg.*, 668): вечно у них холодный снег и пронизывающий мороз; когда же ветры нагонят еще более страшную стужу, можно увидеть умирающих коней, мулов и овец, пасущихся под открытым небом; сами жители удаляются на повозках в другие

¹ Параллели к сопоставлению снега с перьями см.: *Ally W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Gottingen, 1921, S. 118 folg.*

местности, оставляя свою страну на волю холодным неистовствующим ветрам, которые страшными порывами потрясают землю и поросшие соснами горы. Евстафий в своих комментариях к Дионисию называет это описание преувеличенным (ad 666). «Всеми признано, — пишет Евстафий (ad 669), — что страна этих бродячих кочевников очень холодна. . . Но летом, по некоторым известиям, здесь бывает сильная жара. Однако Дионисий, по-видимому, считает по-иному, — а именно, что в этой стране непрерывные холода».

Столь же мрачную картину постоянной суровой зимы, никогда не смягчающейся весной, набрасывают римские поэты: Вергилий (Georg., III, 196 sq.; 349 sq.; IV, 517 sq.); Лукан (De bello civ., I, 17 sq.; IV, 118),² Валерий Флакк (Argon., IV, 721 sq.; VIII, 562 sq.), Фест Авиен (Descr. orb. terr., 54 sq.). Особое место среди них занимает Овидий, поскольку его поэтические описания скифских холодов сделали картину вечной скифской зимы как бы канонической: отправившись в ссылку в Томы, милетскую колонию на западном берегу Черного моря (ныне румынский город Констанца), и живя в условиях вполне благоприятного климата (по современным данным, средняя температура в этой местности — 1—2° в январе. +22—23° в июле), Овидий пишет в Рим, что его заставили жить на самом конце земли, в крайних пределах ледяной Скифии (Tristia, III, 4, 52; Epist. ex Ponto, II, 7, 66), под ледяной осью Медведицы (Tristia, II, 190; Epist., V, 2, 64) и почти что на самом полюсе (Tristia, III, 10, 12; Epist., IV, 7, 2; IV, 14, 61 sq.). «Никому не отведена для ссылки более отдаленная земля», — жалуется поэт (Tristia, II, 192). В его стихах упоминаются вечная стужа (Tristia, III, 2, 8; Epist., II, 7, 72; III, 1, 14), вечно холодное небо, земля, постоянно палимая белым морозом (Tristia, V, 2, 65), вечные снега: не успевает растаять один, как выпадает другой, и во многих местах зачастую остается по две зимы подряд, т. е. не тает от одной зимы до другой (Tristia, III, 10, 15 sq.; Epist., I, 3, 50; ср.: Epist., I, 2, 26: одна безжизненная зима следует за другой). Над местностью господствует один лишь северный ветер — Борей, тогда как южный Нот совсем сюда не долетает (Epist., IV, 10, 41 sq.); Истр и море покрыты

² Ср.: Schol. ad Lucan., De bello civ., VI, 479.

льдом (Tristia, III, 10, 25 sq.: 37 sq.); вино, вынутое из сосуда, сохраняет его форму, и его не глотают, а раздают кусками (Tristia, III, 23 sq.); жители одеты в звериные шкуры, которые оставляют открытым только лицо (Tristia, III, 19 sq.); в стране нет ни зелени, ни травы, ни деревьев (Tristia, III, 10, 75; V, 4, 9 sq.; Epist., I, 2, 25; I, 3, 51 sq.; III, 1, 11 sq.); здесь не растут ни яблоки, ни виноград (Tristia, III, 10, 71 sq.; Epist., III, 1, 11 sq.). Жалующийся Овидий уверяет при этом, что его даже не столько мучают вечные холода, сколько опасность близкой смерти от врагов, грубость нравов которых совершенно под стать климату. Все это позволяет ему заявить, что его пребывание в Томах — не жизнь, а вид смерти (Epist., I, 7, 10).

Разумеется, поэт сгущает краски и прибегает к разным преувеличениям, имея надежду разжалобить Августа и тем самым, возможно, смягчить свою горькую участь изгнанника. Так же несомненно, что «воспеваемая» им местность давала мало поводов для подобных описаний — это плодородный и достаточно теплый (хотя бы и по сравнению с Италией) край, обильный не только хлебными культурами, но и плодовыми садами и виноградниками.

Даже если предположить, что в I в. до н. э. климат Северного Причерноморья был несколько более прохладным и влажным, чем в наши дни,³ то и в этом случае описания Геродота, Псевдо-Гиппократа, Овидия и других авторов выглядят явно преувеличенными. Достаточно привести в качестве сравнения сообщение Страбона (VII, 3, 18), не только описавшего довольно реалистически сильные зимние холода на Боспоре, но отметившего и сильную летнюю жару в этой местности;⁴ кроме того, он сообщил, что на Боспоре зарывают на зиму виноградную лозу, засыпая ее толстым слоем земли (там же). Бесспорно, при восьмимесячной зиме выращивание винограда было бы вообще невыносимо. Что же касается прикрытия лозы на зиму землей, то оно и в наше время практикуется на юге Украины и даже в более южном Таджики-

³ Такое предположение высказывали некоторые географы. См.: Бучинский И. Е. О климате прошлого русской равнины. Л., 1957, с. 46, 132; Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. — Зап. Геогр. об-ва СССР, 1957, нов. сер., т. 16, с. 264.

⁴ Ср.: Eustath. ad Dionys., Perieg., 669.

стане. Кроме того, некоторые античные авторы (Феофраст, Плиний) отмечали, что на Боспоре жители выращивают не только яблоки, груши и виноград, но также такие капризные плоды, как гранаты и фиги (Theophr., *Hist. plant.*, IV, 5, 3; *Plin.*, HN, XVI, 137).

Тем не менее тот же Плиний (HN, IV, 88), описывая местности над Меотидой, сообщает о стране, называемой Пероносной из-за постоянно падающего и похожего на перья снега: «Эта часть обездолена самой природой, окутана густым мраком и подвержена действию страшного холода и ледяющему веянию Аквилона».⁵

Таким образом, суровые холода вечной скифской зимы как бы вошли в поговорку у древних,⁶ хотя надо повторить, что климат нашего юга не мог послужить той реальной основой, на которой вырос этот почти полярный эпос.

Отбросив завесу поэтических вольностей и целенаправленного умысла, у Овидия все-таки можно усмотреть некую типовую картину, связанную с общими представлениями древних о Скифии и совпадающую с известиями других античных авторов, в том числе и Геродота.⁷

Если внимательно присмотреться к этим известиям, то окажется, что все они так или иначе связаны с кругом представлений о Рипейских горах, аримаспах, грифах и гиперборейцах, т. е. с реальными и мифологическими сюжетами скифского эпоса, ставшими известными малоазийским грекам (как можно судить по отрывкам Аристея, Алкмана и Гесиода) в VII в. до н. э., т. е. еще до начала колонизационного освоения греками северного побережья Черного моря. Не случайно этот полярный скифский эпос фигурирует прежде всего в произведениях тех писателей, которые либо связаны своим происхождением

⁵ Ср.: *Plin.*, HN, II, 135; *Mela*, II, 1; ср. также: *Mela*, II, 3 и 10; описание суровой и постоянной зимы у сатархов, который живут у Меотиды, закапывают в землю свои жилища и закрывают одеждой не только тела, но даже и лица.

⁶ См.: *Ebert M. Südrussland im Altertum*. Bonn; Leipzig, 1921, S. 7 folg.; *Stein*, ad IV, 28, 1.

⁷ Ср. обобщающее описание природы и нравов скифов, которое позднее дал Тертуллиан (*Adv. Marc.*, I, 1): суровость не только в нравах, но и в климате; никогда не бывает ясного дня, солнце никогда не светит ярко, воздух всегда туманен; целый год — зима, всякий ветер — Аквилон; влага появляется от огня, реки не могут течь из-за льда, горы увеличиваются в высоту от снегов; все коченеет, все цепенеет.

с Малой Азией (Геродот, Псевдо-Гиппократ),⁸ либо опирались на какие-то древнеионийские источники (Мела, Плиний, Солин).

Правда, Геродот, в отличие от других авторов, не назвал Рипейские горы по имени, однако характерно, что сообщение о суровом скифском климате (IV, 28—31) находится в контексте с известиями о высоких горах (ὄρησιν ὑψηλάς — IV, 23, 2; 25, 1), в которых некоторые исследователи усматривали именно Рипейские,⁹ о людях, спящих по полгода (IV, 25, 1), об исседонах, аримаспах, грифах (IV, 25—27) и гипербореях (IV, 32—36). Хотя Геродот оставил под сомнение достоверность некоторых из этих известий, однако весь набор составных частей говорит сам за себя: по существу это те самые сюжеты, о которых писал Аристей.

У Псевдо-Гиппократа (по-видимому, также не без влияния ионийских источников) сообщение о вечной зиме в Скифии мотивируется тем, что она лежит «под самым севером и у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер». И далее автор сообщает, что солнце приближается к Скифии только тогда, когда дойдет до летнего обхода, но и в этом случае греет землю короткое время и не сильно.

Эти сведения можно рассматривать как несомненную параллель к сообщениям Геродота о суровой и длительной скифской зиме и о людях, спящих по полгода (т. е., как не без оснований предполагают комментаторы¹⁰

⁸ Принадлежность трактата De aegae... самому Гиппократу оспаривается. Но во всяком случае считается установленным, что он написан врачом из круга Гиппократа (одним из его учеников или последователей) на рубеже V и IV вв. до н. э. (см.: Кундина И. В. Медицинский трактат «О воздухе, водах, местностях» как источник по истории скифов. — Вспом. ист. дисциплины, Л., 1970, т. III, с. 217).

⁹ Такое предположение высказывал еще Th. Bayer (De Scythiae situ qualis fuit sub aetate Herodoti. — Comm. Acad. Sci. Imper. Petropol., 1728, t. 1, p. 422). Ср.: Kiessling M. Ῥίπειαι ὄρη. — RE, 1920, t. IA, col. 882; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 74; Phillips E. D. The Legend of Aristeas. — Artibus Asiae, 1955, t. XVIII, ps. 2, p. 169; Пьянков И. В. Аргиппей (источники). — Учен. зап. Уральск. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1969, № 101, сер. ист., вып. 17, с. 112.

¹⁰ См.: Heeren A. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1824, t. II, S. 284; Abicht; Stein; How, Wells—ad Hdt., IV, 25, 1; Kindermann K. Die älteste Kunde Sibiriens im Klas-

о полугодовой полярной ночи). О долгой полярной ночи в заскифских областях сообщает нам и Дионисий (Perieg., 30), описывающий северный океан, расположенный за землями неистовых аримаспов и называющийся Ледовитым, или Кронийским морем; по свидетельству Дионисия, некоторые называют его Мертвым из-за слабого солнечного освещения, поскольку солнце «редко светит над ним и почти постоянно скрывается в густых облаках» (ср.: Секст Эмпирик. Против догматиков, III, 247). Недалеко от Ледовитого моря Дионисий помещает Рипейские горы (Perieg., 314 sq.). Евстафий в комментариях (ad Dionys. Perieg., 32) объясняет сильные холода в приокеанских местностях тем обстоятельством, что «выше аримаспов находятся Рипейские горы, с которых дует холодный Борей и с которых никогда не сходит снег» (ср.: Schol ad Dionys. Perieg., 30, где Кронийский океан назван также Гиперборейским). Сохранился стихотворный перевод «Землеописания» Дионисия, сделанный Фестом Авиеном (Descr. orb. terr., 54 sq.), где дается та же картина, слегка завуалированная поэтическим туманом.

Если сопоставить эти данные с известиями римских поэтов и географов, то можно прийти к выводу, что перед нами — определенный и устойчивый цикл представлений о полярных явлениях в околорипейских местностях.

Прежде всего, надо остановиться на описании скифских холодов в «Георгиках» Вергилия. Земля в Скифии, как сообщает поэт, поднимается к рифейским твердыням (I, 240 sq.). В другом месте (III, 349 sq.) Вергилий красочно и образно описывает вечную зиму в Скифии «под гиперборейской медведицей», промерзшую и покрытую толстым слоем льда землю, на которой не растут ни трава, ни деревья; там вечно дуют холодные рифейские ветры, солнце никогда не рассеивает бледных теней, ни поднимаясь высоко в эфир, ни опускаясь к Океану;¹¹ снег идет повсюду, вместо воды — твердый лед; жители обитают в землянках, ловят живьем застрявших в снегу оленей и рубят вино топором. Весьма показательны, что

sischen Altertum. — In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966, S. 340.

¹¹ Ср. обозначение Софоклом («Эдип в Колоне», 1248) Рипейских гор как «ночных» или «полуночных» (ἐννύχια). Дж. Болтон считает данное место заимствованным у Аристея (Bolton J. Aristaeus of Proconnesus. Oxford, 1962, p. 39 follow.), так же как и сообщения Эсхила об аримаспах (Prom., 802 sq.).

уже у Вергилия мы находим ту самую картину (за исключением сведений о долгой полярной ночи), которую немного позднее набрасывает Овидий, приурочивающий ее к иным (более южным) областям (Вергилий относит описание к Меотиде, Истру и Родопе, «простирающейся до середины полюса»: *medium Rhodope porrecta sub aethem* — II, 351).

О полярных явлениях в областях за Скифией сообщает и Помпоний Мела. Он неоднократно упоминает о Рифейских горах, у подножия которых живут справедливые аремфеи (I, 117); по другую сторону гор находится побережье, обращенное к океану (там же); ближайšie к Рифейским горам местности неразличимы и непроходимы из-за постоянно падающего снега (II, 1), затем лежит необитаемая страна, где свирепые грифы стерегут золото (там же), а далее обитают одноглазые аримаспы — скифское племя (II, 2) — и еседоны до самой Меотиды. За Аквилоном и Рифейскими горами «у самого северного полюса» живут счастливые гипербореи (III, 36). Если расположить эти сообщения в обратном порядке, мы получим совершенно то же самое размещение, которое дал Аристей в своей поэме: исседоны, аримаспы, грифы, Рифейские горы, гипербореи и, наконец, Ледовитый, или Скифский океан (ср.: Mela, I, 9).

У гипербореев, как сообщает Мела (II, 36), солнце восходит и заходит не ежедневно, но, «взойдя впервые в» время весеннего равноденствия, заходит только во время осеннего; таким образом, шесть месяцев продолжается день и столько же других — непрерывная ночь».

Те же сведения находим у Плиния (IV, 88—90) в контексте с описанием Переносной страны и страшных холодов: выше Меотиды живут еседоны и савроматы, па самому берегу озера — меоты, затем — аримаспы, а сразу за ними — Рипейские горы. За этими горами и за областью Аквилона живут счастливые гипербореи. «Здесь, по общему верованию, находится мировой полюс и самые отдаленные окружности движения звезд; здесь полгода бывает светло и только на один день скрывается солнце, но не от весеннего равноденствия до осени, как утверждают невежды. Однажды в год, именно во время (летнего) солнцестояния, встает у них солнце п однажды, во время зимнего солнцестояния, заходит».

Подобные полярные явления не мешают, однако, гиперборейам жить в самом благоприятном климате: плодо-

родная их земля, прогреваемая солнцем, сама собой дает высокие урожаи; у них нет вредоносных ветров; жители отличаются долголетием (Plin., IV, 89; ср.: Mela, III, 37).

За Рифейскими горами Плиний (IV, 94—95) помещает омывающий Скифию Северный океан, который, по его словам, Гекатеем¹² назван Амалхийским («Замерзшим»), а другими авторами — Мертвым и Кронийским.

Тот же круг представлений повторяется у следующего за Плинием Солина: в азиатской части Скифии он помещает еседонов (15, 13) и савроматов (15, 18); за одноглазыми аримаспами (15, 20), сражающимися с грифами из-за золота и драгоценных камней (15, 22 сл.), следует Рифейский хребет и Пероносная страна, покрытая вечными снегами (15, 20). Эту часть света Солин называет осужденной (damnata), погруженной самой природой в вечный мрак и совершенно оцепеневшей от самых вместилищ Аквилона: эта земля «не знает смены времен года и ничего другого не получает от неба, кроме постоянной зимы» (15, 21).

За Пероносной страной, по ту сторону Аквилона, в благодатном климате живут блаженные гипербореи (16, 1 сл.). «Полагают, что у них находятся мировые оси и наиболее отдаленные пути созвездий, шестимесячный свет и заходящее только на один день солнце; хотя некоторые думают, что там солнце (появляется) не ежедневно, как у нас, но восходит в весеннее равноденствие, а заходит — в осеннее: таким образом, шесть месяцев продолжается бесконечный день, а в другие шесть — постоянная ночь», К востоку от Рифейских гор, в Азии (гипербореев Солин помещает в Европе — 16, 2), живут мирные и священные аремфеи, во всем подобные гиперборейцам (17, 1 сл.). И далее Солин (19, 1 сл.) повторяет сведения Плиния о Северном океане.

И, наконец, таким же образом трактуются околорипейские сюжеты у Капеллы (VI, 663 сл.): аримаспы, за ними — Рифейские горы и страна, затененная густым мраком, блаженные гипербореи, у которых шестимесячный день, и т. д.

¹² Ф. Якобс считал, что речь идет о Гекатее Милетском (F. Gr. Hist., fr. 370), который, как предполагал Ф. Якоби (Comm., p. 351 sq.), упоминал и о Рипейских горах (fr. 194=Strab., VII, 3, 6). Вероятнее все же, что здесь имеется в виду Гекатей Абдерский.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что в сообщениях античных авторов о заскифских областях нашли отражение скифские предания о мифических северных горах — обиталище холодного Борея и средоточии небесных светил и созвездий. Согласно легенде, за этими горами находится область, расположенная как бы вне досягаемости холодного северного ветра и отличающаяся поэтому прекрасным климатом, вечным сиянием солнца, неиссякающим теплом, плодородной почвой и т. д. Жители этой страны — гипербореи — ведут жизнь богов: они не знают ни горя, ни трудов, ни болезней, земля сама доставляет им все необходимое, они обладают беспримерным долголетием и как бы присутствуют на вечном празднике, сопровождающемся пением и музыкой.¹³ Однако переданный античными авторами скифский эпос содержит и какие-то реальные сведения о северных и приполярных странах (Ледовитый океан, полярная ночь, суровый климат).

Само описание пути к Рипейским горам и гипербореям идет от определенно существовавших народов к существам фантастическим: начинают этот ряд исседоны — вполне реальное племя, описанное уже Аристеом с четким этнографическим колоритом.¹⁴ В известиях же об аримаспах как бы смешаны миф и реальность: каждый из членов племени имеет лишь один глаз, но это воинственный и сильный народ, богатый лошадьми, крупным и мелким скотом, добывающий золото и нападающий на соседние племена: аримаспы вторглись в пределы исседонов и потеснили не только их, но и весь ряд народов, включая киммерийцев.

Что же касается грифов, то не может быть сомнения в том, что это существа мифические. Неоднократно отмечалось,¹⁵ что образ грифов имеет особое распростра-

¹³ См.: Müller K. O. *Dorier*. Breslau, 1820, Bd I, S. 269 folg.; Schroeder O. *Hyperboreer*. — Arch. Relig.-Wissenschaft, 1904, Bd VIII, S. 69 folg.; Usener H. *Die Sintflutsagen*. Religionsgeschichtliche *Untersuchungen*, Bonn, 1899, Th. III, S. 187 folg.; Crusius O. *Hyperboreer*. — In: Roscher W. H. *Ausführliche Lexicon der griechischen und römischen Mythologie*. Leipzig, 1884—1890, Bd X, col. 2805 sq.; Däbritz R. *Hyperboreer*. — RE, 1916, t. IX, col. 258 sq.; Лосев А. Ф. *Античная мифология в ее историческом развитии*. М., 1957, с. 402 сл.

¹⁴ Об исседонах см. подробнее с. 79 сл.

¹⁵ Frankfort H. *Notes on the Cretan Griffin*. — ABSA, 1936—1937, t. XXXVIII, p. 106 follow.; Scheffold K. *Orient, Hel-*

нение у кочевых народов. Легенда о грифах и аримаспах, как убедительно показал Дж. Болтон, привлечший большой сравнительный исторический, этнографический и фольклорный материал,¹⁶ оказывается вариантом фольклорного сюжета, широко распространенного в Центральной Азии, Китае, Индии и в других странах. Аримаспы при этом могли быть и реальным народом, в мифологии которого фигурировали одноглазые демоны-грифы, драконообразные стражи золотоносных гор. По-видимому, греки, услышав от исседонов о каких-то крылатых чудовищах, охраняющих золото, связали их с хорошо известными на их родине орлиноголовыми грифами. Главную роль в этом сыграл, вероятно, Аристей Проконнесский, включивший легенду о грифах и аримаспах в свою поэму, дав тем самым новую жизнь греческим представлениям¹⁷

Таким же образом, скорее всего, обстоит дело и с гиперборейями. У Аристея, как полагает Дж. Болтон, на рассказы исседонов о каком-то отдаленном мирном и счастливом народе наложилась греческая легенда о блаженных гиперборейях, ведущая свое происхождение от дельфийских и делосских преданий.¹⁸ И. В. Пьянков предполагает, что прототипом аристеевых гипербореев послужили мирные лесные племена Сибири,¹⁹ однако необходимо отметить, что в сообщениях о гиперборейях прослеживаются по существу одни лишь мифологические черты и в них скорее можно видеть небожителей, ведущих райскую жизнь под самым северным полюсом. О мирных лесных племенах Сибири уместнее, вероятно, вспомнить в связи с сообщениями античных авторов об аргиппеях-аримфеях (аремфеях).²⁰ Основными сведениями о них мы обязаны Геродоту (IV, 23)²¹ и латинским авторам —

las und Rom in der archaologischen Forschung seit 1939. Bern, 1949, S. 38.

¹⁶ Bolton J. Aristeas of Proconnesus, p. 83 follow.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid., p. 98 follow.

¹⁹ Пьянков И. В. Рец. на кн.: Bolton J. Aristeas of Proconnesus. — ВДИ, 1962, № 4, с. 177 сл.

²⁰ См.: Tomaschek W. Argippaioi. — RE, 1896, t. II, col. 720; Phillips E. D. The Argippaiei of Herodotus. — Artibus Asiae, 1960, t. XXIII, ps 1, p. 124 sq.

²¹ Ср.: De aere, 26. Сведениям Геродота об аргиппеях, несомненно, можно доверять: описание его изобилует рядом конкретных этнографических деталей, да и сам Геродот считает сведения о «плешивых» вполне достоверными (IV, 24, 25).

Помпонию Меле, Плинию, Солину, Аммиану Марцеллину и Капелле,²² последние (по-видимому, под влиянием Гекатея Абдерского²³) уподобили их гиперборейам и разместили у подножия Рифейских гор. Влияние в достаточной мере реалистического описания Геродота на римских писателей можно считать безусловным, однако в их произведениях (т. е. уже у Гекатея Абдерского) этнографический колорит был почти утерян, а на первое место выдвинуто все, что связано с культом и идеализаторскими тенденциями самих авторов. Однако, несмотря на это, в случае с аргиппеями-аримфеями можно, отбросив налет идеалистических, религиозных и мифических наслоений, говорить о каком-то конкретном прототипе и о реальности описываемого племени, сведения о котором от соседних народов доходили до скифов, а благодаря им — и до греков.

Что же касается «гиперборейского» цикла, то тут нужно различать какие-то конкретные сведения о полярных явлениях, получаемые тем же путем, и чисто мифологические черты скифского эпоса о небожителях, нашедшие несомненные параллели в легендах и мифах античного мира.

Сами скифы, бесспорно, не были обитателями приполярных стран и, следовательно, получали знания об этих местностях от своих соседей. Выяснить географический ареал подобных представлений важно не только с точки зрения решения вопроса о первоначальной территории Скифии, но и с точки зрения поисков прародины арий-

²² Mela I, 3, 115—117; Plin., HN, IV, 34; VI, 19; Amm. Marc., XXII, 8, 38; Solin., XVII, 1—2; Capella, VI, 665. На основании того, что все названные латинские авторы передают название Ῥίψαια ορη (Рипейские горы) греческих источников как Rhiphaei (Рифейские) и помещают их на севере Скифии, можно предполагать, что все они имеют в основе один общий источник.

²³ Ряд особенностей, в частности упоминание Плинием (VI, 34) в связи с аримфеями р. Карамбук, встречающейся только у Гекатея Абдерского (см.: Steph. Byz., s. v. Ἐλιξοία), наводит на мысль о том, что он и был этим источником, — скорее всего, не непосредственно, а через какой-то общий латинский источник (см.: Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, Л., 1925, с. 48). Некоторые исследователи называли имя Варрона: Hermann A. Issedoi. — RE, 1916, t. IX, col. 2238 sq.; Piezia M. Hekataios über die Völker am Nordrand des skythischen Schwarzmeergebietes. — Eos, t. L (1950—1960), fasc. 1, p. 36. К Гекатею Абдерскому (к его сочинению «О гиперборейях») восходят, несомненно, и сведения названных авторов о гиперборейях.

ских (индоиранских) племен; ведь аналогичный полярный эпос существовал не только у скифов (иранцев), но и у древних ариев. Всем этим проблемам посвятили свою книгу Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский.²⁴ Следуя за авторами, перечислим те поразительные совпадения, которые наблюдаются между скифскими полярными представлениями и древнеиндийской «арктической» традицией.²⁵

Прежде всего, в эпических поэмах Индии встречаются описания явлений, возможных лишь в северных полярных районах; например упоминания о неподвижной Полярной звезде, расположенной в центре мироздания, о долгой полярной ночи, тянущейся полгода, и о шестимесячном дне, о стране, где солнце встает только раз в году, о созвездии Большой Медведицы («Семеро Ринги») и т. д. В «Махабхарате» все эти явления связываются с горой Меру, протянувшейся в широтном направлении с запада на восток по северной окраине мира, в области суровых холодов и морозов; однако сама Меру — лучезарное местопребывание богов и различных божественных существ, вокруг нее вращаются никогда ее не покидающее солнце и все светила, с нее, с ее золотой вершины, берут начало золотосные реки. Она же даёт начало и реальным земным рекам.

На этом, однако, совпадения с представлениями о Рипейских горах не заканчиваются: выше Меру располагается Северный Океан, лосящий также название Белого, или Молочного. На острове в этом Океане, или на побережье между горами и Океаном, или на северном склоне самой Меру находится страна счастья, священная обитель блаженных, благодатная и плодородная область с прекрасным климатом и долголетними, живущими до тысячи лет, справедливыми жителями, почитающими богов. А на подступах к Меру лежи' страна мрака и страшных чудовищ, делающих невозможным достижение обители праведных для простых смертных (ср.: Pind., Pyth., X, 30 sq.: «Никто из смертных ни по морю, ни по земле не может найти чудесной дороги к жилищам гипербореев»).

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский с полным на то основанием отмечают, что здесь совпадают не от-

²⁴ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974. 124 с.

²⁵ Там же, с. 9 сл., 32 сл., 62 сл. и др.

дельные сюжеты, а весь цикл представлений, причем сходные мотивы располагаются в одинаковой последовательности и непосредственной связи друг с другом.²⁶

Тот же цикл представлений авторы отмечают и в иранской мифологии,²⁷ причем традиция, зафиксированная в письменных памятниках Ирана (такие сведения содержатся уже в очень древних частях «Авесты»), относится к значительно более раннему времени, чем индийский эпос. У древних иранцев также существовало представление о великих священных горах (Хара Березайти), протянувшихся с запада на восток по северной окраине земли. Эти горы — местопребывание богов и героев и центр путей для солнца и светил; с золотой вершины Хары также текут золотоносные реки; у подножия Хары также лежит огромное море Воурукаша, над Харой и этим морем сияет Большая Медведица. Гимны «Авесты» передавали традицию о суровых зимах у истоков р. Рахи, берущей начало с Великой Хары (десять зимних месяцев и лишь два летних, но также очень холодных). Но там же располагается и райская обитель блаженных, праведные жители которой лишь раз в год видят заходящее и восходящее солнце.

Такие явные соответствия в представлениях древнего Ирана и древней Индии позволяют авторам книги сделать обоснованный вывод, что корни всего этого «полярного цикла» надо искать еще в наследии общеарийской эпохи и что эти представления сложились задолго до того, как на них могла оказать влияние античная традиция, т. е. еще в период совместного обитания предков индийцев и иранцев, а также что к этому общеарийскому кругу восходит и скифская традиция о Рипейских горах.²⁸

Такое предположение становится тем более вероятным, что представления о великих горах нашли отражение в древнейшем письменном памятнике индийцев — «Ригведе», причем, как считают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, есть все основания толковать спорное упоминание о вершине Рипы (III, 5) именно как упоминание о вершине горы, а не земли, тем более что указанный текст сохранил ряд деталей, находящихся прямые аналогии в индоиранских представлениях о священ-

²⁶ Там же, с. 45.

²⁷ Там же, с. 46 сл.

²⁸ Там же, с. 56 сл.

ных горах: там пролегает путь движения солнца, там находится центр мира и место веселья и наслаждения для богов, там бог Агни охраняет Семиглавого (семь материков, на которые подразделяется существующий мир? Или семь звезд Большой Медведицы?) и т. п. Не случайно в «Махабхарате» Агни предстает как один из богов, пребывающих в далекой Северной стране, где «по полугодиям встает златокудрое солнце».

Отсюда исследователи делают правомерный вывод, что название «Рипы» встречается уже в «Ригведе», что оно отражает общеарийское представление о священных северных горах и что к нему же восходят Рипейские горы скифских легенд.²⁹

Поскольку в иранском и индийском эпосе конкретные географические сведения о северных странах крайне скудны и так «обросли» мифологическими деталями, что почти утратили свою реальность, авторы книги для выявления географической панорамы полярного цикла обратились именно к скифскому материалу, поскольку последний ближе стоит к нам по времени и благодаря достаточному отражению в античной традиции предоставляет некоторые ориентиры для решения проблемы. Главным аргументом для географических привязок, несомненно, является правильная, отвечающая данным античных источников локализация Рипейских гор.

²⁹ Там же, с. 66. Авторы отмечают, что это слово в «Ригведе» может иметь и нарицательное значение — «гора», «горы».

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ

По-видимому, прежде всего необходимо отделить одно от другого представления о мифических северных горах и о тех горах, которые, располагаясь к северу от Скифии, реально давали начало многим земным рекам. Те и другие называются Рипейскими, однако локализации поддаются, несомненно, только эти последние горы, тогда как первые, связываемые с крайним севером и гипербореями, следует искать не на карте, а в мифотворчестве индоиранских народов.

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский правильно отметили, что Рипейские горы должны располагаться не на востоке, а на севере от Скифии: действительно, об этом согласно свидетельствуют как греческие, так и латинские авторы. Однако отмеченное обстоятельство послужило у названных исследователей поводом к неправильному выводу: поскольку территория Скифии для них с несомненностью увязывается с Северным Причерноморьем, они логически заключили, что Рипейские горы и весь ряд упомянутых возле них народов не могут находиться на востоке от нее, т. е. в Центральной или Средней Азии, и, следовательно, должны ассоциироваться только с Уральскими горами.¹

При такой постановке вопроса получаются следующие по существу неустранимые противоречия: во-первых, Рипейские горы, по недвусмысленным свидетельствам античных писателей, должны быть вытянуты в широтном направлении (сами авторы названной книги неоднократно подчеркивают это обстоятельство), что никак не может быть увязано с Уральскими горами; во-вторых, Уральские горы все-таки расположены на восток или северо-восток от причерноморской Скифии, а вовсе не на север от нее; в-третьих, Уральские горы не являются тем водо-

¹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1974, с. 27 сл.

разделом, с которого берут начало скифские реки. Все это означает, что Рипейские горы следует локализовать по-иному, и здесь мы должны опереться, прежде всего, на те выводы, к которым привело нас рассмотрение ранних источников о скифах (в первую очередь Аристее), т. е. взять за исходный ориентир территорию скифов к югу от Сырдарьи.² Если мыслить эту территорию в тех пределах, которые очерчивают античные источники (за Бактрией и к северо-западу от Индии), то в этом случае Рипейские горы следует отождествлять с Тянь-Шанем (возможно, вместе с прилегающим к нему Памиро-Алаем): прежде всего, этот горный хребет действительно находится к северу от очерченной скифской территории и имеет широтную протяженность с запада на восток; к тому же он и в самом деле является водоразделом многих больших азиатских рек, в том числе скифских — Амударьи и Сырдарьи. Таким образом, он в гораздо большей степени отвечает представлениям о Рипейских горах, чем Уральский хребет. Имеются ли, однако, в наших источниках дополнительные основания для подобной локализации?

Обратимся, прежде всего, к Аристотелю: «Под самым севером, выше крайних пределов Скифии, — пишет он в «Метеорологии» (I, 13, 20), — находятся так называемые Рипы, о величине которых передаются весьма баснословные рассказы. Оттуда, как говорят, текут очень многие и самые большие из прочих рек после Истра». Даже если предположить, что Аристотель имел в виду Дон, Днепр и другие реки причерноморской Скифии (хотя для подобного предположения источник не дает видимых оснований),³ то и тогда Рипейские горы нельзя увязать с Уральским хребтом. На вопрос о том, какие горы здесь имеются в виду, можно ответить с помощью самого Аристотеля. В том же произведении, немного раньше (I, 13, 15), рассказывается о горе Парнас, которая, по словам Аристотеля, признается величайшей из всех гор с юго-восточной стороны, потому что «когда перейдешь ее, видно уже внешнее море, пределы которого неизвестны жителям здешних стран». Аристотель назвал эту гору водоразделом рек Бактра, Хоаспа, Аракса, Танаиса⁴ и Инда, т. е. «многих и самых больших из прочих рек после Истра». От-

² См. выше, гл. II—IV.

³ См.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии, с. 31.

⁴ См. выше, с. 133 сл.

сюда правомерно сделать вывод, что под горой Парнас Аристотеля подразумевается система гор, составляющих северо-восточную оконечность Тавра (т. е. прежде всего Тянь-Шань), и что именно к этим горам прилагалось название Рипы (Рипеи): это можно вывести не только на основании упоминания Аристотеля о близости внешнего моря; об этом свидетельствует также Василий Великий (III, 6), который, повторяя сообщение Аристотеля о названных реках, добавляет: «И зачем перечислять другие (реки, — И. К.), которым дают начало Рипы — горы, находящиеся за самой отдаленной частью Скифии?».

Такая локализация (Тянь-Шань = Рипеи) представляется тем более вероятной, что многие античные писатели отмечают связь между Рипейскими горами и Кавказом (в широком смысле слова).⁵ Здесь следует, прежде всего, назвать имена тех латинских авторов, которые, как уже было отмечено, опирались на древнеионийские источники: Мела (I, 109), Плиний (V, 98), Солин (38, 11) и Капелла (VI, 683) согласно сообщают, что горный хребет, разрезающий Азию и получающий на своем протяжении множество различных имен (и в основном называющийся общим именем Тавра, Кавказа⁶ или Керавнского хребта⁷), простирается вплоть до соединения с Рипейскими горами (ср. свидетельство Плиния, VI, 15, о том, что Кавказский хребет в понтийской области Коликке поворачивает к Рипейским горам). Не случайно у Помпея Трога (Just., Epitom., XII, 5, 9) аримаспы, которых обычно связывают с Рипейскими горами, помещены за парфянами, рядом с паропамисадами и другими народами у подножия Кавказа.

Следовательно, Рипеи как бы замыкают ту систему азиатских гор, о которой уже была речь выше. Совершенно закономерным выглядит в этом случае и утверждение из анонимного сокращенного «Землеописания» (IX, 28), где величайшими из гор в Азии названы Имав, Эмод, Кавказ и Рипейские. В то же время в схолиях к Дионисию (ad Perieg., 7) приводятся два мнения: первое — что Кавказские горы и есть Рипейские,⁸ второе — что Рипей-

⁵ Ср.: Steph. Byz., s. v. Καβλασος: «Кавказ — гора, которую называют и Паропанисом».

⁶ Ср.: Philostrat., De Apoll. Thyan., II, 2 sq.

⁷ Ср.: Plin., HN, V, 99.

⁸ По-видимому, здесь под Кавказом имеется в виду крайняя восточная оконечность горной азиатской цепи — Индийский Кав-

ские горы составляют часть Кавказа (такова и точка зрения Евстафия — см. его комментарии к «Землеописанию» Дионисия, 663).

Такая локализация Рипейских гор подтверждается и тем обстоятельством, что многие античные авторы называют истоком среднеазиатского Танаиса Рипейские горы или же Кавказ (Дионисий, Арриан, Курций Руф, Никифор Влеммид, Лукан, Поликет, автор «Дорожника Александра» и др. — см. подробнее в гл. VIII). Даже у Мелы (I, 115; II, 2) и Плиния (IV, 78; 88), хотя под берущим начало в Рипейских горах и впадающим в Меотиду Танаисом они, судя по контексту, скорее всего, имеют в виду Дон, можно выявить сведения о среднеазиатском Танаисе, так как оба этих автора выше Меотиды помещают наряду с савроматами исседонов, что не имеет никакого отношения к Дону и Азовскому морю, а далее за ними — ари-маспов, грифов, Пероносную страну, околорипейские местности и гипербореев, т. е. весь зааральский «полярный» набор.

Таким образом, Рипейские горы античных авторов надежно отождествляются с северо-восточной оконечностью того единого горного хребта, который, по мнению древних, проходил через всю Азию, т. е. с Тянь-Шанем. Отсюда именно брал начало Танаис, впадающий в Меотийское озеро и разграничивающий «скифскими волнами» Европу и Азию. Последнее обстоятельство точно соответствует фактам: Сырдарья действительно имеет истоки на Тянь-Шане и впадает в Аральское море; что же касается границы между Европой и Азией, то, как мы пытались выше показать, разграничение материков по Сырдарье являлось ранней и стойкой традицией античной литературы, возникшей задолго до перемещения евразийской границы на Дон.

Итак, совокупность рассмотренных выше свидетельств подтверждает высказанное автором работы предположение о локализации Рипейских гор в Средней Азии и об их отождествлении с Тянь-Шанем. Соотнесение же с Уральскими горами не только не согласуется с данными источников, но и прямо им противоречит.

каз, во всяком случае у нас нет ни малейших оснований отождествлять с Рипеями Кавказ в его современном понимании (т. е. горный перешеек между Черным и Каспийским морями), как это делает Л. А. Ельницкий в кн.: Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 60 и др.).

По-видимому, конкретное «приземление» Рипейских гор и их соотнесение со среднеазиатской горной системой — явление вторичное и более позднее. Рипейские горы индоиранских и скифских мифов остаются легендарными северными горами, лежащими у Ледовитого океана, горами, за которыми расположена недоступная для простых смертных обитель богов и героев. Для таких представлений среднеазиатские горы были чересчур реальными, и к тому же они отнюдь не давали повода для описания тех полярных явлений, о которых шла речь выше.

Вероятно, авторами конкретной локализации были все же малоазийские греки, которым первым довелось познакомиться как со скифскими легендами и мифами, так и с их носителями. Когда же это могло произойти?

Известно, что первыми из скифских племен появились в Западной и Малой Азии киммерийцы (в конце VIII в. до н. э.). Античные источники дают основание считать, что именно киммерийцы и донесли до греков скифский полярный эпос. Во всяком случае и греческие, и латинские авторы согласно говорят о том, что живущие у внешнего океана киммерийцы подобно гиперборейцам окутаны туманом и мраком или же что у них по меньшей мере полугодовая ночь. Так, Ликофрон в «Кассандре» (1427) уподобил тучи закрывших солнце персидских стрел киммерийскому мраку и туману (см. об этом в схолиях Цеца к указанному стиху; сам Цец пишет, что киммерийцы — народ у Океана, покрытый мраком). Тибулл в своих элегиях (III, 7, 64 сл.) упоминает о мрачных твердых киммерийцев, для которых никогда не появляется день на светлом востоке, а Овидий в «Метаморфозах» (XI, 592 сл.) описывает находящуюся вблизи киммерийцев пещеру — жилище сна, в которую никогда не заглядывает солнце; в земле киммерийцев — вечный туман и сумерки неясного дня. Интересно, что Овидий, давший столь яркое изображение всех деталей скифского полярного цикла,⁹ называет место своей ссылки «киммерийским берегом» — *Cimmerio litore* (Ep. ex Pont., IV, 10).

Весьма показательно и свидетельство Плутарха (Маг., XI) о том, что те киммерийцы, которые пришли в Азию, составляют лишь небольшую часть целого, тогда как наибольшая и самая воинственная часть киммерийцев, живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, леси-

⁹ См. с. 163 сл.

етую и туманную¹⁰ и живет под таким небом, «где полюс, по-видимому, достигает большой высоты вследствие наклона параллелей и отделяется лишь небольшим пространством от зенита, а дни, равные по величине ночам, делят время (пополам)» — т. е. половину года там царит ночь, другую половину — день.

О киммерийском мраке упоминает также Максим Тирский (Or., XXII, 6 — *Κιμμεῖριοι οἱ ἀνῆλιοι*; ср.: Or., XVI, 9), Лактанций (Divin. inst., V, 3, 23), Гимерий (Ecl., XIII, 14 Phot.) и Григорий Богослов (Ер. III). Последний утверждает, что киммерийцы осуждены не только, как говорят некоторые, на шестимесячную ночь, но не имеют вообще свободы от мрака, а только одну долгую ночь в продолжение всей жизни.

Античные авторы говорят в связи с киммерийцами и об обители праведников (и в этом уподобляя их гиперборейцам) и, следовательно, дают возможность выявить одну из составных частей скифского эпоса. В этом смысле интересно сопоставить с утверждением Климента Александрийского (Strom., lib. IV, С. XXVI, § 172) о том, что «гиперборейские и аримасповские города и Елисейские поля являются обителями праведных», восклицание Тибулла (Eleg., III, 5, 23 sq.): «Да будет мне дано когда-нибудь познать Елисейские поля и судно Леты и Киммерийские озера...».

Таким образом, в источниках наряду с известиями о реальных киммерийцах в Азии, имеются и определенные сведения о мифах, по-видимому, принесенных с собой киммерийцами. Что дело обстояло именно таким образом, подтверждает Гомер — современник и вероятный очевидец появления киммерийцев в Малой Азии. Ему принадлежит первое упоминание о кочевниках-киммерийцах («Илиада», XIII, 5 сл.);¹¹ он же первый сделал достоянием своих читателей киммерийский эпос (Одиссея, XI, 12 сл.):

«Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос. землю ль

¹⁰ Отождествляя киммерийцев с кимврами, Плутарх отводит им область Герцинских лесов.

¹¹ См. выше, с. 49 сл.

Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих»

(перевод В. А. Жуковского).¹²

Нас не должен смущать перенос места жительства киммерийцев на запад, поскольку речь вообще идет о фантастических странах, не поддающихся географическому определению: последний реальный пункт странствий Одиссея — земля лотофагов на ливийском берегу, а о киммерийцах поэт упоминает в связи с посещением Одиссеем подземного царства, вход в который, по распространенным у греков представлениям, находился на крайнем западе. Киммерийская мифология включена в поэму, видимо, из-за ее сходства с бесплодным царством теней в Аиде. Любопытно, однако, что во владения мертвых киммерийцев Одиссея ведет Борей (X, 507 сл.) — тот самый северо-восточный ветер, который неизменно упоминается в связи с гиперборейями, Рипейскими горами и всем кругом околорипейских племен.

Можно думать, что автор «Одиссеи» из первых рук узнал как о самих киммерийцах, наводнивших в конце VIII в. до н. э. Малую Азию и остававшихся в поле зрения малоазийских греков более столетия,¹³ так и об их «северном» фольклоре. Сведения Гомера впоследствии использовали многие писатели (см. выше): к Гомеру восходит описание киммерийского тумана и мрака, от него же взята западная локализация киммерийцев («у киммерийцев, народа западного, миф сочиняет многосуточные ночи», — пишет Гимерий).¹⁴ Однако свести всю информа-

¹² Более точен прозаический перевод В. В. Латышева: «Закапилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а (судно наше) достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним (своими) лучами — ни когда восходит на звездное небо, ни когда с неба склонится назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (SC, т. I, с. 300).

¹³ Ср.: Евстафий (ad Odys., XI, 14): «Другие писатели говорят также, что при своем нашествии они [киммерийцы] разграбили святилища богов в Азии. Поэтому певцы, не имея возможности повредить им иначе, вымышленным переселением [на запад] отомстили за дурные поступки этого народа вследствие всеобщей, как говорят, вражды к ним ионийцев; а поэт [Гомер], стоящий во главе этих певцов, — также иониец».

¹⁴ Извлечение Фотия, XIII, 14. Ср.: Евстафий (ad Odys., X, 86).

цию к Гомеру нельзя, и, по-видимому, сведения о полугодовой ночи и такой же продолжительности дне имеют в основе другой источник. Можно только предполагать, что эти известия, скорее всего, идут также от ранних ионийцев (Аристея? Гекатея?). Прочитанное выше свидетельство Плутарха также стоит вполне в русле этих известий о киммерийцах, поэтому не представляется возможным извлечь из него подтверждение тому, что киммерийцы были обитателями Северного Причерноморья, как это пытаются сделать современные исследователи.

Самую суть проблемы подытожил Евстафий в своих комментариях к «Одиссее» (к XI, 14). Он пишет, что в действительности киммерийцы живут на крайнем севере и что только благодаря мифу они были перемещены на запад и даже в самый Аид; вообще же это кочевой скифский народ, походы которого хорошо известны; страна киммерийцев, как говорят, окружена горными высотами с востока на запад, там 6 месяцев длится ночь и столько же • — день.

Таким образом, Евстафий четко наметил три направления в известиях о киммерийцах: одно касается реального племени, совершавшего походы в Азию; ¹⁵ второе связано с мифологическими воззрениями ионийцев, благодаря которым киммерийцы оказались на западе, третье непосредственно относится к мифам и легендам самих киммерийцев, являющимся несомненно частью скифского полярного эпоса с его представлениями о протянувшихся с запада на восток Рипейских горах и полярных днях и ночах в околорипейских местностях.

Все вышеизложенное позволяет с большей уверенностью предполагать, что киммерийцы были первым из скифских племен, появившихся в поле зрения греков и что путь их в Малую Азию проходил по территории Иранского пагорья; кроме изложенных ранее соображе-

• 1 ft

нии, об этом свидетельствует также и тот факт, что греки, познакомившись благодаря киммерийцам с их легендами и мифическими северными горами, «приземлили» эти горы, отождествив их с реальными хребтами Средней Азии, расположенными к северу от киммерийской исходной территории. Этой конкретной локализации способство-

¹⁵ Евстафий, так же как и Плутарх (*Мор.*, XI), пишет, что киммерийцы появились в Азии от Боспора Киммерийского. Эти известия следует объяснить несомненным влиянием Геродота.

¹⁶ См. гл. III.

вало также и представление о том, что отсюда берут начало скифские реки, а также о несомненном протяжении этих хребтов с запада на восток, Греки настолько были убеждены, что Рипейские горы находятся к северу от Скифии, что позднее, когда представление о территории скифов переместилось из Средней Азии в Северное Причерноморье, искали и Рипейские горы на севере от Понта Евксиинского, считая, что именно с них и должны брать начало Тирас, Гипанис, Борисфен и Танаис — реки, впадающие в Черное море.¹⁷ Такое основанное не на реальных представлениях мнение держалось и в средние века и начало изживаться лишь в XV—XVI вв., когда были получены точные сведения о географии Руси.

Локализация Рипейских гор важна не только сама по себе: найдя реальное соответствие этим горам на карте, мы получаем немаловажный ориентир для решения вопроса о прародине ариев. Хотя тема эта совершенно выходит за пределы компетенции автора, необходимо все же наметить некоторые координаты, диктуемые интерпретацией скифского материала.

Не вызывает сомнений тот факт, что индоиранцы не жили в приполярных местностях и получали реальные сведения о полярных явлениях, переплетенные с легендами о северных горах и небожителях, от своих северных соседей. Г. И. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, отождествив Рипейские горы с Уральским хребтом, очертили прародину древних ариев в пределах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

Однако, как мы пытались выше показать, такая локализация Рипейских гор не является правомерной и вообще конкретное отождествление этих гор — явление вторичное, причем авторами его, скорее всего, были сами греки. Отождествление ими Рипейских гор с Тянь-Шанем свидетельствует лишь о том, что ираноязычные киммерийцы и скифы находились южнее этих гор (реально — юго-западнее) незадолго до того, как с ними и с их фольклором поззнакомились греки.

Где же в таком случае могли происходить контакты с обитателями северных лесов? На поставленный вопрос можно ответить с наибольшей вероятностью, очертив в качестве искомой территории более северные по сравнению

¹⁷ Интересно, что Геродот, с недоверием относившийся к известиям о Рипейских горах, считал, будто все реки причерноморской Скифии имеют истоками озера.

с Тянь-Шанем районы Северо-Восточного Казахстана и Юго-Западной Сибири, т. е. верхнего Поиртышья и Приобья, Алтая и верховьев Енисея.

По-видимому, правомерно именно эти области рассматривать в качестве прародины ариев — территории, с которой индоиранские племена впоследствии расселились в Переднюю Азию, Иран, Среднюю Азию, Афганистан и Индию. Именно на этой территории находится древнейший памятник скифской культуры — курган Аржан, и именно на этой территории могли осуществляться тесные контакты с северными соседями.

Попутно хотелось бы затронуть еще одно обстоятельство. Время индоиранского единства мыслится в пределах приблизительно от середины III тыс. до н. э.¹⁸ до середины II тыс. до н. э.¹⁹; к этому времени финно-угорской общности уже не существовало: по мнению современных исследователей,²⁰ угорская ветвь обособилась в IV—III тыс. до н. э., причем протоугры первоначально сосредоточивались в бассейнах Оби и Иртыша, а уже отсюда позднее расселились к северу и западу, т. е. протоугры и были, по-видимому, соседями индоиранцев на очерченной территории.

Это подтверждается тем обстоятельством, что отмеченные поразительные соответствия и взаимные влияния иллюстрируются почти исключительно в угорских языках, в религии, мифологии, эпосе и сказаниях угров. Почти все детальные совпадения, отмечаемые исследователями, взяты из материалов этнографических описаний XIX—XX вв. обских угров (хантов и манси — народов угорской ветви), тогда как другие параллели либо относятся к более позднему, чем период возможных контактов, времени, либо имеют лишь типологическое сходство. Из самых поразительных совпадений, прежде всего, следует отметить, что название Рипейские горы, Рипы восходит, по всей ве-

¹⁸ См.: Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса). — В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 125.

¹⁹ См.: Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана. — Там же, с. 319. См. также: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 351; Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 40.

²⁰ См. материалы Конгресса по финно-уграм в кн.: Congressus Internationalis fenno-ugristarum. Budapest, 1963. 490 p.

роятности, к первоначальному «рия», «рипа» — «гора» вообще, что переключается с обозначением горы в языке хантов. Угорские племена заимствовали у индоиранцев коневодческие термины и культ коня (в частности легенды об избрании на царство с помощью коня у манси).²¹ Можно отметить также соответствие названий лося и представления о нем у угорских народов и у древних индицев; ²² удивительные совпадения сведений о шаманских чертах в древнейших религиозных представлениях индийцев с материалами о шаманах у обских угров и о камланиях енисейских шаманов; не менее удивительные совпадения в названии наркотического средства, с помощью которого впадают в экстаз шаманы у иранцев, индийцев, хантов и манси, а также параллельные легенды о похищении священного напитка птицей; соответствие названий северного ветра и моря у индоиранцев и угров Зауралья.²³ И, наконец, следует обратить внимание на сведения об обители блаженных в угорских преданиях, находящейся «на крайнем севере, близ океана и льдов», причем в легендах хантов и манси эта область с полугодовыми днями и ночами помещалась в низовьях Оби или на острове в Ледовитом океане.

Все эти соответствия, как представляется, должны исключать из рассмотрения западноуральские области в качестве искомой прародины ариев, и, напротив, они недвусмысленно свидетельствуют в пользу очерченной здесь территории. При этом с большей обоснованностью и вероятностью может решаться вопрос о путях и времени расселения индоиранских племен на азиатских территориях. Однако вопрос этот уже совершенно выходит за рамки работы. Следует еще раз повторить, что автор отнюдь не претендует на решение сложнейшей проблемы и что сделанные попутно замечания являются следствием проделанного анализа скифского материала.

²¹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индия, с. 74 сл.

²² Там же, с. 79 сл. Как отмечают авторы книги, сходные предания имеются у многих народов — от бассейна Енисея до Финляндии, однако «происхождение индийской традиции о шабрахе (лосе) можно непосредственно увязать с мифологией угорских народов — именно там мы находим совпадение такой необычной детали, как многоголось и соответствие названий».

²³ Там же, с. 101 сл. Возможно, что обозначение моря было также заимствовано индоиранцами у угров, так как в тех местах, где они обитали, моря не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические исследования последних лет выявили раннюю культуру скифского типа (VIII—VII вв.) на обширных территориях Поволжья, Южного Приуралья, Средней Азии, Казахстана, Семиречья, Памира, Тянь-Шаня, Южной Сибири, Алтая и далее на восток, вплоть до Тувы. Это побуждает пересмотреть устоявшиеся в науке представления о Северном Причерноморье как единственном, главном и исконном центре формирования скифской культуры, тем более адо в Северном Причерноморье скифская культура как таковая известна лишь с начала VI в. до н. э. Особенно важной в настоящее время является задача изучения античных письменных свидетельств о скифах, с тем чтобы можно было ответить на вопрос: имеет ли современное расширенное представление о Скифии по данным археологии опору в источниках? Такому анализу и посвящена данная работа.

Прежде всего, была сделана попытка рассмотреть взгляды современных скифологов, так или иначе затрагивавших проблемы скифского этногенеза, выявить различные противоречия в существующих гипотезах и показать, насколько диаметрально противоположны точки зрения различных исследователей по существу почти по всем основным вопросам. При этом круг источников, положенных в основание тех или иных теоретических построений, остается одним и тем же. Сопоставление гипотез показывает, что пытаться примирить имеющиеся в них противоречия — дело невозможное и бесполезное и что гораздо больше пользы может принести более внимательное изучение наших письменных источников.

Представляется необходимым еще раз оговорить, что в основном рассмотрению подверглись источники спорные, неоднозначно интерпретируемые, непонятные или даже отброшенные нашей историографией как ложные или вносящие ненужную путаницу. Источники, однозначно касающиеся Северного Причерноморья, по большей части были

оставлены в стороне как не требующие специального толкования. Иногда и такого рода источники приходилось рассматривать более подробно — в тех случаях, когда они с точки зрения автора работы неправильно интерпретируются современными исследователями.

В первую очередь были подвергнуты разбору ранние известия о скифах и киммерийцах (Гомер, Гесиод, Каллимах Эфесский, Алкей, Гекатей, Каллимах), т. е. те свидетельства, на основании которых исследователи доказывают давность обитания скифов в Северном Причерноморье. Проведенный анализ показал, что все эти авторы писали о скифах и киммерийцах в Малой и Передней Азии, где они действительно находились в VIII—VII вв. до н. э. и где с ними непосредственно столкнулись ионийские греки, начавшие колонизационное освоение побережий Малой Азии. Северное же Причерноморье вошло в сферу колонизации греков значительно позже. У нас нет оснований считать, что скифы и киммерийцы обосновались в Северном Причерноморье раньше, чем они появились в Передней и Малой Азии, где они и были засвидетельствованы документально восточными текстами. По всей видимости, археологическая дата распространения скифской культуры в Северном Причерноморье отражает время их действительного там появления.

Точно так же археологические материалы, античные письменные источники и восточные тексты не подтверждают взгляда на киммерийцев как на предшественников скифов в Северном Причерноморье. Имеются достаточные основания считать киммерийцев племенем, родственным скифам и передовым отрядом продвижения скифо-сакских племен на территорию Передней и Малой Азии. Это означает, что предшественники скифов в Северном Причерноморье, т. е. носители срубной культуры, не могут быть отождествлены с киммерийцами и им следует искать иное этническое определение.

Анализ другого источника — поэмы об аримаспах Аристея Прокопнесского (VII в. до н. э.) — позволил подойти к решению спорного вопроса о путях движения киммерийских и скифских племен в Северное Причерноморье и очертить ту территорию, с которой они в VIII в. до н. э. это движение начали. Новая интерпретация представления античных писателей — Аристея и Геродота в первую очередь — о южном море и отождествление его с Персидским заливом позволило очертить исходную территорию

киммерийцев к северу от залива, а скифов — в между-речье Амударьи и Сырдарьи; с этой территории киммерийцы и скифы начали свое продвижение через Иранское нагорье в Переднюю и Малую Азию, где они находились более столетия, а затем были вытеснены в Северное Причерноморье в начале VI столетия.

В связи с этими проблемами рассмотрены представления античных авторов о Восточной Смпфии как о той территории, с которой скифы в VIII в. до н. э. начали свое движение, а также вопрос отождествления геродотовского Аракса, для идентификации которого комментаторы и исследователи называли пять рек — Сырдарью, Амударью, армянский Аракс, Волгу и Дон. Разбор всех точек зрения позволил прийти к заключению, что под Араксом Геродота реально можно иметь в виду соединенное представление о двух реках — Амударье и кавказском Араксе, что подтверждает предложенное восстановление путей передвижения скифо-киммерийских племен: перейдя Аракс-Амударью в начале своего движения, скифы снова пересекли Аракс (по уже кавказский) при своем вторжении в Северное Причерноморье.

По существу именно свидетельство Геродота является единственной опорой утверждения, что киммерийцы были предшественниками скифов в Северном Причерноморье. Однако внутренняя противоречивость геродотовских сведений, греческое происхождение «киммерийских» названий на Боспоре, хронологические неувязки, легендарность сообщений о борьбе и гибели⁹⁾ киммерийских царей на Днестре, несомненные среднеазиатские и малоазийские параллели к приведенной новелле, а также невозможность подтвердить рассказ бесспорным археологическим, материалом еще раз показывают, насколько осторожно и критически следует подходить к известиям Геродота при попытке извлечь достоверные сведения из несогласующихся между собой высказываний. Об этом же говорит апализ его сообщений о походе Дария против скифов. Однако и текст Геродота все же дает информацию о восточных скифах.

При восстановлении ранней этнической истории скифских племен неизбежно приходится снова привлекать географические данные. Большой раздел работы посвящен анализу так называемого «полярного цикла», возникшего на скифской и даже на общеарийской основе, но не обусловленного непосредственно климатом Средней Азии

или юга нашей страны. Эти полярные характеристики, связанные с кругом сведений о Рипейских горах, позволяют восстановить не только мифологические представления скифов и шире — индоиранцев, но и дают возможность ближе подойти к решению вопроса о территории первоначального обитания племен скифского круга. Вопреки распространенным убеждениям, отождествляющим Рипейские горы с Уральскими, в работе предлагается иная локализация Рипейских гор — с восточной оконечностью горных систем Средней Азии, в частности, с Тянь-Шанем, связанная с территорией именно восточной, а не причерноморской Скифии, и, по глубокому убеждению автора, единственно отвечающая параметрам, заданным источниками. Тогда исконная территория обитания скифских племен может быть очерчена на юге Сибири, в той ее части, где открыт поразительный памятник скифской культуры VIII в. до н. э. — курган Аржан и где реально могли происходить контакты ариев с северными соседями, жителями лесной полосы, от которых и произошло заимствование индоиранскими племенами полярного мифологического цикла. Отсюда же затем происходило движение скифских племен через Алтай, Тянь-Шань, среднеазиатское междуречье и далее через Иранское нагорье в Переднюю и Малую Азию, а затем в Северное Причерноморье. К северу от Сырдарьи и Каспийского моря происходило формирование савроматов, также племен скифской культуры; их движение в Северное Причерноморье происходило другими путями, но это уже тема отдельного исследования, которой автор предполагает заняться позднее.

В связи с локализацией Рипейских гор в работе рассмотрены также свидетельства античных авторов о разграничении ойкумены, позволяющие найти определенные критерии для идентификации р. Танаиса (в античности название Танаис прилагалось к трем рекам — Сырдарье, Кубани и Дону). В работе сделана попытка показать, что приоритет названия Танаиса принадлежит Сырдарье, а не Дону. Сделать это представляется очень важным по той причине, что исследователи часто не задумываются, о какой реке идет речь в источнике, и, как правило, отождествляют Танаис с Допом, внося тем самым в тот или иной источник непримиримые противоречия, которых на самом деле в нем нет и которые устраняются только при правильном отождествлении. В этом смысле в работе проана-

лизируются известия Гекатея, Страбона, Диодора и других авторов. Особенно показательным, что в нашей историографии Диодор всегда привлекался для доказательства того, что уже в раннее время скифы заняли территорию между Азовским морем, Доном и Кавказом, тогда как на самом деле у Диодора речь идет не о причерноморских, а о восточных скифах, соседях индийцев, и о территории между Аральским морем, Сырдарьей и восточной оконечностью Тавра, которая в древности также называлась Кавказом. И это совсем по-иному ставит проблему скифского этногенеза.

Ко всем перечисленным проблемам примыкает вопрос о Меотийском озере, вернее, о Меотийских озерах, так как в древности такое название прилагалось и к Азовскому, и к Аральскому морю, и, вероятно, также и к Каспию. О существовании двух или трех Меотийских озер говорит употребление античными авторами этого словосочетания во множественном числе. Как показывает анализ, первоначально это название связано было все же с Аральским озером и лишь впоследствии оно было перенесено на Азовское море. При этом несмотря на то, что греки колонизовали в первую очередь именно устье Азовского моря, знали в связи с этим о стоке избыточных вод из Азовского моря в Черное и, следовательно, отдавали себе отчет в том, что Азов не является замкнутым водным бассейном, они употребляли для его обозначения устойчивое словосочетание «Меотийское озеро».

Что касается вопроса о границе между Европой и Азией, то здесь рассмотрение всей совокупности источников привело к следующим выводам: ранняя традиция (Анаксимандр, ионийцы и Гекатей) проводила границу с запада на восток, по горизонтали; Танаис, фигурирующий в качестве пограничной реки, может быть у них Сырдарьей или Кубанью, но не Доном. Считается, что проведение границы по Дону было уже известно Геродоту, однако внимательный разбор его известий о границе показывает, что он тоже проводил границу в широтном направлении, а в IV, 45, т. е. в том месте, на которое ссылаются комментаторы, отождествляющие Танаис с Доном, Геродот приводит точку зрения ионийцев о границе, идущей также в экваториальном направлении. Дон впервые упоминается в качестве границы между Европой и Азией во второй половине IV в. до н. э. и впоследствии такое меридиональное разграничение материков сосуще-

ствуется с широтным вплоть до конца античности. Рассмотрение вопроса о границе важно не только само по себе, но особенно потому, что дает четкие критерии для решения вопроса о том, какая река подразумевается в том или ином источнике под Танаисом в каждом конкретном случае.

Сформулированные кратко, основные выводы исследования сводятся к следующему.

1. Киммерийцы не были предшественниками скифов в Северном Причерноморье. Ни киммерийцы, ни скифы не были обитателями Северного Причерноморья в период, предшествующий их азиатским походам. Киммерийцы — также скифское племя и передовой отряд продвижения скифо-сакских племен с Иранского нагорья в Переднюю и Малую Азию, где они вместе со скифами находились более столетия, а потом были вытеснены в Северное Причерноморье в начале VI в. до н. э. Дата появления скифов и киммерийцев в Северном Причерноморье совпадает с датой распространения там скифской археологической культуры. Когда в VIII в. до н. э. киммерийцы и скифы начали свое продвижение на запад, первые занимали территорию к северу от Персидского залива, а скифы — междуречье Танаиса и Аракса (Сырдарьи и Амударьи). Территорию первоначального обитания скифских племен следует очертить в Южной Сибири, в Туве.

2. Греки столкнулись с племенами скифского круга в VII в. до н. э. в Малой Азии; греческие писатели (Аристей, Геродот, Диодор) отразили начало продвижения скифских племен и связывали их исходную территорию с местностями к северо-западу от Индии. Анализ античной традиции о южном море, Араксе, Танаисе, Рипейских горах и границе между Европой и Азией подтверждает высказанные автором предположения о роли восточной Скифии, о начале и путях скифского продвижения.

Предложенная гипотеза, как представляется, в известной мере снимает противоречия между данными археологии и письменной традиции; она снимает и отмеченные выше противоречия в нашей историографии, согласовывает территориальные и хронологические неувязки, приводит в соответствие время появления в Северном Причерноморье как самих скифов, так и их культуры, делает возможным проследить их путь археологически, так как именно на Иранском нагорье, в Передней и Малой Азии и в Закавказье найден скифский археологический мате-

риал (в частности, наконечники стрел), предшествующий по времени его появлению в Северном Причерноморье. Становится понятным также небольшое по сравнению с IV—III вв. до н. э. количество скифских погребений VI—V вв. в северочерноморских степях: скифы пришли в Северное Причерноморье, будучи побежденными и ослабленными в борьбе с могущественными государствами Востока, поэтому логично допустить, что они не могли быть многочисленными.

Пройдя через Кавказ, скифы прежде всего должны были занять земли в Прикубанье и Предкавказье. Следовательно, нет никаких оснований исключать эти области из территории Скифии, тем более что здесь как раз и проявились наиболее ярко характерные черты скифской культуры раннего времени. В Прикубанье киммерийцы и скифы оставили богатые курганы с инвентарем переднеазиатского происхождения (Келермесские, Ульские, у станц Елизаветинской, Воронежской и др.). И неудивительно, что именно эти курганы, а не днепровские дают прямые аналогии описанному Геродотом способу погребения скифского царя, подобно горноалтайским курганам скифского времени, погребальным сооружениям Тагискена и Уйгарака в Приаралье, Бесшатыра в Семиречье, кургану Аржан в Туве.

Немногочисленностью скифов объясняется, вероятно, тот факт, что греки, начавшие колонизационное освоение северо-западного побережья Черного моря почти в то же самое время, селились на пустых землях, а не отвоевывали и не выкупали их у скифов.

Предложенная гипотеза позволяет, как представляется автору, наметить пути разрешения проблемы скифского звериного стиля. Этот стиль сложился, по всей вероятности, на обширных пространствах Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, причем обмен и взаимовлияния этих областей в процессе сложения звериного стиля происходили еще до того, как он появился в Северном Причерноморье. Скифы принесли этот стиль в Северное Причерноморье в готовом виде, но осложненным переднеазиатскими и ионийскими влияниями (изображения оленя, пантеры, грифа, горного козла). Другой вариант этого стиля, генетически связанный с Южной Сибирью и Северным Казахстаном, проникал в Северное Причерноморье вместе с племенами савроматского круга, создавая локальные особенности в лесостепи (изображения медведя,

лося, волкообразного хищника). Выделить не только хронологические, но и этнические различия в произведениях звериного стиля в Северном Причерноморье — дело будущих совместных исследований археологов и искусствоведов.

Главный же вывод, который можно сделать исходя из предложенной постановки вопроса, — это то, что новое, расширенное представление о скифской культуре на всем пространстве евразийских степей имеет достаточную опору не только в археологическом материале, но и в данных античных источников.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И.* 116, 155
Абихт К. 114
 Август 157, 158, 164
Авиен Фост 153, 163, 167
 Агатархид 90
 Агни 175
Акишев К. А. 40, 83
 Александр Македонский 115, 122, 127, 128, 132, 133, 146, 147, 150, 151, 154, 159, 161, 179
Алексеев В. П. 43
Алиев И. Г. 24
 Алкей 57, 58, 188
 Алкман 69, 165
 Аммиан *Марцеллин* 63, 80, 94, 97, 106, 108, 135, 172
 Анаксагор 159
 Анаксимандр 54, 74, 143, 157, 191
 Аноним 96, 100, 104, 145, 152, 153, 155
 Аполлодор 49—51, 110
 Аполлон 69
 Апулей 157
Аракс 126
 Аристей 166, 168, 170, 171, 177, 183, 188, 192
 Аристобул 153
 Аристотель 9, 115, 131—134, 146, 149, 177, 178
 Арриан 100, 102, 104, 106, 115, 153 179
Артамонов М. И. 4, 12, 14, 16, 17, 19—21, 30, 61
 Асархаддон 24
 Афинея 102
 Афродита 94, 147
 Афродита Апатура 95
 Ахилл 58
- Ашкуз 65
Ашшурбанипал 23
- Байер Т.* 15, 119
 Бартагва 22
Бартольд В. В. 86
 Батрадз 22
Бернштам А. Н. 40, 82, 83
Бете Э. 88
Блаватский В. Д. 14
Болтон Дж. 67, 68, 83, 88, 89, 170
Бонгард-Левин Г. М. 173, 174, 176, 184
Браун Ф. 97
Врун Ф. 138
- Василий Великий 178
 Вергилий 145, 157, 163, 167, 168
 Вибий Секвестр 145
Виноградов В. Б. 22
Вишневская О. А. 40
 Влеммид Никифор 152, 179
- Гаглойти Ю. С.* 97
Ганзен А. 12
 Гарпократион 9
Гезихий 108
 Гекатей Абдерский 169, 172
 Гекатей Милетский 7, 55, 59, 60, 74, 83, 85—87, 92, 94—103, 113, 128, 129, 132, 144—148, 154, 183, 188, 191
 Гекатей Эритрейский 151, 152
 Гектор 49
Гелланик 9, 103
 Геллий 9
 Гермоген 9
 Геродот *passim*

- Гесиод 9, 48, 53—57, 68, 94, 165, 188
Гимерий 181, 182
 Гомер 9, 48-52, 56, 57, 68, 94, 181—183, 188
 Гораций 104
Городцов В. А. 19, 27
Граков Б. И. 4, 13, 14, 16—18, 22, 30, 36—38, 56, 88, 98
Грантовский Э, А. 44, 47, 91, 103, 173, 174, 176, 184
Греков В. Д. 12
 Григорий Богослов 181
Грязное М. П. 4, 28, 40, 42
- Дандамаев М. А.* 111
 Дарий 6, 88, 132, 136—143, 146, 189
Де Гинь 140, 142
 Деимах 76, 118
 Джебе 92
 Диксарх 128
Диль Э. 63
 Диодор 78, 86, 91, 104, 107, 108, 121—123, 147, 151, 158, 161, 191, 192
 Дионисий 148, 152, 153, 162, 163, 167, 178, 179
Доватур А. И. 75
Дьяконов И. М. 12, 24, 25, 46, 57, 60
- Еврипид** 70, 159
 Евстафий 163, 167, 179, 183
 Евтропий 105
Ельницкий Л. А. 3, 39, 40, 44—46, 51, 57, 58, 60, 64, 97, 140, 145
- Жуковский В. А.* 182
- Зборжил Ж.* 12
 Зевс 49, 50
 Земарх 131
- Иаван** 62
 Иафет 62
Ибн-Руста 131
Иессен А. А. 15, 30, 33, 40
Ильинская В. А. 14, 41, 44, 52
Итина М. А. 40
 Ишпакай 24
- Кавеньяк Э.* 111
Кадырбаев М. К. 40
- Галлимах** 52, 57, 188
 Каллин Эфесский 57, 188
Каллистов Д. П. 12
 Каллисфен 58, 102, 126
 Камбис 73
 Капелла 80, 155, 169, 172, 178
Кассон С. 140
Клаксар 23
Кинкель Г. 67
Киперт Г. 12
 Кир 104, 108, 114, 115, 117, 118, 121, 132
Кислинг М. 96, 124
Клейн Л. С. 21—24
 Климент Александрийский 181
 Клитарх 158
 Константин 159
Копылов И. И. 83
 Корпелий Галл 145
Коте Г. 12, 15, 57, 98, 108, 109, 110
Кречмер К. 15
Кривцова-Гракова О. А. 16, 27, 34
Крупное Е. И. 27
 Ксенофонт 70
 Ктесий 9, 86, 108, 115, 116, 137
 Ктесифонт 126
Кузьмина Е. Е. 43
Кунь И. 56
Курций Руф 106, 115, 158, 179
Кушаев Г. А. 40, 83
- Лактапций 180
Латышев В. В. 133
Лесков А. И. 28—31, 33—35, 38
 Ликофрон 153, 154, 180
Литвинский В. А. 40
 Лукан 103, 106, 120, 121, 135, 145, 158, 159, 163, 179
 Лукиан 9, 110
- Магог 62
 Мадай 62
 Мадий 21—25, 129
Майрз Дж. 73, 74
 Максим Тирский 181
 Манефон 9
 Манилий 135, 158
Маннай-Оол М. Х. 28
Маннерт К. 140
Маркварт И. 103
 Марсагст 108
Мартынов А. П. 42, 43
 Мегасфен 76, 104, 158

Мела Помпоний 80, 96, 100, 104,
110, 166, 168, 169, 172, 178, 179

Мелюкова А. И. 36

Мернепт I 62

Мешех 62

Миллер Вс. 7, 108

Мицнз Э. 12

Мищенко Ф. 9, 12, 15, 110, 114,
124, 125

Мюлленгоф К. 56, 96

Навуходоносор 111

Нейманн К. 12, 15

Нибур В. 12, 126

Нин 86

Нинк М. 12, 15

Новгородова Э. А. 41, 43

Ной 62

Овидий 145, 163—165, 167, 180

Одиссей 51, 182

Ориген 9

Оросий Павел 52, 105, 108, 110,
137

Партатуа 21, 24

Пиндар 70, 148, 173

Пиотровский В. В. 24, 111

Плиний 80, 96, 97, 100, 104, 105,
107—108, 123, 128, 135, 136,
157, 158, 165, 166, 168, 169, 172,
178, 179

Плутарх 9, 180, 183

Полибий 147, 150, 151, 156

Полигистор Александр 101

Полисы 108

Поликлет 150, 179

Помпей 120, 158

Посидоний 49

Потрацц И. 12, 15, 108

Прокопий Кесарийский 160, 161

Прототий 22—24

Псевдо-Арриан 152

Псевдо-Гиппократ 162, 164, 166

Псевдо-Каллисфен 150

Псевдо-Орфей 134

Псевдо-Плутарх 126

Псевдо-Скимн 97, 145, 151, 153,
155

Птолемей 79, 81, 82, 95, 96, 100,
104, 109

Птолемей Филадельф 154

Пьянков И. В. 68, 85, 89, 102,
Юз, 115—117, 119, 124, 128,
133, 171

Раевский Д. С. 36—40, 43

Раулинсон Дж. 10

Риттер К. 12

Ростовцев М. И. 12, 14, 15

Руденко С. И. 82

Рыбаков Б. А. 12, 139

Сейс А. 10

Секст Эмпирик 167

Сенека 159

Сим 62

Силак 74, 86, 87, 96, 103, 128,
129, 146, 154

Скопасис 140

Смирнов А. П. 14, 15, 25

Смирнов К. Ф. 35, 40, 88

Солин 80, 105, 108, 147, 158, 166,
169, 172, 178

Соловьев С. М. 92

Софокл 148, 159

Спарганис 108

Спарганиф 108

Спицын А. А. 14

Стефан Византийский 101—103,
106, 108

Страбон 9, 23, 24, 49, 50, 52, 53,
58, 68, 70—72, 76, 85, 92, 95,
102, 103, 107—111, 117, 118,
126, 131, 137, 138, 140, 150, 151,
155, 156, 161, 164, 191

Струве В. В. 111

Субэдей 92

Табал 62

Тамирис 108

Тацит 110

Тереножкин А. И. 12, 14, 15, 19,
25—29, 33, 35, 36, 38, 41, 48,
52, 56, 66

Тертуллиан 106

Тибулл 180, 181

Тимур 93

Тирас 62, 63

Толстой С. П. 40, 62, 82

Томирис 108

Томсон Док. 131

Трайдлер Г. 12, 15

Третьяков П. Н. 12

Трог Помпей 104, 106, 108, ПО,
157, 178

Удальцов А. Д. 12

Фабрициус И. В. 12, 14, 16

Фалес 74
Фасмер М. 7, 75
Фебистий 9
Феопомл 9
Феофан *Митиленский* 156
Феофраст 165
Филосторгий 104
Филострат 121
Флавий Иосиф 9, 154
Флакк Валерий 163
Фотий 106, 108, 154
Фроптин 108
Фугидид 9

Хадсон Ф. 139
Хазанов А. М. 14, 35, 36
Хам 62
Хейдел В. 132
Хенниг Р. 88
Хеннинг В. Б. 56
Херил Самосский 103, 106

Цейсс К. 140
Цельс 9
Цец 153, 154, 180

Цицерон 9

Чердниченко Н. Н. 34
Черников С. С. 40
Членова Н. Л. 41, 44

Шафарик П. 15
Шрамко Б. А. 14, 98
Штейн Г. 10, 110, 114

Эберт М. 12, 15
Элиан 9
Элий Аристид 153
Эратосфен 49—51, 76, 85, 102,
128, 136, 155
Эсхил 68, 70, 144, 148, 159
Эфор 53, 97, 128, 152

Юлий Валерий 105, 150
Юнге Ю. 117
Юстин см. *Трог Помпей*

Якоби Ф. 102, 103, 144, 145
Яценко И. В. 14, 18, 19, 43

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абасги 134
Абидос 72
Агафирсы 140, 141
Азия 14, 15, 21, 26, 41, 43, 44, 52, 54, 57, 58, 61, 63, 73—76, 95, 101, 103, 104, 106, 111, 114, 120—122, 125, 127—129, 131, 135, 136, 142—161, 169, 178—181, 183, 191, 192
Агесинц, р. 96
Аланы 154
Алароди 55
Александрия 154
Александрия Дальняя, г. 132
Амазонки 52, 95
Амалхийский океан 169
Амргий 103
Амис, г. 85, 86, 95
Андрос 73
Андрофаги 5, 140, 141
Апалеи 105
Апасаки 151
Аравийский залив 72, 89, 90, 148—150
Аравия 72
Аракс, р. 3, 5, 17, 18, 24, 47, 54, 59, 76, 79, 85, 92, 96, 109, 110, 113—127, 132—135, 149, 151—153, 155, 177, 189, 192
Арамейцы 105
Аранг, р. 124
Аргишпей 70, 80, 88, 171, 172
Аремфеи см. Аримфеи
Ариана 132
Арии 55, 121, 173, 184—186, 190
Аримасы 67—70, 77, 84, 121, 123, 165—171, 178, 179, 188
Аримфеи 168, 169, 171, 172 см. Аргишпей
Армения 111
Ассирия 23, 24, 51, 91, 130
Атлантический (Западный) океан 71, 75
Атика 71
Африка см. Ливия
Ахиллов Бег, п-ов 58, 63
Ашур, г. 92
Бактр, р. 121, 126, 133, 177
Бактриана **111**
Бактрийцы 102, 105, 126, 158
Бактрия 85, 86, 94, 103, 104, 106, 110, 111, 118, 120, 128, 132, 136, 158, 159, 177
Бактры, г. 85, 86, **118**
Бастарны 96
Белый (Молочный) океан 173
Белый, о. 58
Борисфен, р. 6, 120, 155, 184
Боспор Киммерийский 59, 60, 78, 87, 94, 95, 101, 127, 129, 136, 145, 147, 149, 152, 155, 158, 162, 164, 165, 189
Боспор Фракийский 60, 71, 85
Будипы 5, 6, 70, 80, 88, 139—141
Бук, оз. 100
Вавилон 92, 132
Вавилония 91
Внешний океан (море) 104, 177, 178, 180
Восточный океан 71, 75, 123, 128, 144, 155
Гадес 154
Гадиры 153
Гадитанский пролив 157

- Галилея 111
 Ганг, р. 105
 Гандара 102
 Гандары 101, 102
 Геллеспонт 51, 71, 72, 85, 135, 144, 148, 149, 152, 153, 158, 160
 Гелоны 139—141
 Гениохи 134, 153
 Гераклов пролив 145, 148, 160
 Геракловы Столбы 144, 149, 150, 153, 155, 159
 Гермонасса 94, 95, 147
 Герр, р. 5
 Геты 96, 120, 137
 Гишакирис, р. 5, 99
 Гипанис, р. 5, 95, 101, 145, 147, 151—153, 155—157, 160, 184
 Гипербореи 67—69, 84, 165, 166, 168—173, 176, 179—182
 Гиперборейский океан 167
 Гиркания 85, 103, 121, 124, 159
 Гирканский залив 104, 117
 Гирканское море см. Каспийское море
 Гирканцы 154
 Гордион, г. 32
 Греция 70, 75
 Грифы 67—69, 84, 165, 166, 168—171, 179
- Даки 120
 Дандарии 95, 147
 Дельфы 70, 73, 74
 Диоскуриада 97
- Европа 35, 54, 74, 95, 101, 125, 129, 136, 143—150, 152—161, 169, 179, 191, 192
 Египет 54, 62, 72, 92, 149, 154
 Есседоны см. Исседопы
- Иберия 71
 Иберы 120
 Иирки 70, 80, 88
 Имав 86, 93, 106, 178
 Инд, р. 133, 134, 154, 177
 Индийские горы 150
 Индийский океан 72, 73, 76, 89
 Индийцы (инды) 53, 103—105, 128, 151, 174, 186, 191
 Индия 9, 71, 86, 93, 94, 101—107, 110, 122, 123, 128, 135, 144—146, 148, 154, 157, 158, 170, 173, 177, 185, 192
- Ионийское море 154
 Иония 52, 68, 70, 75
 Ипакар, р. 100
 Ирида, р. 95
 Исеть, р. 81
 Исседон в Серике, г. 81, 82
 Исседон Скифский, г. 81
 Исседоны (есседоны) 7, 32, 39, 59, 67—70, 76, 77, 79—84, 87, 88, 91, 96, 102, 105, 108, 121, 154, 166, 168—171, 179
 Истр, р. 6, 50, 58, 119—121, 137—141, 156, 163, 168, 177
 Исџп 96
- Кавказ 25, 28, 31, 44, 46, 58, 59, 61, 95, 96, 98, 101, 105, 112, 113, 122, 123, 127—131, 136, 139, 140, 142, 146, 153, 155, 156, 159, 178, 179, 191, 193
 Каппадокийцы 111
 Каппадокия 111
 Кардес 96
 Каркемиш, г. 92
 Каркина, г. 100
 Каркнит, р. 100
 Каркнитиды, г. 58, 96, 99—101
 Каркнитский залив 99, 100, 112
 Каспапир (Каспатир), г. 102, 103
 Каспиана 86, 111
 Каспийские ворота 85, 86, 92, 102, 127—129
 Каспийские озера 135
 Каспийский залив 104
 Каспийское (Гирканское) море 20, 74, 76, 79, 84—87, 92, 93, 101, 102, 104, 106, 111, 116, 117, 122—124, 127, 131, 135, 136, 140, 144, 145, 147, 149—153, 157—160, 190, 191
 Каспийцы 154
 Катанны 101
 Кельтика 71
 Кельты 53
 Керавнский хребет 178
 Керкеты 153
 Керкентиды, г. 99, 100
 Кефаллония 74
 Киммерийские переправы 95, 101, 144, 148, 149, 160
 Киммерийские стены 129
 Киммерийский Боспор см. Боспор Киммерийский

- Киммерийский пролив 130 см.
 Боспор Киммерийский
 Киммерийцы *passim*
 Кимы, г. 54
 Кир, р. 85
 Колика 178
 Колхи 95, 114, 115, 125, 129, 134, 153
 Колхида 50, 51, 85, 98, 111, 130
 Колы 95, 147
 Константинополь 160
 Кораксы 95, 147
 Кроныйский океан (море) 167, 169

 Ледовитый океан см. Северный океан
 Лейкосиры 95
 Лемнос, о. 71
 Лесбос, о. 73, 119
 Ливийцы 53—55
 Ливия (Африка) 54, 73, 143, 146, 148—150, 153, 157, 160
 Лигии 55
 Лигуры 53
 Лидия 68
 Лик, р. 5, 95
 Лотофаги 182

 Македоняне 128
 Макропы 95
 Малая Скифия 58
 Манна 51, 92
 Манси 185, 186
 Мариандины 95
 Массагеты 7, 25, 39, 59, 76, 77, 79, 83, 84, 87, 91, 105, 108, 114, 115, 117—121, 123—125, 132, 135
 Матиены 55, 115, 126
 Матикеты 96
 Меланхлены 5, 9, 96—98, 101, 140, 141
 Меотийский пролив 144
 Меотийское озеро (Меотида) 80, 98, 113, 115, 122, 123, 129, 131—136, 141, 145, 150—154, 156, 158, 160, 165, 168, 179, 191
 Меоты 168
 Мертвый океан (море) 167, 169
 Меру 173
 Месопотамия 90
 Мидийцы 55, 62, 106, 114, 115, 125, 130
 Мидия 23, 85, 92, 102, 110, 111, 127—130
 Микала, мыс 122, 128, 146
 Мшхи 101
 Миргеты 96
 Мисийцы 49
 Мисия 49, 68
 Млекоеды (доители кобылиц) 48, 49, 52, 53, 55
 Моссины 95
 Мосхи 62

 Нил, р. 120, 148—151, 157, 158, 160, 161
 Ниневия 23
 Невры 5, 6, 140, 141

 Оар, р. 5, 138, 141
 Океан 117, 118, 122, 123, 144, 167, 180, 181
 Окс. р. 104, 114, 115, 132, 150, 151
 Ольвия 70, 87—89, 110, 139

 Пакирис, р. 100
 Пактика 103
 Палестина 92
 Пантикап, р. 5
 Пантикапей 60
 Паралаты 109
 Парикании 55
 Парнас 115, 133, 134, 177, 178
 Паропамисады 85, 178
 Паропамис (Паропамис) 105, 122, 128
 Партизи 106 см. Парфяне
 Парфия 104, 128, 132
 Парфяне 55, 85, 101, 102, 105, 106, 135, 178
 Пафлагония 50, 52, 68
 Пафлагонцы 50
 Персеполь 91, 132
 Персидские ворота 91, 127
 Персидский залив 72, 73, 77, 90, 91, 102, 127, 146, 154, 188, 192
 Персия 6, 55, 139
 Персы 87, 105, 106, 111, 114, 115, 118, 125, 141, 142, 146, 155, 159
 Понт 50, 52, 57, 71, 84, 86, 94, 111, 134—136, 144, 147, 149, 152, 157—160, 184
 Понт Аксинский 75
 Понт Скифский 159
 Прекрасная гавань 100
 Проконнес, г. 32, 68, 84

Пропалис, р. 105
Пропонтида 51, 71, 72, 85, 135,
144, 158

Рангха, р. 124

Раха, р. 174

Рим 52, 163

Рипейские (Рифейские) горы
80, 102, 129, 157, 158, 160,
165—170, 172—180, 182—185,
190, 192

Рипы 174, 175, 177, 178, 185

Родопа 168

Савроматы (сарматы) 6, 34, 35,
39, 40, 49, 70, 80, 83, 84, 88,
139—141, 168, 169, 179, 190

Саги 105 см. Саки

Сай НО

Сакарауки 110

Сакасена 111

Сакени 112

Саки 7, 25, 39, 64, 87, 104—113,
123

Сакское оз. 112

Сарды, г. 58, 74

Саспиры 55, 114, 115, 125, 129

Сасык, оз. 112

Сатархи 105

Саудараты 97, 98

Северное море 118

Северный (Ледовитый) океан
69-71, 74, 75, 118, 167-169,
179, 180, 186

Серика 82, 109

Серы 104, 109

Сест 72

Силис, р. 105 см. Яксарт

Спнд 134

Синдика 101

Сипды 101, 153

Синопа, г. 85

Сираки 109, 110

Спргис, р. 5

Сирия 54, 92

Скифины 111

Скифия *passim*

Скирополис, г. 111

Скифские горы 105

Скифские о-ва 104

Скифский залив 104

Скифы *passim*

Скифы амиргийские 107

Скифы-земледельцы 6

Скифы-кочевники 76

Скифы отделившиеся 70, 80, 88

Скифы царские 11, 39, 57, 108—
110, 113

Сколоты 57

Смирна, г. 74, 153

Согдиана 110, 132, 136, 158

Согды (согдианы) 9, 55

Старая (Древняя) Скифия 58

Стримон, р. 96

Сузы, г. 86, 132, 138

Тавр 96, 106, 122, 127, 128, 135,
146, 158, 178, 191

Таврика, п-ов 100

Тавры 140

Танаис, р. 5—7, 79, 80, 84, 95,
96, 114—116, 118, 121, 122,
124, 125, 132—135, 138—161,
177, 179, 184, 190-192

Тенедос, о. 73

Тибарены 62, 95

Типаниссы 95, 147

Тир, г. 63

Тира, г. 63

Тирас, р. 5, 61, 63, 78, 129, 137,
138, 184

Тиритака 63

Тирсены 62

Тиссагеты 70, 80, 88, 141

Томы 163, 164

Тореты 153

Трапезунт, г. 85, 94

Треры 24, 111

Троада 49

Троя 49, 50

Туруша 62

Угры 185, 186

Уммап-манда 23

Урарту 91, 130

Урмия, оз. 115

Фанагория, г. 94, 95, 147

Фасис, р. 50, 73, 85, 95, 97, 129,
134, 144, 145, 147-149, 153,
154, 157, 159, 160

Фемискира 95

Фермодонт 95, 96, 134, 159

Фивы 73

Финикийский залив 158

Финикийцы 73

Фракийцы 49

фракия 51, 58

Фригия 52, 08

Халибы 95, 111

Халкедон, г. 51

Халкида 51

Халкидика 73

Ханты 185, 186

Хара Березайти 174

Херсонес 72, 96, 100

Хиос, о. 73, 74

Хоасп, р. 133, 177

Ходжент, г. 132

Хорасмии 55, 101, 102

Хорасмия, г. 102

Хорсары 105

Шакашен 111

Шаке 111

Шикакар 111

Эвксинское море (Эвксин) 58

Эвксинский Понт 72, 75 см.

Понт

Эгейское море 71, 72, 84

Эдоны 96

Эды 96

Экбатаны, г. 132

Экзампей 7

Элам 91

Эмод 178

Эолида 52, 68

Эритрейский залив 154

Эритрейское (Красное) море
72—78, 89, 90

Эфес, г. 86

Эфиопия 71

Эфиопы 53—55, 73

Южное море (океан) 69, 71—79,
89, 91, 127, 188, 192

Яксарт, р. 104, 114, 122, 123,
129, 132, 133, 136, 145—147,
150, 151, 153, 156—159, 161

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ	- Большая советская энциклопедия
ВДИ	- Вестник древней истории
ВИ	- Вопросы истории
ВССА	• Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954
ГИМ	• Государственный Исторический музей Журнал Министерства народного просвещения
ЖМНП	• Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОИИД	• Известия Археологической комиссии
ИАК	- Известия Академии наук Казахской ССР
ИАН КазССР	- Исторический журнал
ИЖ	• Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТОИАЭ	- Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИТУАК	- Краткие сообщения Института археологии ИАН СССР
КСИА	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИИМК	- Краткие сообщения Института народов Азии
КСИНА	- Краткие сообщения Института народов Азии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СП	— Ж е б е л е в С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953
ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и

ΦΟ

ЦИНИИ

AAAnth.

Abh. Akad. Berl.

ABSA

APhP

CR

Dorp. J.

ESA

F. Gr. Hist.

MBA

RE

SC

— Филологическое обозрение

— Чечено-Ингушский научно-исслед. ин-т

— Archiv für Anthropologie

— Abhandlungen der königlichen-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin

— Annual of the British School at Athens, London

— Archiv für Philologie und Pädagogik

— Classical Review, Oxford

— Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst besonders Russlands

— Eurasia septentrionalis antiqua

— Jacoby F. Fragmenta der griechischen Historiker. Berlin, 1923—1958

— Monatsberichte der königlichen-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin

— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft/ Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1894—1980

— Латышов В. В. Scythica et Caucasica: Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, т. I; 1904, т. II

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение.	3
Глава I. Начальная история скифов в изложении современных советских исследователей	17
Глава II. Ранние известия о скифах и киммерийцах	48
Глава III. «Аримаспейя» Арпстея Проконнесского	67
Глава IV. Восточные скифы.	94
Глава V. Аракс Геродота.	114
Глава VI. Начальная история скифов по Геродоту	127
Глава VII. Скифский поход Дария.	137
Глава VIII. Танаис как граница Европы и Азии , ...	143
Глава IX. Климат Скифии.	162
Глава X. Рипейские горы.	176
Заключение.	187
Указатель имен.	195
Указатель этно-географических названий.	199
Список сокращений.	204

Ирина Валериановна Куклина

Этногеография Скифии
по античным источникам

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства И. П. Панкина
Художник Ю. П. Амбросов
Технический редактор Л. И. Карявва
Корректоры О. И. Буркова и Л. Б. Наместникова

ИБ № 20851

Сдано в набор 08.10.84. Подписано к печати 24.01.85. М-18121. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ л. 10.92. Усл. кр.-отт. 11.07. Уч.-изд. л. 11.66. Тираж 4100. Тип. зак. № 1969. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.